

Ольга Квирквелия

**Опыт бытовой
эсхатологии
для гнау**

Предисловие

Человек за пределами человеческого

Размышления об “эсхатологии повседневной жизни” Ольги Квирквелия отражают тему очень актуальную, особенно на входе в третье тысячелетие христианской эпохи. То, что казалось только порождением научной фантастики, сегодня все больше становится элементом повседневной жизни или, лучше, жизни, для которой неразличимы границы реальности.

Действительно, последние десятилетия благодаря технологиям, изменившим способ общения, познания и даже работы, характеризуются стремительным вторжением виртуального измерения существования. Мировой экономический кризис последних десяти лет еще больше ускорил эту трансформацию; начиная с крушения финансово кредитных отношений (виртуальные деньги, не соответствующие реальным ценам); мы становимся свидетелями эпохальной перестройки систем производства необходимых продуктов и использования энергетических ресурсов, что все больше заменяет человеческую рабочую силу алгоритмами и автоматами. Растет неравенство между теми, кто владеет, и теми, кто потребляет, между полами и поколениями, между различными сообществами или человеческими “породами”, оседлыми и “кочевыми”. В то же время размывается разница между теми же расами и полами, между социальными слоями и классами; средства связи делают незначимым уровень образования и накопленный опыт. Будущее человечества становится все более туманным.

Из мира религиозных противостояний мы попали в мир религиозного безразличия, в котором проявления религиозности подчеркивают тенденции к фундаментализму (не только мусульманскому, наиболее выраженному, но и всех религиозных традиций, классических и современных). Исчезновение великих школ мышления, духовного и мирского, философского и политического, делает крайне размытой и неуловимой любую систему ценностей; законы теряют смысл, органы – власть, общественные деятели – престиж. Социальная уравниловка не порождает мирное сосуществование, наоборот, безмерно увеличивает конфликты. Какое будущее нас ожидает?

Живя в период столь коренных перемен, действительно имеет смысл попытаться представить себе будущее. Вопиющий пример дают экономические “науки”: после того, как минимум три века предсказания их представителей - от Рикардо до Адама Смита, от Маркса до Кейнса и многих других священослужителей некой новой мирской религии, описывающей и предсказывающей будущее народов и отдельных личностей, - пользовались огромным доверием, сегодня “экономисты” сведены до уровня гадалок и шаманов, вынужденных толковать внутренности банковских крахов и тайны глобализации.

Тогда имеет смысл попытка прочесть будущее, оставаясь погруженным в настоящее, как пытается сделать Ольга Квирквелия. Ее попытка – не угадать, что будет, а найти истинное значение того, что у нас перед глазами, слов, которые мы используем, и критериев, с помощью которых стараемся ориентироваться в современности, не теряя полностью связь с прошлым. Десять заповедей, представленные здесь, говорят о фундаментальных измерениях существования: ожидание и время, жизнь и смерть, связь между людьми и животными, дух и путь, грех и любовь, вплоть до рая, о котором все мы мечтаем так или иначе, на небе или на земле. Нас призывают не останавливаться на общих местах, обратиться ко всем значениям, художественным и литературным, религиозным или идеологическим, чтобы не сдаться перед нехваткой смысла.

Прошло 50 лет со дня публикации “Голой обезьяны” этолога Десмонда Морриса, которая отличала человека от других животных почти только по его гладкой коже. И вновь мы задаемся вопросом, что на самом деле есть человек, что делает его особым, даже подобным Богу в религиозной трактовке. Квирквелия в этом размышлении следует за прозрениями Клайва Стэпла Льюиса, который в 1943г. написал книгу об «отмене человека». В ней он уже тогда представлял, что на самом деле человек может путать реальность с собственными представлениями, которые могут соответствовать очень разным и сложным системам ценностей, как индийский *satya* или китайский *tao*, или гнау из названия книги Ольги Квирквелия, чтобы безлично синтезировать зыбкое течение повседневных связей, которые человек устанавливает с тем, что его окружает. Льюис анализирует иллюзию “власти человека над природой”, замечая, что очень часто она сводится к власти некоторых людей над другими людьми, часто предшественников над последователями.

Именно это происходит в период, который мы проживаем, постмодернизму которого каждый дает свое определение. Этот период сегодня становится и пост-глобализацией по все более распространенному ощущению отказа от идеала мира без границ и без пределов, который некоторыми провозглашался прямо-таки «концом истории», почти что реализованным раем. Мы уже за концом, приближаемся к «концу конца» истории, и все становится спорным. Новое поколение чувствует себя обманутым старшим. Сам человек меняется, мы становимся, по определению Льюиса, «людьми безгрудыми», неспособными дышать, без легких и без сердца, или остаемся полностью подчиненными «великому уху» Ницше, людьми, скрючившимися перед маленьким экраном, полностью зависимыми от безымянного потока информации и изображений, над которым мы не имеем никакого контроля.

Это конец человеческого? Это начало нового гуманизма? Биоэтика говорит о “трансгуманизме”, о существовании пост-человеческом в попытке изменить и “улучшить физические и умственные способности человеческой личности и применить новые технологии к человеку, чтобы исключить нежелательные и не необходимые аспекты человеческой жизни, такие как страдание, болезнь, старость и даже смертность”, как утверждает Ник Бостром, глашатай этой новой цели прогресса. Он утверждает, что трансгуманизм является новой парадигмой будущего человека, который объединяет ученых разных областей (искусственный разум, неврология, нанотехнология и практическая биотехнология), философов и представителей культуры общей целью: изменить, улучшить человеческую природу и продлить ее существование. Здесь окончательно сливаются наука и религия.

Мы уже имеем эффект продления человеческой жизни благодаря, естественно, распространению медицинской помощи и в целом глобальному улучшению условий человеческой жизни. Стоит задаться вопросом, вплоть до какого момента желательно продлить существование за пределы 100 лет, учитывая, что действительно интересная фаза жизни ограничивается немногими годами молодости. Однако можно представить некое “человечество”, состоящее из совершенно разных существ, как призывается в книге Ольги Квирквелия и как можно увидеть в баре “Звездных войн” и во многих других научно-фантастических фильмах, и задаться вопросом, могло ли бы это “разное человечество” разрешить в лучшую или худшую сторону великие проблемы существования. Может быть, в ней была бы ситуация, похожая на нашу, или, может быть, как говорит эта книга, это наша ситуация очень отличается от нашего о ней представления.

Ольга Квирквелия задает вопрос наивный, но и решающий: а если мне не понравится рай? Если он мне не подходит? Это повседневный вопрос, касающийся

самой жизни и собственного места в ней. Эсхатология, как учат учебники теологии, служит не предвиденью завтрашнего дня, а прояснению смысла сегодняшнего.

Stefano Caprio

Вступление.

Не бойтесь того, что ваша жизнь должна закончиться, бойтесь того, что она так и не начнется - Джон Ньюмен

Как это ни странно, есть много слов в нашем языке, о значении которых мы только смутно догадываемся. И я не имею ввиду термины квантовой механики или еще какой-то зубодробительной области знания, нет, эти слова мы употребляем каждый день, даже не удосуживаясь задуматься: «жизнь», «смерть», «человек», «душа», «прошлое», «будущее»... А ведь это все про нас! Получается, что мы не обращаем внимания на самих себя, бредем по дороге жизни, не ведая, куда, не зная, зачем...

Размышления о жизни и смерти – удел не только философов и ученых, они важны для каждого из нас, ведь это мы живем и умираем.

Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти. Воспитывай свой разум. Когда твоя мысль постоянно будет вращаться вокруг смерти, твой жизненный путь будет прям и прост. Из заповедей японских самураев

Я попыталась собрать воедино мысли и философов, и ученых, и писателей, и библейские тексты, и словарные определения, и личный опыт в надежде хоть немного облегчить понимание самых важных, основополагающих проблем. Но мне хотелось остаться в рамках повседневной жизни, не углубляясь в чисто теоретические, религиозные и возвышенные рассуждения, поэтому в названии присутствует слово «бытовая». Мне хотелось также познакомить читателей с некоторыми чудесными книгами, поэтому я позволила себе обильное цитирование. Мне хотелось пробудить в каждом воспоминания о личном мистическом опыте (ибо у каждого есть свой мистический опыт, но многие не заостряли на нем внимание), поэтому я рискнула рассказать о своем.

Текст получился сложным... Но не даром он адресован гнау...

Глава 1. В ожидании Годо

Смерть более универсальна чем жизнь - все умирают, но не все живут. Эндрю Сакс

Хочу сразу предупредить – это вопросник, ответов тут не будет. И не потому, что я их не знаю, а потому, что у каждого они свои. Когда-то в храме раздавали такие маленькие книжечки для подготовки к исповеди: список вопросов, на которые надо ответить, чтобы лучше понять свои грехи. Так вот вопросы были для всех одинаковые, но ответы каждый давал свои...

И еще одно предупреждение: этот текст имеет смысл только для верующих и для тех, кто хотя бы умозрительно предполагает, что земное существование человека не исчерпывает всей его судьбы. Потому что, если атеиста что и интересует за пределами его земного существования, то – максимум – его существование

подземное: какой конкретно тип червяков будет есть его тело... И мне нечего ему сказать, я совершенно не разбираюсь в червяках...

Впрочем, я не могу ничему научить и людей верующих, могу только поделиться своими размышлениями. Потому что у каждого своя вера, свои отношения с Богом, каждый делает свой выбор и у каждого свой жизненный путь.

Кстати, а вы идете жизненным путем или дорогой жизни? Потому что тут есть принципиальная разница...

Казалось бы, "путь" – синоним слова "дорога", а нет! Не совсем одно и то же...

«Дорога» происходит от индоевроп. *dorgh- (связано с дёргать и означает «продранное в лесу пространство»). Место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами. Дорога — разновидность границы между «своим» и «чужим» пространством; мифологически «нечистый» локус. Здесь можно встретить кого угодно, здесь может произойти что угодно... Будучи общим местом для людей и нечистой силы, дорога символически разделялась на две половины: правую — для людей и левую — для потусторонних существ и зверей. Поэтому при встрече с волком переходили на правую сторону дороги, считая, что волк перейдет на левую. Какие производные от "дороги" существуют? Ну, подорожник, придорожный – и, пожалуй, все. Но эти понятия не связаны с самой дорогой, они как бы при ней... Дорога «ведет» всех, кто по ней идет, неважно куда, неважно зачем...

А слово "путь"? Происходит от праслав. *rǫть, родственного др.-инд. rānthās – тропа, дорога, путь, лат. pontis – мост, тропинка, греч. πόντος – море, путь по морю, арм. hun – брод. Сюда же относят гот. finþan – находить, узнавать, fandôn – карать, испытывать. Заметили разницу? Дорога – рубеж, пространство, прорубленное во враждебном мире, путь – мост, поиск, испытание...

Википедия утверждает, что путь — это расстояние, которое прошло тело.

Викисловарь более пространен: это

1. полоса земли, предназначенная для ходьбы, езды
2. линия в пространстве, где что-нибудь передвигается
3. место, по которому надо пройти или проехать, по которому что-то или кто-то передвигается
4. доступ к кому-, чему-либо, возможность достичь чего-то
5. орган в организме человека или животного в виде канала, служащий для активного перемещения чего-либо (пищи, крови, воздуха и т. п.)
6. направление деятельности, развитие чего-либо, образ действия
7. польза, толк

Производные от слова «путь» - попутчик, путешественник, путник, спутник

Дорога может существовать и сама по себе, а вот путь есть только для тех, кто по нему идет... На пути может встретиться много дорог, тропинок и даже тупиков, но это мое путешествие...

Очень любопытно, что и в итальянском языке и в итальянских предрассудках ситуация почти аналогичная.

Итак, у нас есть выбор: идти туда, куда ведет дорога, или следовать своим путем.

Но откуда и куда мы идем? Тривиальный ответ – от рождения к смерти. Хотя, если учесть, что мой жизненный путь начался до рождения (как минимум с моего зачатия) и закончится (может быть) после моей смерти, то ответ уже не выглядит таким бесспорным. Конечно, земной путь человека имеет очевидную и универсальную конечную остановку, к которой ведут все дороги.

Однако путь предполагает и наличие его цели и смысла, путь – не блуждание, не прогулка. Даже если предположить, что жизненный путь – это путь от рождения к смерти, то вряд ли последнюю можно назвать целью и смыслом путешествия... Но если мы верим (даже знаем), что конечная остановка – это только мост, врата (или может быть, пересадка) – а именно таковы этимологические корни слова «путь» - ведущие туда, куда мы хотим и надеемся попасть, ситуация кардинально меняется. Тогда нам надо захватить (или приобрести) в путешествие все необходимое (если путь ведет к морю, надо взять с собой плавки, если на Северный полюс – лучше шубу), как-то подготовиться...

И тогда становится очень важным вопрос: *как мы идем?*

Есть такая пьеса у Самуэля Беккета “В ожидании Годо”.

Главные герои пьесы Владимир и Эстрагон ждут некоего Годо. Зритель по своему усмотрению может определить Годо как конкретное лицо, Бога, сильную личность, Смерть и т. д. В продолжение некоторого времени появляются ещё два персонажа — Поццо и Лакки. Лакки является безмолвным и безвольным рабом Поцци и его бывшим учителем.

Есть в пьесе и мальчик — посыльный, сообщающий, что Годо придёт завтра.

Пьеса предполагает множество интерпретаций, но одна из наиболее очевидных – и ожидание той самой конечной остановки, и сам путь к ней.

Лакки, покорно тащащий неизвестно куда свою (на самом деле чужую) поклажу, повинующийся неизвестно почему чужой прихоти, бредущий неизвестно куда и неизвестно зачем. И во втором акте он появляется уже оглохшим. Его ведет дорога... Поццо, богач, ведущий Лакки на рынок, чтобы продать его, но возвращается, не достигнув своей цели (да и была ли она у него на самом деле?). Узнав, что Владимир и Эстрагон ожидают Годо, он говорит: “Я тоже был бы счастлив его встретить. Чем больше я встречаю людей, тем я счастливее. Самое ничтожное существо может тебя чем-то обогатить, дать лучше почувствовать своё счастье...Если бы у меня была назначена встреча с этим Года... Года... Годо... ну, вы знаете о ком я, я бы ждал до поздней ночи, прежде чем уйти. (Смотрит на часы.) Но мне пора идти, если я не хочу опоздать.” (помните, у Высоцкого: «в гости к Богу не бывает опозданий...»). Во втором акте Поццо слепнет. И его ведет дорога – к иллюзорной, мелочной цели, до которой он никогда не доберется...

Владимир, смутно представляющий, кто такой Годо и зачем они его ждут, но упорно

ждущий. Годо ждут, а он все не приходит. Происходит непрерывное и бессмысленное повторение событий на фоне полного бездействия. " Что мы здесь делаем, вот о чем мы должны себя спросить. Нам повезло, что мы знаем. В этой чудовищной неразберихе ясно только одно: мы здесь затем, чтобы ждать, когда придет Годо". Ожидание - состояние, а не процесс. А путь – процесс...

И наконец Эстрагон – тот вообще знает о Годо только понаслышке, сомневается и в его приходе, и в том, что его стоит ждать. Время от времени он сбегает куда-то, но там его бьют, и он возвращается обратно. Эстрагон ждет Годо скорее за компанию, просто потому, что его ждет Владимир... Скажем честно, его «паровоз стоит на запасном пути»...

Вот четыре отношения к жизненному, земному пути и к тому, куда он ведет: покорное и бессмысленное, тягостное существование, глухота ко всему, что извне; суежное стремление к иллюзорным и недостижимым целям, слепота перед лицом целей подлинных;

полное бездействие, пассивное ожидание, довольство смутными и примитивными представлениями об истине;

кампанейщина, подражательство, непостоянство и – безразличие (как пел В. Цой, «Все говорят, что мы вместе, но никто не знает, в каком»...).

В пьесе Годо так и не приходит. И неудивительно...

Но возвращаясь к вопросу о пути: *так каким путем идет каждый из нас?.. Или, может быть, есть пятый вариант? Вариант пути осмысленного и целенаправленного?..*

Сократ говорил, что неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы ее тянуть.

Я не поклонница Николая Островского, но люблю одну половину одной его фразы: «Самое дорогое у человека - это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое...» Вот только ответ на вопрос «как?» у нас с Островским различается...

Глава 2. Что, где, когда

Время — движущий образ неподвижной вечности. Жан-Жак Руссо

К сожалению, если мы хотим разговаривать о чем-либо серьезно, нам надо точно определить как тему разговора, так и его основные понятия, а это бывает очень непросто. Поэтому сегодня нашим мозгам (у кого есть) придется потрудиться.

А о чем, собственно, мы собираемся разговаривать? О нашем будущем – в том числе и отдаленном.

Изучение любого процесса или явления есть, по сути, поиск ответа на сакраментальные вопросы "что, где, когда?" Но "где" и "когда" носит вполне земной, я бы сказала, прагматичный характер. Хотя категории времени и пространства являются более, чем сложными. И для нас они находятся на стыке научного и «обыденного» - не будем сейчас вдаваться в противопоставление этих двух областей, интуитивно мы его и так понимаем.

Уникальность Христа как события в мире и в истории в гуманитарно-культурном, этическом, социальном, наконец, эсхатологическом аспектах настолько очевидна, что даже не обсуждается (не дискутируется) в христианских кругах. Гораздо реже эта уникальность рассматривается в метафизическом смысле. Причин, вероятно, несколько, и все они субъективны.

Но отказ от рассмотрения метафизической уникальности Христа невероятно обедняет наше представление не только о Нем, о Его ценности и роли, но и о нас самих.

В ряде случаев я буду называть Бога просто "нечто". По сути это абсолютно верно, поскольку Бог - Тот, к кому неприменимы никакие позитивные определения, кроме превосходных степеней - Тот, кто бесконечен и безначален, неизменен и невидим, т.е. не-что. При этом - существующее нечто.

Первое и основополагающее для нас понятие - «вечность». Как-никак, вопрос о вечной жизни никому не безразличен...

Вот как определяет вечность Ф. Шид: «Вечность Бога означает, что Он бесконечная активность и одновременно всецелая неизменность». То есть в вечности ничто не изменяется, она не имеет начала и конца, в нее невозможно войти и из нее нельзя выйти. Именно поэтому вечность - атрибут Бога и, вообще-то, только Бога.

Несколько противоречит этому утверждению сотворение мира из ничего, которое может быть понято как вечность ничто. К "ничто" тоже неприменимы никакие позитивные определения, но оно и не существует.

Здесь, наверное, самое время оговорить, что есть "существование", а также "бытие". "Быть" может только что-то. Что-то - это определенное нечто. Определенное - т.е. пределы которого установлены. Таким образом ничто бытием не обладает. И нечто тоже.

"Существование" семантически связано с понятием "сущность, суть". "Сущность" или "суть" может быть только чего-то, определяемого ею, т.е. она устанавливает пределы чему-то. Таким образом, ничто не может существовать как таковое. В полном смысле противоположность между нечто и ничто есть противоположность между сущим и не-сущим.

Ничто определяется весьма различными способами - чаще всего как хаос или праматерия. Однако признание вечности существования хаоса приводит к выводу, что сотворение есть по сути всего лишь упорядочивание чего-то, существующего вне Бога и не по Его воле.

Поскольку Бог вездесущ, то вне Него ничего быть не может. Тогда упорядочивается нечто в Боге, т.е. что-то в Нем было хаосом, что не соотносится с понятием Бога. И вообще, сотворение не есть «делание»...

В то же время логика понятна: если Бог сотворил мир из ничего, значит, оно уже было до акта творения. Ф. Шид дает определение, снимающее, на мой взгляд, это рассуждение: «То, что является противоречием в определении - вообще не вещь. Это ничто». Четырехугольный треугольник, круглый квадрат и пр. - ничто. (В этом же ряду находится и понятие ограниченности всемогущества Божьего - оно в невозможности создать вещь, противоречивую в определении, т.е. ничто). Круглый квадрат не обладает существованием.

Мир создан из ничего. В ничто сошло нечто, привнесшее сущность и, следовательно, существование. Именно в этом источник мистического ужаса, о котором пишет, в частности, Хайдеггер, страха Божьего. Именно поэтому поиск смысла жизни (сути, сущности жизни) - глубинная потребность человека.

Человек, висящий на ниточке Божественной воли над бездной ничто, "инстинктивно", как ребенок, хватается за все, чтобы укрепить свою связь с нечто, чтобы избежать возвращения в ничто, возвращения, которое по сути страшнее смерти. Таким образом, тварный мир находится между нечто и ничто.

Поскольку мир возник в результате "процедуры" изменения ничто, основная его характеристика - изменчивость (в отличие от неизменности нечто). Изменчивость проявляется прежде всего в двух основных всеобщих измерениях: времени и места.

Однако это означает, что никакое действие Бога не может быть одноразовым и даже более того, дискретным. Если Бог сотворил мир, то Он творит его вечно. Тогда если Христос воплотился, умер и воскрес, то и это происходит всегда. Как подобное утверждение соотносится с историческим событием Воплощения и вообще с историческим процессом, мы поговорим позже.

Понятие вечности часто употребляется также по отношению к духовным существам и душам. Но это некорректно. Во-первых, духовные существа и души тварны, т.е. они имеют начало, во-вторых, они совершают отдельные действия, ограниченные во времени. Для временной протяженности такого рода – имеющей начало, но не имеющей конца – можно употребить понятие присносущности. Ф. Шид определяет его несколько, на мой взгляд, причудливо: «Существует специальный термин – «присносущность» - обозначающий длительность духа, сущность или субстанция которого неизменна, хотя сам дух может испытывать привходящие изменения и в этом отношении он также находится во времени, но в так называемом дискретном времени, а не в непрерывном времени материальных объектов».

Если пользоваться всегда по определению ущербными аналогиями, то вечность – как Солнце, светящее вне зависимости от того, видим мы это или нет, а духовные сущности – как лампы, которые включаются время от времени, но не перестают существовать, будучи выключенными.

Однако для нас важно то, что присносущность – это не вечность, и войти в нее или выйти из нее можно, хотя вопрос о соотношении присносущности и вечности особо сложен именно потому, что мы можем лишь строить о нем гипотезы, которые нам не дано проверить в ходе земной жизни.

Третий и последний термин этого ряда – «время». Время – это длительность, имеющая начало и конец, внутри которой возможны изменения и действия, как дискретные, так и непрерывные. В потоке времени пребывают материальные объекты.

Неизменности Бога соответствует Вечность; непрерывной изменчивости материи соответствует Время. Время – это длительность того, что изменяется, как вечность – это длительность того, что не изменяется. Вопрос о возможности перехода из времени в присносущность и в вечность, а также обратно по сути есть вопрос о возможности перехода материи в дух, в том числе и Божий. К этому мы еще вернемся.

Аналогично определяется триада «вездесущность – бесконечность – пространство».

Вездесущность – атрибут Бога, связанный с отсутствием в Нем составных частей, с одной стороны, и тем, что Он пронизывает все бытие всех вещей, с другой. Это тоже весьма важный и интересный момент, вновь отсылающий нас к тезису о сотворении мира из ничего. «Абсолютно все вещи поддерживаются в существовании не чем иным, как непрекращающимся желанием Бога, чтобы они продолжали существовать». При этом, вероятно, следует говорить не только обо всех вещах, но обо всех их составных частях. Таким образом, если воспринимать желание Бога как силу, то Бог вездесущ в том смысле, что в любой вещи присутствует божественная составляющая. Иначе говоря, совершенно «материальных» (в рамках противопоставления «духовным») вещей не существует. Но и к этому мы еще вернемся.

Бесконечность – как и присносущность – атрибут тварных сущностей, имеющих начало. Интересно заметить, что если разговор о присносущности духовного воспринимается спокойно, то разговор об их ограниченности вызывает протест.

Стала более, чем привычной мысль, что протяженность имеют только материальные объекты, только они могут занимать место в пространстве. И если второе верно, то первое – спорно. Эта спорность имеет право на существование в рамках разговора о форме как еще одном атрибуте материи. Именно по этому пункту современной физикой был нанесен сокрушительный удар. Выяснилось, что есть вещи, совершенно очевидно не являющиеся духовными в общепринятом смысле, но не обладающие формой. Если же форма не есть необходимый атрибут материи, то, возможно, протяженность тоже может оказаться свойственной духовности.

Что, например, мешает нам представить себе ангела по аналогии с той же лампочкой, включающейся по воле Бога и имеющей свой радиус освещенности? Или же мы должны говорить о «псевдодуховных» объектах – волнах, энергиях и т.п. – или же о «квазиматериальных» объектах, обитающих в бесконечности, например, об ангелах?

Согласно "Краткому словарю философских терминов" форма налагает на вещь определенный способ бытия, является принципом ее упорядоченности, структурированности, качественной определенности, завершенности. У Аристотеля и Аквината форма организует материю вещи, дает индивидуальной вещи реальное бытие. Таким образом, форма - сущность вещи. В этом определении речь идет о взаимосвязи формы и материи. Но что тогда определяет духовные творения?

Если у духа без материи нет сущности (поскольку нет формы), то он, очевидно, не существует. Если действительность не имеет сущности - она не существует. Чтобы попытаться это понять, посмотрим, что такое материя. По Аристотелю это нечто, способное обретать форму, по Аквинату - то, что нуждается в форме, чтобы дать вещам бытие и индивидуальность, по Бергсону - "нечто протяженное в пространстве, непрерывно начинающееся заново настоящее".

Если все верно, то тварный дух для обретения сущности и существования действительно нуждается в форме, т.е. в определенности и, следовательно, в материи. Тогда можно начинать размышлять о воскрешении прославленной плоти, телесном взятии на небо Девы Марии и, наконец, о воскресении Христа. Иначе

говоря, о неразрывности духовного и материального в тварном мире - как видимом, так и невидимом.

Подобный подход вызывает протест потому, что явно или имплицитно мы различаем духовное и материальное как сознательное, воспринимающее и перерабатывающее информацию, и «глухое». Сюда же относятся воля и ее свобода, самосознание и пр. Но рассматриваемые в таком аспекте, духовное и материальное никак не связаны с теми метафизическими проблемами, о которых мы говорим. Нет никаких оснований утверждать, что нечто, имеющее волю, не может иметь пространственное и временное измерения (не в качестве части духовно-материального субъекта, а само по себе). Тогда волны материальны, ангелы духовны, но это никак не отражается на их месте в пространственно-временном континууме.

Пространство как «место обитания» материи характеризуется сосуществованием «чисто материальных» объектов, имеющих несотворенную духовную (в варианте желания Бога) и материальную (занимающую место в пространстве) составляющие; а также объектов, имеющих еще и тварно-бесплотную составляющую (обладающих духом, телом и душой), и объектов бесплотных, чья материальная составляющая не занимает места в пространстве.

Подобные утомительные попытки разграничения духовного и материального на метафизическом уровне заставляют меня отказаться от них и предложить рассматривать материю как одну из форм существования духовного. На мой взгляд, это достаточно перспективное направление размышления. Так же для упрощения заменим понятие материи на «плоть», а тварного духовного на «бесплотность», употребляя понятие «дух» только по отношению к Богу.

Тогда в вечности /вездесущности пребывает Бог, в присносущности /бесконечности – тварные объекты, не обладающие плотью, во времени /пространстве – тварные объекты, обладающие плотью. При этом Бог присутствует на двух других уровнях Своим непрекращающимся желанием как составной частью всего сотворенного, тварные бесплотные объекты присутствуют на «плотском» уровне как составная часть одушевленных существ.

Казалось бы, стало чуть понятнее. Но это только иллюзия. Возникли новые и весьма сложные вопросы:

- если в вечность нельзя войти и из нее нельзя выйти, то либо человека не ждет вечная жизнь, либо она у него и так вечная. Во втором случае становится профанацией вопрос о спасении;
- если Бог не подвержен изменениям, то Он либо вечно совершает акт творения, либо никогда его не совершал;
- если мир поддерживается в существовании вечным желанием Бога, а Бог неизменен, то мир – в том числе и плотской – вечен;
- если Иисус Христос – Бог, то Он вечен и неизменен. Тогда либо Он постоянно рождается, умирает и воскресает, либо этого никогда не происходило.

Существует еще ряд «дурацких» вопросов, но пока хватит и этих.

Для первого из сформулированных недоумений путь к решению лежит через Божественный замысел (естественно, вечный) и его воплощение. Спасение – адекватное воплощение Божественного замысла, слияние тварного и нетварного.

Тогда речь должна идти не столько о вечном творении, сколько о вечном и все более полном воплощении.

Это же касается и материи: наиболее полное воплощение Божественного замысла о материи – дух. Именно поэтому мы ожидаем воскресения плоти, преображенной в соответствии с замыслом о себе. Поскольку бесплотное еще не есть духовное, то спасения требуют и тварные бесплотные существа.

Если вспомнить историю творения, то человек был создан как синтез двух начал – плотского и бесплотного, что изначально предопределило для него возможность осознанно существовать в двух мирах – пространства/времени и присущности/бесконечности. Если чисто плотские тварности не могут по собственной воле стать бесплотными, а бесплотные – плотскими, то человек может актуализировать обе свои составляющие.

Однако хотя в любом творении присутствует духовная составляющая, актуализировать ее значительно сложнее. Бесплотные существа и бесплотная составляющая в человеке обладают способностью сознательного выбора и осознанного стремления. Однако осознанное стремление означает наличие идеала. Только в воплощении, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа были соединены все миры и слиты в едином замысле все составляющие. Как только через человека плотской мир может, преображаясь, присутствовать в мире бесплотном, а мир бесплотный – в плотском, так только через Сына Божьего человек может присутствовать в мире духовном.

При этом Сын Божий воплощен и постоянно воплощается, проходя те же ступени, в каждом из нас, но в Иисусе Христе воплощение достигло своего идеала, т.е. полного соответствия замыслу.

В любом человеке воплощается Сын Божий и, в соответствии с его свободным выбором, либо преображает, либо нет его плотскую и бесплотную составляющие.

Еще одно. Ничто как противоречие в определении не является абсолютным. Две пересекающиеся параллельные прямые – противоречие в двумерном пространстве, снимаемое в пространстве трехмерном. Снятие противоречий – путь к воплощению Божественного замысла не только для человека, но и для всего мира, включая ничто. Но история имеет дело не с отдельными личностями, а с социумами. Социум сам по себе является весьма парадоксальным образованием. Состоя из пространственно определенных элементов (людей), он сам таковым не является. Время его существования не совпадает с временем существования ее элементов. Можно было бы сказать, что его нет, если бы мы по собственному опыту не знали, что он есть. Замечу, что сравнение с ульем или косяком рыбы не корректно, поскольку социум многомерен, и человек является одновременно членом нескольких социальных групп (я – член групп женщин, россиянок, исследователей, любителей вязания и еще множества групп), состав которых не пересекается. Как и человек, социум имеет плотскую и бесплотную составляющие, при этом бесплотная доминирует.

Но если человека сотворил Бог, то социум – результат разделения и противопоставления, он возник как плод грехопадения, в широком смысле – нарушения воли Бога. Вспомним хотя бы историю с Вавилонской башней. Это важный нюанс, к которому мы еще вернемся.

Но обратимся вновь к соотношению космологических категорий. Есть ли во времени что-то, чего нет в присносущности и в вечности? Да, изменчивость, а вслед за ней - конец, смерть.

Как я уже писала, в идеале изменения должны вести ко все более адекватному воплощению замысла. Но это в идеале. В реальности изменения ведут к распаду. Должны ли мы предполагать, что распад и есть наиболее адекватное воплощение замысла? Видимо, да, но не всеобщий распад, а уничтожение разделений, возникших в результате отображения во времени вечного образа. Этот вечный образ - Царство Небесное.

Существование реального социума основано на разделении. Преодоление этого разделения приводит к смерти соответствующего социума. В этом и состоит суть исторического процесса. Однако страх смерти, распада порождает прежде всего инстинкт самосохранения со всеми вытекающими последствиями - борьбой за выживание любой ценой.

Но ему также должно соответствовать нечто в присносущности. Все многочисленные противоречия реального исторического процесса сведены здесь в борьбу добра и зла, света и тьмы. В чем смысл этой борьбы? Проблеме возникновения зла посвящено такое множество богословских трудов, что даже поверхностный их обзор увел бы нас вдаль от рассматриваемой темы. В абсолютном измерении добро - это соответствие замыслу, зло - противоречие ему. Но в измерении конкретном - тварном - все несколько сложнее. Замыслу Божьему противостоят личные умыслы, лишь в некотором смысле соответствующие ему. Любое действие несет зло одному своему субъекту и добро - другому. Война планируется как причинение зла одной стороне ради блага другой. Снятие разделения вынуждает зло конкретизироваться. Именно это соответствует присносущности.

Но в вечности - в Царстве Небесном - нет уже и этого противопоставления, ибо в вечности невозможна динамика, а следовательно, и победа.

Вездесущность, бесконечность и пространство могут быть проанализированы аналогично. Смерть личности (в частности) есть прежде всего распад ее пространственного воплощения. Смерть социума - бесконечного. Но здесь речь идет не столько о преодолении разделения, сколько о преодолении отделения, ограничения.

И, следовательно, вопрос о возможности перехода "материи" в "дух" и исчезновение связанного с ней пространственно-временного мира решается однозначно: это не только возможно, но и необходимо. Вероятно, столь же необходимо исчезновение, переход присносущно-бесконечного мира в вечно-вездесущий, но об этом нам сложно судить обоснованно.

Однако есть ли у всех этих размышлений прикладное значение? В методологическом аспекте - да, поскольку они позволяют по-иному осмыслить вопрос "что?", что именно происходило в некоем месте в некое время.

Это становится возможным в связи с введением в исследование исходной точки и конечного пункта земной истории. Появляется как бы эталон, с которым можно сравнивать реальные события. Правда, этот эталон имеет умозрительный характер, поскольку все сведения о Царстве Небесном получены из мистического опыта.

Однако и в данном контексте представляется уместным напомнить слова Иоанна Павла II в энциклике "Вера и разум" относительно невозможности свести понятие опыта к воспроизводимому и повторяемому эксперименту. Мистический опыт должен быть также введен в научный оборот (тем более, что в определенном смысле он может быть воспроизведен и повторен).

Я думаю, что вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что традиционная история как наука никого и ничему не учила (я имею ввиду практическую - политическую и социальную - сторону). Предлагаемый подход придает науке моральное измерение и прогностическую функцию. Ведь в конце концов, в чем смысл изучения истории, если не в том, чтобы понять наш путь, цель, смысл происходящего. По сути именно соотнесение постоянного воплощения Замысла с историческим Воплощением и есть смысл истории.

Тогда мы имеем две триады: "Замысел - Богочеловек - человек" и "Замысел - Царство Небесное - общество". Богословие учит, что воплощение Царства Небесного на земле - это Церковь. Здесь не место для дискуссии на подобную тему, отмечу лишь, что если это так, то далеко не все согласятся пребывать в Царствии Небесном - слишком уж много пороков у его земного воплощения.

Церковь объясняет такое положение тем, что она - не только святая, небесная, но и грешная, земная. Но это утверждение несколько удивляет - не помешала же Богочеловеку Его земная составляющая оставаться безгрешным...

Видимо, пора вернуться к тому важному нюансу, о котором я уже упоминала - происхождение социума из грехопадения. Если Богочеловек - Сын Божий, рожденный прежде всех веков, то социум - "сын греха". И тогда если Богочеловек сошел от Отца на землю, то социум должен подняться к Нему. И в принципе такая тенденция существовала всегда - объединение родов в племя, всевозможные империи, затем союзы, блоки...

Все эти зубодробительные построения нужны нам для того, чтобы более осмысленно говорить о том, что такое жизнь и смерть, человек и животное, дух и душа... И - что особо важно - вечная жизнь, рай и ад, спасение и обреченность...

Глава 3. Жизнь

Кто знает, может быть, жить - это значит умереть, а умереть - жить. Эврипид

Вчера у меня был кошмарный день! Я нашла более 130 определений, что такое жизнь (без пословиц, поговорок и крылатых выражений) и выяснила, что жизнь - это:

Активная форма существования материи

Совокупность физических и химических процессов, протекающих в клетке

Процесс или система, вектор развития которой противоположен по направлению к остальным, «неживым» объектам вселенной

Характеристика состояния организма

Особый способ бытия организмов

Свойство материи

Высокоустойчивое состояние вещества

Одна из высших форм движения материи
Замкнутый круг рефлекторной деятельности
Самоподдерживающаяся химическая система, способная к дарвиновской эволюции
специфическая форма организации материи.

Существует более ста определений понятия «жизнь», и многие из них противоречат друг другу. Жизнь может определяться через такие слова как «система», «вещество», «сложность (информации)», «(само-)воспроизведение», «эволюция», и т. д. Минимальное определение, согласующееся с 123 определениями: жизнь это самовоспроизведение с изменениями.

Еще там было про энергетические разности, второй закон термодинамики, энтропию, нуклеопротеидные тела. Особенно мне понравилось такое определение:

Фазово-обособленная форма существования функционирующих автокатализаторов, способных к химическим мутациям и претерпевших достаточно длительную эволюцию за счёт естественного отбора

Но в конце концов я дошла до важной фразы: «Более или менее точно определить понятие «жизнь» можно только перечислением качеств, отличающих её от нежизни.» Правда, что такое «нежизнь» тоже непонятно (в отличие от «нежити»), но я решила, что это «неживая природа», и хотя думаю, что в результате дальнейшего развития науки выяснится, что вся природа – живая (вот любопытная цитата: В настоящее время наиболее результативным оказался уровень, связанный с познанием молекулярных основ жизни. Возможности этого уровня исследования еще далеко не реализованы, однако тенденции развития современного научного знания подвели его к необходимости перехода на исследование еще более глубинных структур и процессов живого. Объектом исследования становятся атомный и электронный уровень организации структур живого. Так, представления об атомных и электронных состояниях структур живого, в частности, Дж. Бернал посчитал необходимым включить в определение сущности: "Жизнь есть частичная, непрерывная, прогрессирующая, многообразная и взаимодействующая со средой самореализация потенциальных возможностей электронных состояний атомов"), было принято волевое решение оставить за пределами рассмотрения все, что связано с противопоставлением живого и неживого.

Я сломалась, когда осознала про молекулярный и атомный уровни жизни: это значит, что во мне живут, рождаются, влюбляются, размножаются миллионы живых организмов, а я об этом даже ничего не знаю! Или это я – совокупность миллионов живых? Может, именно в этот момент какая-то атомиха безнадежно влюбилась в какой-то атом, а он отказывается сливаться с ней в молекулу... Как ей помочь? И как вообще вести себя, чтобы им во мне было хорошо? Или мне – из них...

Я – старушка впечатлительная, поэтому решила выпить чайку для успокоения, но по дороге к плите поняла, что в воде – тоже миллионы живых, которые сейчас погибнут в процессе кипячения! А Бог велел не убивать, но не уточнил, кого... К тому же у меня получится не чай, а бульон... Бульона мне не хотелось...

По той же причине не удалось поужинать... И сегодня я проснулась голодная и злая с твердым решением стать пофигисткой и не озадачиваться судьбой влюбленной атомихи!

В качестве первого шага были отложены все естественнонаучные определения жизни. Пришел черед определений философских. Не могу сказать, что полегчало! Как вам вот это?

получивший в философии широкое распространение термин, указывающий на способность материи и материальных систем к самодвижению и эволюции, включающей прогрессивное и регрессивное развитие, понимаемые, соответственно, как усложнение структуры и функций материальных систем, становление все более сложных форм движения материи, ведущее к возникновению органической жизни и живой материи, возникновению и развитию в них информационных структур и процессов, обеспечивающих на более высоких ступенях развития появление психики, а затем коллективного и индивидуального сознания, и процессы разрушения материальных систем, достигших более или менее высокого уровня развития, упрощения материальных систем и их структур, снижение уровня развития форм движения материи и т.д.

«Всем живым организмам свойственны два признака: целостность и самовоспроизведение. В ходе индивидуального изменения (онтогенеза) организмы приспособляются к внешним условиям, а смена поколений приобретает эволюционно-исторический характер (филогенез). Организмы выработали способность к относительной независимости от внешней среды (автономность). Всякий живой организм как бы стремится к главному – воспроизведению себе подобных». Судя по всему, монахи и монахини не относятся к живым организмам...

В общем, в философии есть про движущую силу жизни, про ее цель, про ее свойства, что, безусловно, важно, но немножко далеко от нашей темы. Нам бы просто понять, что это такое...

Да и вообще, жизнь рассматривается чаще всего в контексте исследований, посвященных другим темам – культуре, искусству, истории, психологии. Так что здесь ясности и конкретности мы тоже не найдем. Попробуем порыться в Библии.

В Ветхом завете два еврейских слова передают понятие "жизнь" *hay* (чаще всего во мн.ч.: *hayyim*) и *peres*. Из них намного чаще употребляется слово *hayyim*.

Человек как живое существо обладает *hayyim*. Это слово в широком смысле означает активное существование, в котором преобладает идея движения (ср. Быт 7:21; Лев 11:10; Иез47:9; Деян 17:28). Это же слово входит в состав выражения «древо жизни».

Древо жизни, райское древо — дерево посреди райского сада, плоды которого дают вечную жизнь, посаженное Богом наряду с Деревом познания Добра и Зла.

Во 2-ой главе Книги Бытия говорится: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9)

Первому человеку было запрещено вкушать плоды с Древа познания Добра и Зла (Быт. 2:17), плоды Древа жизни запрещены не были. Во время изгнания из рая после грехопадения Адам и Ева теряют доступ к этому дереву: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он

руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22)

В книге «Откровение Иоанна Богослова» — дерево посреди Нового Иерусалима, *«среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов.»* (Откр. 22:2).

В Новом Завете часто встречается слово *zoe*; оно соответствует ветхозаветному *ḥayyim* и означает жизнеспособность, свойственную человеку. Это слово охватывает все понятия, обозначающие элементы, из которых складывается жизнь (Лк 12:15; Деян 8:33; 17:25; 1 Пет 3:10), поэтому всякий раз употребляется в сочетании "жизнь вечная" (Ин 3:15,16,36; 4:14; Рим 6:23; 1 Тим 6:12).

Каждый живой человек обладает *peres*. Это слово обычно переводится как "душа", иногда как "дыхание" и 99 раз как "жизнь". *Peres* присуща всему живому (Иов 12:10), но выражает отдельное существование человека (ср. Быт 2:7; 12:13; Исх 12:15), в отличие от *ḥayah*.

Слово *ḥayah* встречается 378 раз, часто в значении *peres* (ср. Ис 26:9), и обычно означает "жизненную силу". У человека и скота одно дыхание (Еккл 3:19; ср. Быт 6:17; 7:15,22), источник его в Боге. Иногда присутствие *ḥayah* противопоставляется его отсутствию, т.е. смерти (ср. Быт 45:27; 1 Цар 30:12; Пс 103:29).

В Новом завете три слова передают понятие "жизнь" *bios*, *zoe*, *psyche*.

Bios употребляется несколько раз и означает земное существование (Лк 8:14; 2Тим2:2; 2Тим 2:4; 1 Пет4:2; 1 Ин 2:16), а также источники, поддерживающие это существование ("пропитание", Мк 12:44; Лк 8:43; 15:12,30; 21:4; "достаток", 1 Ин 3:17).

Psyche это одушевляющий принцип жизни; он соответствует ветхозаветному *peres* (Деян 20:10) и переводится как "душа" (Деян 2:43; 3:23; Рим 13:1). *Psychē* может означать земную жизнь (ср. Мф 10:28; 16:25) и жизнь вечную в Царствии Божьем (Лк 21:19; Евр 10:39).

То есть существует «жизнь» как жизнеспособность (получаемая от древа жизни), как душа и как жизненная сила (понимаемые как дыхание). И отдельное слово – для жизни земной...

Бог, имеющий причину своего бытия лишь в себе самом, часто предстает в Библии как Бог живой (напр., Втор 5:26; Нав 3:10; Пс 83:2; Мф 26:63; Ин 6:69; Рим 9:26). "А Господь Бог есть истина; Он есть Бог живой и Царь вечный..." (Иер 10:10). Давая клятву, евреи употребляли выражение "Ибо жив Господь" (напр., 1 Цар 14:39,45; 19:6). Бог живой "дарует всем жизнь и дыхание и все" (Деян 17:25; ср. Быт 2:7) и властен отнимать жизнь (Втор 30:19; ср. Суд 13:3; Иов 34:14,15).

Изучая отрывки из Ветхого Завета, можно увидеть, что выражение "Бог живой" говорит о том, что Бог присутствует и активно действует в мире как создатель и неиссякаемый источник физической и духовной жизни.

Но Бог есть дух, то есть Он, вроде бы, не имеет тела. А значит не жизнь является формой существования материи, а материя есть форма существования жизни! И следовательно, существуют другие формы существования жизни...

В Новом Завете вечное бытие Божье вполне разделяет Сын Божий. Петр исповедует Христа "Сыном Бога живого" (Мф 16:16). В Ин 6:57 Иисус возвещает, что "живый Отец" послал Его, и говорит: "Я живу Отцем".

"Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе." Ин 5:26

Если древо жизни – источник жизнеспособности, зоо, то источник жизненной силы, души, - дыхание.

"И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою." Бытие 2:7

"Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь." Иов 33:4

Попробуем соотнести эти цитаты с нашей повседневной жизнью.

В процессе развития биологии последовательно расширялось понятие дыхания. Первоначально оно мыслилось только как работа легких и дыхание растения отрицалось; лишь позднее дыхание стало рассматриваться как процесс поглощения кислорода и выделения углекислого газа одноклеточными и многоклеточными животными и растениями. Еще позднее, исходя из познания самой сущности дыхания, при котором освобождается необходимая для жизнедеятельности энергия, стали понимать под дыханием любой способ добывания энергии организмом.

Тут есть любопытный аспект: Бог дышит, что в естественнонаучном понимании означает освобождение энергии, необходимой для жизнедеятельности, то есть души. Вот интересно – естественнонаучные и безрелигиозные построения в конечном счете оказываются вполне библейскими...

Но давайте перенесем разговор о душе (и о крови) в другой раздел, где попробуем разобраться в триаде «дух – душа – тело».

А закончу я это размышление вот такой цитатой:

"В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков". Иоанна 1:4

Глава 4. Рождение и смерть

Смерть – один из шагов в нашем непрерывном развитии. Когда-то таким шагом было и наше рождение, с той разницей, что рождение - смерть для одной формы бытия, а смерть - рождение в другую форму бытия. Смерть - счастье для умирающего человека, ведь умирая, перестаешь быть смертным. Теодор Паркер

Раз уж мы поговорили о жизни, поговорим и о смерти, хотя на самом деле правильное сопоставление – не «жизнь» и «смерть», а «рождение» и «смерть», потому что жизнь – это процесс, состояние, а рождение и смерть – события.

Есть такой летний праздник феррагосто, очень красочно проходящий в Италии в середине августа. Связан он с днем, который в католичестве называется Взятием на небо Девы Марии, а в православии – Успением Богоматери. Но в чем его смысл и почему он по-разному называется в разных конфессиях? И кстати, почему это вообще праздник?

Слово "успение" означает по-простому "смерть" - отсюда "усопший". Идея празднования смерти, да еще с карнавалами, танцами и скачками вызывает у людей, не знакомых с христианским вероучением, некоторое изумление. И дело не только в

том, что смерть в христианстве воспринимается не как конец, а как начало жизни, но теперь уже вечной – в этом смысле празднование Воскресения Христова. Однако успение Богородицы имеет и другой смысл. В Новом Завете о смерти Девы Марии не упоминается и первые века христианства – вплоть до IV – VI вв., - ее день никак не отмечался. Существует только цикл сочинений *Transitus Mariae*, но он считается апокрифическим, т. е. хотя и написанным на библейские темы, но не вошедшим в принятый Церковью канон. Согласно его сведениям, Богородица умерла естественной смертью и была похоронена в Гефсимании, но когда ее могилу вскрыли, в ней обнаружили только букет свежих роз.

В Ветхом Завете тоже есть аналогичный сюжет – о Моисее, который умер, но его могила и останки не обнаружены. И обоснованием его телесного взятия на небо служит сюжет Преображения Господня, в котором являются Илия, описание взятия которого на небо есть в Ветхом Завете, и Моисей. Сюжет о Деве Марии очень похож. И с одной стороны, это может служить подтверждением мнения о ее телесном вознесении, а с другой – пониматься как чисто литературное подражание. Так, собственно, и развивалось богословское представление о судьбе Богородицы – православие решило не утверждать ничего конкретного на этот счет и празднует Успение. Католичество же, после долгих дебатов, заняло другую позицию. Хотя споры были очень активными и даже ожесточенными – вплоть до того, что поставили Католическую Церковь перед угрозой раскола. Чтобы избежать его, папа римский Пий XII особым декретом, используя свое право на безошибочное суждение, ввел догмат о телесном вознесении Богородицы. Кстати, строго говоря, это был единственный случай использования догмата о безошибочности папы, который часто ставят в вину католикам.

И все же почему Церковь празднует – именно празднует, на Западе весело и красочно, - день смерти? Казалось бы, плакать надо – Мать нашего Бога умерла. И тем не менее успение Богородицы – радостное событие, в котором воплотилась надежда человека – практически, любого человека, как верующего, так и атеиста – надежда на вечную жизнь, на то, что смерть – это не конец. Конечно, можно сказать, что Воскресение Христово – истинный знак нашей надежды. Но Иисус все-таки Бог, и то, что возможно Ему, вполне может оказаться недостижимым для нас, людей. И в этом все дело: Дева Мария – одна из нас, простая девушка из в общем-то обычной семьи. И ее воскресение – воскресение человека, а не Бога. И значит, у нас тоже есть шанс.

Но что такое рождение и смерть? Приведем для начала словарные определения:

Рождение -

1. разрешение от бремени
2. появление на свет (живого организма)
3. появление, создание или образование чего-либо

Антонимы

1. частичн.: смерть
2. исчезновение

Смерть -

1. необратимое прекращение жизни, жизнедеятельности организма

2. полное прекращение деятельности или существования

Синонимы

1. кончина, конец

Антонимы

1. жизнь, оживление, рождение, воскрешение
2. расцвет

Тут можно заметить некоторую ассиметричность понятий: если рождение предполагается не как начало, а как появление, то смерть предполагается как конец, а не как исчезновение. Но это, скорее всего, связано с нашим повседневным опытом: рождению предшествует беременность (даже в переносном смысле – по опыту знаю, что рождению книги предшествует период беременности ею) и поэтому его трудно воспринимать как начало, а после смерти остается труп, поэтому ее трудно воспринимать как исчезновение. Однако это лишь видимое противоречие.

Наученная горьким опытом найти определения жизни в естественнонаучном круге понятий, я уже с опаской приступила к новым поискам, но на этот раз все оказалось проще: про рождение вообще почти ничего нет, а

Смерть — прекращение, полная остановка биологических и физиологических процессов жизнедеятельности организма.

При этом разделяют несколько видов смерти: клиническая смерть, биологическая смерть и окончательная смерть. В подкатегорию попадает смерть мозга.

Согласно приказу Министерства здравоохранения России, следующие признаки указывают на смерть мозга:

- Полное и устойчивое отсутствие сознания (кома).
- Атония всех мышц.
- Отсутствие реакции на сильные болевые раздражения и любых других рефлексов.
- Отсутствие реакции зрачков на прямой яркий свет. Глазные яблоки неподвижны.
- Отсутствие самостоятельного дыхания.

Но мы сами на опыте знаем, что смерть – это когда человек, или животное, или растение было, а потом его больше нет. Тело есть, какие-то клетки еще наверняка живы, но его нет... А чего именно нет?

Лев Толстой отмечал: «Понятие жизни представляется сначала человеку самым простым и ясным. Прежде всего человеку кажется, что жизнь в нем, в его теле. Я живу в теле, стало быть жизнь в моем теле. Но как только человек начнет искать эту жизнь в известном теле, так сейчас и являются затруднения. Ее нет в ногтях и волосах, но и нет в ноге, в руке... нет и в крови, нет и в сердце, нет и в мозгу. А есть везде и нигде нет. И оказывается, что по месту жительства найти ее нельзя. Тогда человек ищет ее во времени, и тоже сначала кажется очень просто... Но опять, как станешь искать ее во времени, так сейчас видишь, что и тут дело не просто. ... Искать, оказывается, если уже искать ее, то не в пространстве, не во времени, не как следствие и причину, а как что-то такое, что я в себе знаю совсем независимо от пространства, времени и причины».

Ошибка анимизма, выявленная Декартом, «состоит в том, что, из того, что все мертвые тела теряют тепло и способность к движению, сделали вывод, что прекратило эти движения и тепло именно отсутствие души. Таким образом, считалось, что естественная теплота и движения нашего тела зависят от души, тогда как мы, наоборот, должны утверждать, что душа становится отсутствующей, лишь когда тело умирает, и что именно поэтому прекращается теплота и перестают функционировать органы, обеспечивающие движение тела. Чтобы избежать этой ошибки, допустим, что смерть приходит не по вине души, но лишь потому, что перестают функционировать некоторые главные части тела».

В самом процессе онтогенеза заложены уже признаки старения, что выражено коротко в известной формуле Энгельса: "Жить значит умирать". Были попытки объяснить смерть как результат необратимого распада какого-то одного сложного и очень лабильного вещества. Леб, например, думал, что живое тело имеет какой-то изначальный запас этого вещества и к смерти приводит израсходование его.

Приведу характерный пример рассуждения: «В действительности причины старения и смерти заложены в самой основе процесса жизни как постоянного самообновления. При зародышевом развитии чередуются периоды интенсивного роста и интенсивной дифференцировки. Высокодифференцированные клетки нервной системы, как правило, утрачивают способность размножаться, и число их в мозгу новорожденных не меньше, чем в мозгу взрослого человека. Отсутствие размножения, т.е. обновления, приводит к накоплению продуктов обмена в клетках, к неблагоприятным соотношениям между массой клетки и ее поверхностью и т.д. В соответствии с этим ухудшаются условия питания высокодифференцированных клеток. Непрерывная жизнедеятельность этих клеток связана с образованием продуктов обмена, часть которых трудно растворима или нерастворима и откладывается в клетках как балласт. Утрата способности к делению закрывает для таких важнейших для организма в целом клеток, как нервные, путь к обновлению. Дифференцировка клеток и утрата ими способности к делению могут рассматриваться как важнейшие причины старения». Наверное, тут все правильно, только вот вопрос: а почему клетки перестают размножаться? Делились-делились, а потом вдруг расхотели?..

Попробуем продолжить наши поиски в философии. Она также не интересуется рождением, а ситуация со смертью несколько странная.

В XIX веке француз Танглю определял смерть как общее свойство всех живых. М. Ф. К. Биша говорил, что жизнь — это совокупность явлений, противящихся смерти.

Но большинство философов сосредоточены на проблеме страха смерти, а не на самом феномене, но поскольку не это нас интересует, приведем только несколько примеров. Вахтангов некогда учил актеров играть не "образ", а "отношение к образу". Так и философы разделяются на тех, кто исследует "образ бытия" (Платон, Гегель, Хайдеггер), и тех, кто исследует "отношение к образу бытия" (Шопенгауэр, Авенариус, Мах, Ницше, Сартр, Маркузе).

Эпикур боролся со страхом смерти такими рассуждениями: "Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения... Все хорошее и дурное заключается

в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, - не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия... Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют". Артур Шопенгауэр полагал, что мир, основанный на стихийной, неведомо откуда взявшейся "воле к жизни", не достоин самого себя, ибо раздроблен на множество "маленьких волей", каждая из которых претендует на самообожествление. Так не честнее ли признаться в абсурде "войны всех против всех", в том, что наш мир - не наилучший, а наихудший из возможных? "...Хотел того Шопенгауэр или не хотел, но фактическим, реальным и - главное - действенным результатом, увенчавшим его философскую систему, оказалась специфическая формулировка проблемы смерти. Им была сформулирована проблема "истинности" смерти, "подлинности" небытия, понятого как небытие вечно живущей Воли, - эта проблема сменила вопрос об истинной жизни, который был дискредитирован тем, что сама жизнь была объявлена предельным воплощением всякой неистинности". Фридрих Ницше мысли о смерти сжал в своих книгах, как пружину. Смерть для него - не аморфное существо, а катализатор действия, побуждающий человека напрягать все жизненные силы. "Мысль о смерти, - фиксирует Ницше свое состояние в сочинении "Веселая Наука". - Мне доставляет меланхолическое счастье жить в этом лабиринте улочек, потребностей, голосов; сколько наслаждения, нетерпения, ненасытности, сколько жаждущей жизни и опьянения жизнью обнаруживается здесь с каждым мгновением! И, однако, скоро настанет такой покой для всех этих шумящих, живущих, жаждущих жизни! Взгляните, как стоит за каждым его тень, его темный спутник ...И все, все думают, что все, случившееся до сих пор, было ничем либо мало чем и что близкое будущее есть все: и отсюда эта спешка, этот крик, это самооглушение и самонадувательство! Каждой хочет быть первым в этом будущем, - и все же только смерть и гробовая тишина есть общее для всех и единственно достоверное в нем! Как странно, что эта единственная достоверность и общность не имеет почти никакой власти над людьми и что они наиболее далеки от того, чтобы чувствовать себя братьями во смерти!»

Стоики говорили, что смерть - самое важное событие жизни и научиться хорошо жить - это значит научиться хорошо умирать. И вот эта мысль, этот подход, который, на самом деле, является для нас самым интересным, пронизывает все произведения Хайдеггера.

В творчестве Мартина Хайдеггера, одного из самых значительных философов XX столетия, центральное место занимает вопрос о смысле бытия, а феномен смерти играет важнейшую роль в прояснении этого смысла. Недаром Хайдеггер считал смерть куда более важным явлением, чем жизнь, ибо она, смерть, и делает жизнь жизнью, персонифицирует ее. Наше бытие, по Хайдеггеру, - это есть "бытие-к-смерти".

Я очень люблю Хайдеггера, но прямое цитирование его произведений кажется мне

бессмысленным и очень сложным. Дело в том, что он изобрел собственные термины, собственные слова для описания, выражения невыразимого. Любой, кто сталкивался в своей жизни с прозрением, знает это мучительное трагическое состояние: невозможность корректно его изложить из-за отсутствия в языке необходимых слов: «Бог сидит на троне» - во-первых, не сидит, у него попы нет, во-вторых, не на троне – по той же причине... А как описать, что Он делает?.. Поверьте, эта скудость человеческого языка иногда доводит до отчаянья!

Хайдеггер подошел к этой проблеме коренным образом – он просто изобрел свои слова. Но нам, читателям, приходится трудиться в поте своих ума и души, чтобы понять его... Поэтому я не берусь излагать философию Хайдеггера, я просто поделюсь своими размышлениями над ней. Но в этой главе – только некоторыми из них, о других – позже.

Для характеристики *человеческого* бытия, очень своеобразного по сравнению с существованием вещей, Хайдеггер использует термин "*das Dasein*". В немецком языке глагол *sein* означает "быть", "существовать", а "*dasein*" – "присутствовать", "быть налицо". Входящая во второе слово часть "*da*" имеет значение "там", "тогда", "вот", и потому при помощи нее указывается, что речь идет не о "бытии вообще", а о "бытии вот тут сейчас присутствующем". Хайдеггер использовал образованное от глагола существительное "*das Dasein*", чтобы обозначить, специфику бытия человеческого "я", которое неотделимо привязано к ускользающему мгновению времени, к нахождению "здесь" и "сейчас". К хайдеггеровскому понятию "*Dasein*" очень трудно подобрать эквивалентное русское слово, поэтому переводчики предлагали разные варианты: "вот-бытие", "наличное бытие", "существование", "бытие-сознание", "присутствие". Мы будем обозначать понятие "*Dasein*" словом '*пребывание*'. В русском языке несовершенная форма глагола "бывать" выражает незавершенность, неисполненность, неокончателность, нецелостность существования того, о ком идет речь. Именно эти особенности существования человека хотел зафиксировать Хайдеггер в слове "*Dasein*". Бытием обладает мир, который мы знаем: это не только совокупность людей, но и все вещи, явления, знания.

Бытие и пребывание принципиально различны. Пребывание заброшено в уже существующий мир, что означает его временной характер, в отличие от бытия, начало и конец которого нам неизвестны, да и в целом непознаваемы (о чем поговорим позже). Бытие безразлично к моему пребыванию в нем, пребывание же – активный элемент бытия.

Пребывать в мире, быть живым – значит существовать к смерти. Человек, в отличие от других живых существ, способен осознавать свою смертность и тем самым – истину своего бытия, что он – *есть*. Когда человек "забывает" эту истину, его существование, как полагает Хайдеггер, не является подлинным. Оно становится подобным существованию вещей или живых существ, не сознающих того, что они есть, что они принадлежат *бытию*.

Что же такое смерть? Хайдеггер характеризует понятие смерти так: "*Смерть как конец пребывания есть наиболее свойственная, безотносительная, несомненная и как таковая неопределенная, неопределимая возможность пребывания. Смерть есть конец пребывания в бытии данного существующего к своему концу*".

Тут нас как-то смущает слово «возможность», мы, как правило, понимаем возможность как не-необходимость. Но у Хайдеггера несколько иное отношение, чисто гносеологическое. Да и опять-таки перевод хромает: здесь говорится о том, что смерть возможна с самого момента рождения, то есть начала пребывания – всегда, в любой момент, в любой ситуации, и именно в том, что мы не знаем, ни когда, ни где, ни как она наступит, и есть ее неопределенность и неопределимость.

Люди, зная *о несомненности* смерти, тем не менее не убеждены в ней. Несомненность смерти является лишь *эмпирической*, основанной на наблюдении смерти "другого". Смерть других является для нас опытом утраты, однако утраты в нашем пребывании, в пределах нашего бытия-в-мире, смерть недоступна для нас как потеря нашего собственного пребывания.

Бок о бок с несомненностью смерти идет *неопределенность* ее "когда". Ввиду такой неопределенности люд относится к смерти как к чему-то отдаленному, а не свойственному самому пребыванию человека и возможному каждый миг. Но так как смерть непременно когда-нибудь наступит, а в качестве возможности человек рассматривает ее для себя с того самого момента, как узнал о существовании смерти, то смерть существует для «Я» всегда и существует как некая осуществляющаяся возможность. Это Хайдеггер понимает под «бытием-к-смерти», которым является наше обычное бытие. Смерть - это то, что не выбрано нами, мы брошены в наше "бытие к смерти". Брошенность открывается нам в настроении ужаса, который в отличие от страха не имеет "объекта" и ставит нас перед самими собою, а не перед чем-то другим. Разница заключается в том, что страх - это всегда страх чего-то предметно определенного. Ужас же приходит из «ниоткуда». Из неопределенного «ниоткуда» онтологически означает из «мира». Ужас вообще непредметен, как говорит Хайдеггер, с ним невозможно иметь дело, он неинтенционален. Ужас указывает на непрерывную соотнесенность человеческого существования с бытием. Хайдеггер имеет в виду не пугливость, а особое, тревожное состояние души, в котором человек пытается выйти из узкого круга сиюминутности и помыслить о своем существовании до крайнего возможного предела. Смерть как раз и есть этот *предел*, который придает какие-то очертания бытию, *определяет* его.

Для меня здесь опять есть некая лингвистическая сложность. Однажды я заблудилась в барханах Каракумов и поняла, что дорогу в наш лагерь мне не найти. Поняв это, поняла и то, что жить мне при таком солнцепеке и без воды осталось максимум пять часов. Но я бы не назвала это состоянием ужасом или страхом, однако когда я попыталась сама подобрать определение, то не нашла его... Хотя словесное определение, наверное, не так уж важно: тот, кто пережил такое мгновение, знает, о чем идет речь, тому, кто не пережил его, любое слово покажется пустым.

Не помыслив своей смерти, невозможно осознать свое пребывание в мире и возвыситься к "подлинному существованию", достойному человека. "Усредненный" индивид, послушный людскому мнению, избегающий понимания того, что он пребывает к смерти, обречен, по мнению Хайдеггера, вести "неподлинное существование", не способен к осознанному и свободному самоопределению в мире.

И опять-таки, понимание – это неточно. Все мы понимаем, что смертны, вот только не проживаем это понимание, не включаем его в свой внутренний мир. Это как $5 \times 5 = 25$: когда-то мы это поняли, но сегодня, считая, сколько мы должны заплатить в

кассе, мы не понимаем, мы просто знаем, это нормально, это некий устойчивый элемент нашего знания. Бытие к смерти – это не направленность бытия на смерть (ох, уж эти предлоги – мука переводчиков!), не ожидание ее (как ждут ее героини пьесы Беккета).

Факт неизбежности нашей смерти делает бытие в нашем мире конечным, а значит, появляется возможность представить его как конечное, помыслить об этом. Хайдеггер называет такую возможность «охватом присутствия». «Присутствие» - это факт существования. «Целое присутствие» - факт ее существования от начала до конца. «Охват» - осмысление этого.

Смерть, по Хайдеггеру, дает возможность целостного видения нашего пребывания, которое, пока мы живем, никогда не является “целым” и “завершенным”, в нем реализованы не все его возможности (в том числе и главная—смерть): в пребывании всегда присутствует его “еще-не”, что-то, что еще не случилось, слова, которые мы еще не сказали, обещания, которые мы еще не выполнили...

Нет необходимости достигать конца, чтобы осознать свое бытие-к-пределу, “бытие к смерти”: сознание того, что я умру, дает мне достаточную перспективу тотальности. Подлинное отношение к этому пределу возможно лишь в “забегании”, “заступании вперед” (Vorlaufen), но в признании смерти как предельной, наиболее всеохватывающей возможности пребывания. Это как планирование отпуска: надо успеть позагорать, навестить сестру, посмотреть выставку в музее, и еще множество всяких планов – и все надо реализовать за две недели! Пребывание – такой же «отпуск», за который нам все надо успеть, только вот длительность этого «отпуска» нам неизвестна, нас могут отозвать в любой момент...

Если “предвосхищать” смерть как возможность “не быть”, то это неминуемо обращает нас к “возможности быть”: знать, что я могу не быть, предполагает знание того, что я могу (и как я могу) быть. Человек несвободен от смерти как от актуального реального события, но свободен понимать свою возможность быть или не быть. И если быть, то как. Но об этом в другой части.

Человек всю жизнь, на протяжении всей истории, пытается обессмертить себя: продолжает себя в потомстве, создает произведения искусства, посвящает себя религии...

Человечество не сможет продлить свое собственное бытие, если оно перестанет воспринимать жизнь как высшую ценность.

Тому, кто видит смерть “извне” – не свою собственную, - принципиально не дано познать, является ли смерть совершенным окончанием пребывания, а может, она – лишь переход к какому-то иному существованию более высокого или низкого порядка. Вопрос такого рода Хайдеггер исключает из анализа ввиду его принципиальной неразрешимости. Можно констатировать лишь то, что несомненность смерти не является достоверной, основанной на логической необходимости, неопровержимой. Однако нам-то как раз этот вопрос очень интересен! (Хотя я подозреваю, что и Хайдеггеру он был небезразличен: недаром же пребывание имеет оттенок «отпуска»).

Он правомерно не относится к философии, но кое-что интересное можно найти в

художественной литературе, например, у Ф.М. Достоевского. Как и Чаадаев, он убежден, что смерть *абсолютно вторична по отношению к жизни*, и «разрыв», вносимый смертью, является чисто относительным, «несущественным» для жизни. Свидригайлов, один из основных персонажей «Преступления и наказания», приходит к выводу, что смерть – это только *переход* от одной сферы бытия к другой, и этот переход начинает осуществляться и становится зримым в любой серьезной болезни, охватывающей человека, и только «количественно» отличается от болезни, завершая указанный переход. Не случайно свое предстоящее самоубийство Свидригайлов постоянно называет *вояжем, поездкой «в Америку»*.

История человечества, особенно ранняя, полна загадок, к сожалению, зачастую неосознаваемых. Одна из них связана как раз с темой смерти как перехода. Чтобы не повторять собственные мысли, процитирую отрывок из моей статьи:

«Наверное, нет человека, который не задумывался бы о том, что такое смерть, что будет после нее и будет ли. Но только две небольшие группы решили для себя этот вопрос. В одной – люди, пережившие клиническую смерть и точно знающие, что загробная жизнь есть. Во второй – те, кто уверен в ее отсутствии. Аргументы у них весьма спорные, а о причинах такой позиции о. Александр Мень как-то говорил, что некоторым людям проще смириться со смертью, чем представить себе, что за все, сделанное в этой жизни, придется отвечать. А большинство же находится в состоянии, которое можно определить одним словом – “надежда”: надежда на то, что загробный мир есть, и на то, что в нем не так уж плохо. И тогда смерть – это только переход, только начало новой жизни. Недаром у святых день смерти празднуется как день рождения – рождения окончательного. И святая Тереза Младенца Иисуса говорила: “Я не умираю, я вступаю в жизнь”.

Собственно, историки даже не знают периода в развитии человечества, когда люди воспринимали бы смерть иначе – вспомним о захоронении неандертальского мальчика. И недаром погребальный обряд – одна из самых устойчивых характеристик цивилизации: именно он готовит человека к переходу и определяет его положение в новом “социуме”. Поэтому изучая его, можно многое сказать о представлениях и ожиданиях данного народа.

Начнем с простейших вопросов: где расположен загробный мир и как туда попадают. Многие народы в древности (а некоторые и по сей день) считали, что на земле, неподалеку. И тогда они помещали в гробницу лошадей и повозки, иногда лодки – если этот мир был за рекой или морем, - умершего одевали и снаряжали по походному. Иногда – и тоже часто – умершие оставались жить в своих гробницах, которые в этом случае устраивались наподобие жилища.

Но чем больше земель осваивали люди, тем лучше они понимали, что на суше нет места для умерших. Тогда и возникло представление о подземном мире, куда попадали при помощи необычных существ типа драконов, чьи изображения и помещались в могилах. Однако процесс познания шел вперед, а драконов все не удавалось поймать. Понимание того, что после смерти человек как-то изменяется, вызвало к жизни символ змеи, которая меняет кожу, то есть отмирает только внешняя оболочка, меняется только обличье. Но это еще не второе рождение, не преображение, символами которого являются яйцо и особенно бабочка. Вполне

вероятно, что именно метаморфозы с бабочкой – от гусеницы через кокон к бабочке – стимулировали развитие концепции смерти как начала. Кстати, погребальные пелены являются как раз коконом.

Однако это еще не все аспекты. После смерти человек попадает в некое общество, в котором он должен занять определенное место. Поэтому различаются погребальные обряды женщин и мужчин, детей и стариков, правителей и слуг. Любопытно, что почти все ранние культуры считали, что после смерти человек продолжает работать, и клали ему в могилу орудия труда. На положение в загробном обществе влияли и обстоятельства смерти, особенно если они были необычными, например, от удара молнии.

Еще один важный вопрос – общение живых с умершими. Представление о нем тоже постепенно трансформировалось – от прямого общения до общения с духами, сначала вселившимися во что-либо или кого-либо, а потом и непосредственно.

Конечно, с распространением христианства многое изменилось, хотя основные его постулаты были подготовлены предшествующим развитием цивилизации. Так, бабочка и в христианстве символизирует воскресение, а общение святых, в которое призывает верить Кредо, предполагает возможность контактов живых и мертвых, правда, через молитву и созерцание.

Поскольку загробный мир христиан расположен "на небесах", - что, однако, не означает физические координаты, а указывает, скорее, на некий параллельный мир, - то человеку ничего не надо класть в могилу. Его статус зависит прежде всего от веры и степени греховности, поэтому особенно важны последняя исповедь и молитвы за умершего. Недаром есть такая молитва: "От внезапной и нежданной смерти избавь нас, Господи".

Однако реальный погребальный обряд, знакомый всем нам, носит отпечаток совершенно иных верований. Обычай наливать покойнику рюмку и класть на могилу закуску ставит под сомнение глубину уверенности в том, что человек после смерти не ест и не пьет – по крайней мере, нашу пищу. Стремление поставить у могилы скамеечку, дабы можно было поговорить с умершим, тоже уходит корнями в далекое языческое прошлое. Наши кладбища – как правило, уютные, тенистые, романтические. Но – не совсем христианские.

Некогда знаменитый сирийский подвижник и святой отец Ефрем Сирин в одном из своих гимнов обрушился с весьма суровой критикой на тех людей, кто оплакивает умерших на похоронах. По его мнению, такие люди совершают большую ошибку, воздавая покойным то, что им не нужно, и лишая их того, в чем они действительно нуждаются – молитвы об избавлении от тяжелой кары, следующей за те грехи, что покойные вольно или невольно совершили в земной "привременной" жизни.

Правда, растерзания риз, громкие вопли, приглашения "плакальщиц" – в большой степени достояние прошлой эпохи с ее двоеверием (т.е. "пережитками язычества").

На Руси языческие обычаи тризн и пасхальных "хожений с воем на погост" неких "жонок" не раз вызывали строгие укоризны со стороны Церкви. Например, Стоглавый Собор строго воспретил такие "вои и нои", предписав поминать усопших лишь в установленные дни и положенным образом – молитвой.

Но постсоветская религиозность, полностью возвратилась к языческому "культу мертвых". Двоеверие предполагает, что человек молится христианской молитвой за

умершего, а потом (на всякий случай) идет праздновать тризну на гроб или сотрясает воздух воем с причитаниями в лучших традициях дохристианской древности.»

Поскольку статья посвящена несколько иной теме, в ней лишь мимоходом намечены два аспекта: смерти как начала и “общение” земного мира и загробного. Но загадка-то не в этом. Загадка в том, как человек пришел к выводу, что смерть человека отличается от смерти животного. Первобытный человек (и не только первобытный) был очень хорошо знаком со смертью и людей, и животных, он каждый день видел ее и должен был заметить прежде всего сходство смерти человека и смерти животного. Откуда еще на заре своей истории он взял, что человек после смерти переходит куда-то? Причем это сделало все человечество, все народы...

Мне кажется, что ответ можно отчасти искать в знании беременности (отчасти – потому что и животные беременеют).

Смерть есть прекращение пребывания данного живого организма в данной среде, исчезновение его из данной среды. И вот ведь какая интересная история получается: жил-был когда-то сперматозоид (не будем уточнять, где именно), потом в некий момент он исчез из этой среды и даже реально просто умер – перестал существовать как данный живой организм. Зато в другой среде (не будем уточнять, какой именно) появился другой живой организм, зародыш, который тоже жил-был, рос и развивался, у него происходил этот пресловутый обмен веществ, а потом он исчез из этой среды – для нее, в рамках этой среды, как зародыш, он умер, исчез. Зато родился человек... В другой среде, с другим обменом веществ. Пройдет время, и человек исчезнет из этой среды...

Идея стирания границ между актами рождения и смерти есть у В.Розанова. Последний считал, что утверждение абсолютности, т.е. бессмертности человеческой личности вступает в прямое противоречие с фактом конечности человека, ограниченности его бытия рождением. Таким образом, рождение и смерть выступают у Розанова не столько границей человеческого бытия, сколько связью человеческой личности с бесконечным бытием и бесконечностью жизнью. И с этой точки зрения празднование дня смерти как дня рождения оправдано, понятно...

А вот еще что любопытно: в Библии говорится “тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь.” Мт 7:14 М-да, в моем размышлении узок был путь и сперматозоида, и зародыша, а специалисты утверждают, что процесс рождения очень болезненный для ребенка и очень его пугает... (Бог, я не богохульствую, я просто думаю! Сам виноват – зачем дал мне мозги?)

Но есть еще один момент: исчезновение данного живого организма из данной среды является окончательным и необратимым. Сперматозоиды никогда не возвращаются туда, откуда они ушли, и не могут рассказать оставшимся (или народившимся), каково там, куда он ушел. К счастью (говорю как женщина и мать), ребенок тоже никогда не возвращается в лоно матери и не может рассказать другим яйцеклеткам, каково там, снаружи. Поэтому то, что никто не возвращался из загробного мира, только подтверждает реальность его существования. Хотя именно с этим человеку труднее всего смириться.

В европейское средневековье к страху перед смертью обильно примешивался страх перед миром мертвых, который присутствовал в сознании людей столь же реально, как и мир живых. Персонификация "того света", его активное "вмешательство" в жизнь на земле, вплоть до реальных явлений мертвецов пред очами живущих, с одной стороны, усиливали страх, ужас перед загробным миром, а с другой - придавали этому миру знакомые черты, сближая психологию двух ипостасей бытия. Медиевист А. Я. Гуревич отмечает: "Смерть, по представлениям средневековых людей, не была завершением, полным концом человеческого существования. Я имею в виду не ту очевидную для христианина истину, что после прекращения жизни тела остается бессмертная душа. Важно иное: связь между людьми смертью не прерывается, умершие обладают способностью общаться с живыми. Мертвые сохраняют заинтересованность в мире живых, посещают его, с тем, чтобы уладить свои дела или улучшить свое положение на том свете. Мир умерших воздействует на мир живых. Со своей стороны и мир живых способен оказывать решительное влияние на участь покойников. Наконец, в мире ином в определенных случаях оказываются люди, которые умерли лишь на краткое время и затем возвращаются к жизни. Временно скончавшиеся, живые или ожившие мертвецы, загробное существование которых не имеет ничего общего с вечным сном и покоем, обмен вестями и услугами между этим и тем светом, - как видим, между обоими мирами происходит напряженное общение".

Но это ставит нас перед иным вопросом: что именно умирает, и что остается жить?...

Глава 5. Люди или животные

«Человек» — звучит гордо, но выглядит отворачивательно. — Николай Фоменко

Наверное, пора, наконец, определиться все же с тем, что такое человек. Возможно, это следовало сделать раньше, но жизнь, смерть, душа, дух и человек так тесно связаны, что в какой-то степени безразлично, за какую ниточку потянуть сначала, чтобы размотать клубок.

Как и в предыдущих главах, здесь мы сталкиваемся с тем, что «человек» - понятие весьма многозначное, поэтому определимся, о чем именно мы собираемся говорить.

Различают не менее четырех подходов к рассмотрению понятия человек:

1. человек разумный как биологический вид,
2. человек как нечто, выходящее за рамки живого мира и в значительной степени противостоящее ему,
3. человек как человечество в целом,
4. человек как индивид, личность.

Давайте сразу решим, что о человеке как биологическом виде мы говорить не будем, хотя отмечу, что первое и второе понятия несколько ставят в тупик: нечто, выходящее за рамки живого мира, вполне может быть роботом или существом другого биологического вида. А заодно хочу поделиться интересной информацией:

Сравнение полиморфизмов митохондриальной ДНК и датирование окаменелостей позволяют заключить, что *Homo sapiens* появились ок. 200 000 лет назад (это примерное время, когда жила «Митохондриальная Ева» — женщина, которая была

последним общим предком всех ныне живущих людей по материнской линии; общий предок всех ныне живущих людей по отцовской линии — «Y-хромосомный Адам» — жил несколько позже). Митохондриальная Ева — имя, данное в популярной культуре женщине, жившей в Африке около 200 000 лет назад, от которой современное человечество унаследовало митохондриальную ДНК.

Поскольку митохондриальная ДНК наследуется только по материнской линии, у всех ныне живущих людей такая ДНК была получена от «Евы». Аналогично ДНК мужской Y-хромосомы у всех людей мужского пола должна происходить от «молекулярно-биологического Адама» - наиболее близкого общего предка всех ныне живущих людей по мужской линии. Так как Y-хромосома передаётся только от отца к сыну, то все современные Y-хромосомы происходят от данного мужчины, которого называют Y-хромосомным Адамом.

В большинстве работ возраст Адама оценивался примерно в 100 000 лет и меньше, что создавало забавное несоответствие с оценкой времени жизни Евы в 140 000—200 000 лет назад: таким образом, Ева оказывалась старше Адама не менее чем на 50 000 лет. Однако в последний год наметилась стойкая тенденция к «удревнению» Адама в научной литературе: появились новые данные о том, что Адам жил 120—156 тысяч лет назад (с максимальной вероятностью — 138 тысяч лет назад).

Это означает, что Ева, скорее всего, возникла раньше Адама, что разрушает мою теорию о том, что мужчина менее совершенен, чем женщина потому, что первый блин всегда комом...

Не будем мы говорить и о человечестве в целом – это отдельная и очень сложная тема.

Человек как нечто выходящее за рамки живого мира ставит нас перед рядом вопросов: где грань между человеком и животным, как называть разумное существо иного биологического вида (иного облика, иной структуры), можно ли под чем-то, выходящим за рамки живого мира, понимать существо нематериальное. По сути это вопросы о соотношении земного, космического и духовного миров.

Но начнем, как обычно, с определения.

При исследовании сущности человека стремятся найти среди многочисленных отличительных признаков главный, решающий в его отличии от животных. Самым известным и наиболее широко распространённым атрибутом человека является наличие разума, человека определяют как «человек разумный» — (*homo sapiens*). Но наличие разума у того или иного существа достаточно сложно: что является критерием? Мозг? Действительно, мозг человека отличается некоторыми особенностями, в частности, имеет абсолютно и относительно очень крупный размер (в среднем его масса превышает массу мозга шимпанзе и горилл в 3-4 раза). Масса мозга нормальных людей колеблется от 1000 до более чем 2000 граммов. Широко распространено мнение, что от массы мозга зависят умственные способности человека: чем больше масса мозга, тем одарённее человек. Однако очевидно, что это далеко не всегда так. Самый тяжёлый мозг — 2850 г — был обнаружен у индивида, который страдал эпилепсией и идиотией. Итак, прямой зависимости между массой мозга и умственными способностями отдельного индивида нет.

Однако, как известно, человек использует только часть своего мозга (хотя современные ученые активно стараются опровергнуть этот тезис, но их аргументы неубедительны). Если это так, то меньший размер мозга, используемого на 100 процентов, может оказаться по сути больше мозга человека... Но так или иначе мы видели, что большой мозг не означает большой разум.

Степень разумности можно определить (и определяют) по результатам его деятельности. Но и тут есть заковыка: человек сам себя определил как разумного, никто другой этого пока о нем не говорил (уфологи очень удивляются, почему инопланетяне не вступают с нами в контакт – может, они просто не считают нас разумными?.. Ведь что они видят? Войны, насилие, жестокость, разрушение природы... Трудновато видеть в этом проявления разума...). Соответственно и проявлениями разумности мы считаем наши действия. И это совсем не обязательно совпадает с критериями других.

Ричард Уормсер в юмористической повести "Пан Сатирус" рассказал историю шимпанзе Мема, отправленного американцами в космос. На 13-м запуске Мема отправляют с блохой под скафандром и по орбите с запада на восток, так что весь полёт солнце светит ему прямо в глаза. Это переполняет чашу его терпения. Азбукой Морзе он извещает Землю о развороте на запад и ускоряет движение корабля. При этом он так меняет настройки, что корабль непостижимым образом движется со сверхсветовой скоростью. Как побочный эффект такого движения Мем обретает неодолимое желание общаться с людьми на их языке (он «регрессировал», по собственному определению). Общаться он и начинает с того момента, как корабль ВМС США «Кук» подбирает в океане его ракету, и с самого начала заявляет, что отныне его зовут Пан Сатирус. Шимпанзе, переделавшей примитивный космический корабль 50-х так, что он стал набирать сверхсветовую скорость, считающий, что, разговаривая с людьми, он регрессирует... или деградирует... и что обычному американскому генералу лишь через несколько миллионов лет суждено стать *"бабуином, или, может быть, резусом"*... А разум, как утверждает Пан Сатирус, есть у всех шимпанзе. Только вот, глядя на человека, никто из приматов не хочет больше повторять его *"цивилизованный"* путь. Кредо настоящего разумного существа Пан Сатирус озвучил так: *"Наиболее развитое животное - это существо, сумевшее найти для себя такую экологическую среду, которая полностью соответствует его потребностям, и обладающее достаточным запасом здравого смысла, чтобы не расставаться с ней"*. Человека же многие склонны рассматривать просто как стихийное бедствие.

Действительно, банальнейшие вещи кажутся совершенно никчемными, если глядеть на них трезво и непредвзято, как это делает разумная обезьяна.

"Чтобы достигнуть обезьяньего состояния, надо всего лишь подумать, прежде чем что-то сделать, и особенно перед тем, как что-либо создать... Это не в людских привычках — сначала подумать, а потом сделать. Это даже небезопасно — за это могут уволить с работы, а безработные находятся на нижней ступени нашего общества."

Дети, думайте. Не создавайте скоростных автомобилей, пока не постройте дорог для безопасной езды. Не выращивайте огромного количества пшеницы прежде, чем не будете уверены, что кто-то в ней нуждается...

Живите легче. Это так просто. Другими словами, не стремитесь к чему-либо, пока вы твердо не будете знать, к чему вы стремитесь".

Это шимпанзе Пан Сатирус говорит детям, человеческим детям: он хочет верить, что хотя бы у них есть шанс. У взрослых такого шанса нет: когда Сатирусу предлагают пост смотрителя обезьянника в зоопарке, где он родился, он отказывается: *"Только человек может согласиться работать тюремным надзирателем. В этом его отличие от низших животных"*...

...Когда Пана запустили в космос повторно, он умудрился перевести свой челнок на другую орбиту и, летя в обратную сторону, к своему счастью, утратил способность говорить. То есть вернулся в нормальное, высокоцивилизованное состояние.

Имеет смысл процитировать последнее напутствие Пана перед возвращением на свою историческую родину:

"Будьте немного похожи на обезьян, дети; этим вы, возможно, не продлите себе жизни, но проживете ее гораздо веселее".

Есть еще старый анекдот: старая лабораторная крыса поучает новенькую: «Ты этих, в белых халатах, не бойся, я их уже выдрессировала – нажмешь на вот эту кнопку – и они бегом тебе еду тащат»...

Другое важнейшее определение человека связано со способностью трудиться, его называют *homo faber* — человек действующий, производящий.

Следующим важнейшим признаком является наличие речи. Например, Э. Кассирер определял человека как *homo symbolicus* — человек символический, то есть существо создающее символы, самым главным из которых является слово.

Понимание человека как существа общественного известно со времён Аристотеля, который в своё время считал это важным.

Это далеко не полный перечень сущностных определений человека, в которых отмечены важнейшие, основополагающие свойства человека, тем не менее, среди них нет ни одного всеохватывающего, на базе которого было бы возможно создать и развивать общепринятую концепцию природы человека.

Роман Веркора «Люди или животные?» - является философским произведением, посвященным теме различий между человеком и животными.

Главный герой журналист Дуглас Темплмор решает отправиться в экспедицию вместе с палеонтологами Курбертом и Сибилой Гримами, монахом-бенедиктинцем отцом Диллиганом и геологом Крепсом на Новую Гвинею. Цель экспедиции – обнаружение останков “недостающего звена” между человеком и обезьяной.

Экспедиция сбилась с пути и вышла к цепочке гор. Крепс обнаруживает кости существа, находящегося между человеком и обезьяной. К его удивлению, кости оказываются... не ископаемыми. Вскоре экспедиция наталкивается на небольшую популяцию (племя?) этих странных существ. Их окрестили латинским названием *Paranthropus erectus*, или уменьшительно тропи.

Кто такие тропи – люди или животные? Отец Диллиганом пребывает в муках – нужно ли крестить тропи? Один промышленник Австралии скупает землю на территории их проживания и объявляет своей собственностью, чтобы использовать их в качестве рабов на фабриках. Дуглас с друзьями идет на сомнительный шаг – вывозит беременную самку тропи в Англию, обманным образом регистрирует рождение детеныша в мэрии, вводит ему смертельную дозу стрихнина и сдается

полиции. Иницирован судебный процесс, который должен решить, кто такие тропи – люди или животные и чем вообще первые отличаются от вторых?

Эксперты сражаются на процессе. Прямохождение не единственный уникальный признак человека, существует еще множество особенностей анатомии, отличающих его от обезьян, и тропи зависли где-то посередине этой шкалы.

Судья Артур Дрейпер размышляет о том, чем все же человек отличается от самых развитых обезьян? Он обращает внимание на то, что даже у самых примитивных дикарей есть табу. Есть ли табу у тропи? За обедом его жена обращает внимание на то, что у тропи нет даже амулетов.

Профессор Рэмполл пытается доказать, что по своим умственным способностям тропи не перешагнули границу между человеком и животными. Но где именно пролегает эта граница? И может ли животное мыслить абстрактно? Этот вопрос обсуждает также другой эксперт – исследователь интеллекта животных Тропп. Животные по его мнению обладают элементами абстрактного мышления и языка.

Вопрос о том, чем человек отличается от животных, передается в специальную парламентскую комиссию. Разум – исключительное достояние человека? Но опять же разве животные вообще лишены интеллекта? Члены комиссии пытаются обнаружить “человеческие качества” также в морали, знании Бога и искусстве. Но и здесь невозможно доказать их отсутствие у животных...

На заседании комиссии судья Дрейпер высказывает свое соображение. Раньше человек был одним целым с природой, теперь же он вырвался из нее и стал вопрошать ее. Люди – существа, вырвавшиеся из природы, и совершив этот шаг человек почувствовал себя одиноким и невежественным, слабым и отсюда прямая дорога к религии, табу и амулетам.

Парламентская комиссия принимает решение – человека от животных отличает “религиозный дух”. Что это такое? Это не только религия, но также философия, наука, искусства. Кто же такие тропи? Эксперты еще раз анализируют факты и находят у тропи один примитивный ритуал. Тропи спасены.

На самом деле аргументы комиссии весьма спорны: у многих животных есть ритуалы, особенно брачные, что же касается философии и искусства, то человеку трудно судить об их отсутствии при непонимании языка животных...

Приведу краткое содержание еще одного литературного произведения, которое позволит нам перейти к «космическому» измерению вопроса.

Энтони Бучер. Валаам

— Что есть *человек* ? — спросил раввин Хаим Акоста. — В самом ли деле это всего лишь представитель вида *Homo sapiens*, обитающий на третьей планете Солнца и ее колониях?

— Послушай, Хаим, — сказал Мэллой терпеливо, — доктрина доктриной, но, кроме нас, таких существ просто нет. По крайней мере в Солнечной системе.

— Возьмем, к примеру, шестнадцатый псалом Давида, который вы называете пятнадцатым. Там есть одна фраза, и, если ты не возражаешь, я процитирую ее на латыни: «*Benedicam Dominum, qui tribuit mihi intellectum*».

— Благословен будет Господь, научающий меня, — пробормотал Мэллой, цитируя стандартный перевод Нокса.

- Но по святому Иерониму: «Благословляю Господа, дарующего мне...» Как будет вернее передать intellectum? Не просто интеллект, разум, а и проницательность, понимание... То самое, что имеет в виду Гамлет, когда говорит о человеке : «В постижении — как сходен с божеством!»
- Существует интересная доктрина, выдвинутая в свое время одним из ваших писателей, К.С.Льюисом... Он выдвинул доктрину, в которой содержится предложенное им понятие «гнау» — разумные существа, обладающие душой и являющиеся детьми божьими независимо от того, каков их внешний вид и на какой планете они родились.

...

Среди песков Марса встретились два человека.

человек с базы совершал патрульный обход. За соседним холмом сверкнула яркая вспышка тормозных двигателей садящейся ракеты.

человек с космического корабля должен был осмотреть несколько квадратных гуголов песчаной пустыни и обратно на корабль. Правда за холмами что-то светилось... Может быть, какая-то фосфоресцирующая форма жизни?

Два человека встретились на вершине холма.

Один человек увидел перед собой ужасное существо с огромным количеством конечностей и безголовым поблескивающим торсом. Существо столь инородное, что оно прекрасно переносило леденящую марсианскую стужу, разгуливая по планете нагишом и без дыхательного аппарата, хотя воздуха тут считай что нет.

Другой человек увидел перед собой ужасное существо — невероятно! всего с четырьмя конечностями и каким-то уродливым наростом на торсе. Существо столь инородное, что в таком теплом климате оно скрывало свое тело тяжелой одеждой и пряталось от освежающих дуновений ветра под гермошлемом.

Оба человека истошно закричали и бросились в разные стороны.

С нелегким предчувствием один человек доложил о встрече своему капитану. Тот сказал:

— Я пошлю к тому месту, где ты, возможно, видел эту тварь, целый взвод. И если там в самом деле обнаружатся эти лупоглазые чудовища, они проклянут тот день, когда ступили своими чертовыми щупальцами на марсианский песок.

Так же настороженно доложил о встрече другой человек. Капитан сказал:

— Теперь посмотрим, удастся ли взводу настоящих наблюдателей обнаружить хоть какие-нибудь следы этих твоих чудовищных яйцеедов, у которых даже нет конечностей. И если мы их найдем, они, клянусь богом, пожалеют, что вообще вылупились из яиц.

...

— Что есть человек? — повторил раввин Акоста, и Мул Мэллой удивился, почему его подсознание до сих пор не подсказало ему столь очевидного и вполне подходящего в данной ситуации ответа.

— человек, — произнес он по памяти, — это существо из тела и души, созданное по образу и подобию божью.

— Может ли подобие подразумевать вот это тело? — Акоста указал на самого себя.

— Подобие господу, — продолжил Мэллой, — заключается главным образом в душе.

Все создания божьи подобны господу ввиду того уже, что они существуют. Растения и животные подобны ему, потому что обладают жизнью... Но ни одно из них не создано по образу и подобию божьему. Растения и животные не имеют души, посредством которой они могли бы познать и возлюбить бога, как человек.

— И как все добрые «гнау». Продолжай, пожалуйста.

Мэллой:

- А в чем подобна богу душа? — задал он себе следующий катехизический вопрос и тут же на него ответил: — Душа подобна богу, потому что она есть дух, обладающий пониманием, свободной волей и предназначением...

— Достопочтенные джентльмены! — раздался вдруг голос капитана Дитриха Фассбендера. — Я пришел по делу, которое самым непосредственным образом касается и меня, и, черт побери, вас обоих.

— Что случилось, капитан? Впрочем, подождите, я и так знаю. Нас осаждают инопланетные захватчики, и для защиты священных песков Марса нужен каждый, кто способен держать в руках оружие. Верно?

— Ну, в общем... Черт! Да! Я сначала не поверил, — признался он. — Наш патруль наткнулся на их патруль. Произошла стычка: мы потеряли двоих и убили одного из этих. Но мы должны постоять за Марс, и тут наступает ваш черед.

Оба священника смотрели на него, не произнося ни слова.

— Вы мне особенно нужны, раввин Акоста. За ваших парней, отец Мэллой, я не очень беспокоюсь. Они будут драться как положено. А вот с израильским подразделением будет сложнее, Акоста. Они совсем не имеют понятия о дисциплине, по крайней мере в том смысле, в каком это принято в легионе. Кроме того, многие из них... черт, не то чтобы суеверны... но они вроде как почитают вас... Говорят, что вы чудотворец.

— Я надеюсь, вы не предлагаете, чтобы я совершил чудо и выиграл за вас сражение?

— улыбнулся раввин.

— К чертовой матери! — фыркнул Фассбендер. — Дело в ваших людях. Они вбили себе в головы, что вы... святой. Ладно, пусть пророк. Но мы должны сделать из ваших мальчишек мужчин. Распрямить спины, расправить плечи и послать в бой, зная, что они победят. Но победа, черт побери, ни за что не придет, если они сами в нее не поверят. Так что дело за вами.

— Что именно я должен сделать?

— Мы начнем атаку завтра утром, перед рассветом. И чтобы я не сомневался, что боевой дух ваших солдат, когда они пойдут вперед, будет крепок, вы должны проклясть их.

— Проклясть моих солдат???

— Проклясть их! Этих тварей, пришельцев или как их там еще, черт побери! Я надеюсь, ваша религия не запрещает подобные ритуалы, Акоста? Сама процедура — на вашей совести. И вы должны проклясть их завтра утром, чтобы это слышали все ваши люди!

Капитан скрылся за дверью.

Раввин повернулся к своему коллеге.

— Мул, ты помолишься за меня?

Мул Мэллой кивнул и потянулся к четкам. В полном молчании Акоста вышел из комнаты.

А теперь попытайтесь представить себе, как две крохотные группы *людей* — полузабытый гарнизон на далекой планете и небольшая разведывательная группа — готовятся в течение ночи встретить неведомое, с тем чтобы поутру определить ход истории галактики, возможно, на много веков вперед.

Два *человека* вводят в баллистический компьютер тестовые программы поиска цели.

Два *человека* подключают электроды волномета.

— Однако, братья, — вступает в разговор третий *человек*, настраивающий микроверньеры телескопического прицела, — наш добротворец уверяет, что эти монстры вполне реальны. Добротворец обещал нам свое благословение перед битвой...

— Чтоб он подавился яйцом, из которого вылупился!

— Пусть раввин возьмет свое благословение и засунет его Фассбендеру в зад, — говорит человек, проверяя гермошлемы.

— От приказов умерли многие. А умирал ли кто-нибудь от благословения?

...

Пузырь (даже Акоста старался избегать лингвистического формализма и никогда не называл машину «купольным джипом») подпрыгивал на неровностях, продвигаясь к вершине холма, откуда уже можно было увидеть корабль захватчиков. Мул Мэллой сосредоточенно управлял машиной.

— Проклятье кажется таким мелодраматичным, средневековым действием, но есть ли на самом деле какая-нибудь разница между проклятием и молитвой о победе, которую регулярно произносят капелланы? Я вовсе не ожидаю, что корабль захватчиков будет поражен раздвоенной молнией Иеговы. Однако мои люди слишком уж в меня верят, и я просто обязан сделать все возможное для укрепления их духа. — вернулся к разговору Акоста.

Мул Мэллой сказал:

— Потому что ты святой, — и прежде чем Акоста успел возразить, он продолжил: — Или пророк, если тебя больше устраивает. Забудь о рационалистическом словоблудии и осознай наконец, откуда снизошла на тебя сила и кто направил тебя, когда ты меня спас. Осознай, что за «странные мысли» посетили тебя во время ночного молитвенного бдения. Ты — пророк, и ты не проклянешь *людей*, детей божьих!

Неожиданно Мэллой упал грудью на рулевое колесо и обмяк.

— Джентльмены! — Зазвучал из динамика голос Фассбендера. — Не будете ли вы так добры все-таки двинуть вперед и взобраться на вершину холма? Операция должна была начаться уже две минуты и двадцать секунд назад!

Акоста машинально нажал клавишу и сказал:

— Слушаюсь, капитан.

Мул Мэллой пошевелился и открыл глаза.

— Фассбендер?

— Да... Но не торопись. Мул. Я не могу понять, что произошло. Что заставило тебя...

— Я тоже этого не понимаю.

Хаим Акоста вздохнул.

— Вот теперь ты говоришь, как прежний Мул Мэллой. А до этого...

— Что? Разве я что-нибудь говорил? Впрочем, кажется, я действительно хотел сказать тебе что-то важное...

— Да, ты кое-что сказал, Мул, и я был поражен не меньше Валаама, когда его ослица заговорила с ним во время... Мул!

Глаза Акосты горели черным огнем, ярким как никогда раньше. Руки его непрерывно жестикулировали.

— Мул, ты помнишь историю Валаама? В четвертой книге Моисеевой...

— Числа? Я помню только про говорящего осла. Надо понимать, тут есть какая-то связь с «Муллом»?

— Валаам, — заговорил раввин, едва сдерживая волнение, — был пророком в долине Моавитской. Сыны Израиля напали на Моав, и царь Валак повелел Валааму проклясть их. Его ослица не только заговорила с ним, но, что более важно, остановилась и отказалась двигаться до тех пор, пока Валаам не выслушал послание Господа... Ты был прав, Мул. Эти существа *люди* по всем критериям, что мы с тобой обсуждали только вчера. Более того, они — люди, гораздо лучше приспособленные к марсианским условиям. Возможно, они уже прилетали сюда раньше и сочли, что планета им подходит. Марс не для нас. Мы не можем вести здесь нормальную жизнь, а научные изыскания не принесли никаких ощутимых результатов. Эти, другие *люди*, напротив, вполне могут жить здесь и плодотворно трудиться во славу Господа, а в дальнейшем и на благо нашего мира тоже, потому что рано или поздно две населенные планеты найдут общий язык. Ты был прав. Я не могу проклясть *людей*.

— ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!!!

Акоста стремительно протянул руку и отключил коммуникатор.

— Ты согласен, Мул?

— Я... я... Видимо, надо двигаться обратно, Хаим?

— Нет, конечно. Вперед! Немедленно. На вершину холма. Или ты еще не вспомнил, что в этой истории с Валаамом случилось дальше? Он не просто отказался проклясть детей божьих, своих братьев. Он...

— Он их благословил.

Мул Мэллой наконец вспомнил. Но он вспомнил и дальше:

«И послал их Моисей на войну... И пошли войною на Медиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола... и Валаама, сына Веорова, убили мечом».

Он взглянул в лицо Хаиму Акосте, где отражались одновременно и волнение, и покорность, каковые и должны быть написаны на лице у человека, познавшего наконец свое будущее. Мэллой понял, что воспоминания раввина тоже добрались до тридцать первой главы.

«А ведь в Библии ни единого слова не сказано о том, что стало с ослицей», — подумал Мэллой и погнал машину к вершине песчаного холма.

...

Здесь есть мостик к совсем другому вопросу: если человек характеризуется «религиозным духом», т. е. философией, искусством, наукой и религией, которые никак не определены его биологическими особенностями, то это содержание («религиозный дух») может быть «влито» в разные сосуды (тела). Но мне кажется, что тогда удобнее все же употреблять понятие К.С.Льюиса «гнау» — разумные существа, обладающие душой и являющиеся детьми божьими независимо от того,

каков их внешний вид и на какой планете они родились. А человек – одна из разновидностей гнау... Океан С. Лема – другая разновидность, да и вообще научная фантастика полна образов гнау...

Но мне хотелось бы еще остановиться на понятии “религиозный дух”. По сути, перечисленные его составляющие говорят нам о том, что человек в состоянии заниматься чем-то, не направленным на удовлетворение естественных потребностей (есть, пить, размножаться...). И именно этот аспект кажется мне очень важным. Более того, человек способен отказаться от удовлетворения своих естественных потребностей ради чего-то другого, ради какой-то “высшей цели”: герои жертвуют жизнью, идя на подвиг, монахи отказываются размножаться, да и мы в нашей повседневной жизни совершаем мелкие жертвы в пользу чего-то, что отнюдь не связано с нашими биологическими нуждами – постимся, экономим денежку на билеты на концерт – дальше список каждый дополнит для себя.

И тут возникает очень коварный и болезненный вопрос: а все ли люди как биологические существа являются гнау?...

Обратимся опять к М. Хайдеггеру (и опять в моей интерпретации).

Хайдеггер использует два понятия: «человек» и «люд». *Das Man* – один из неологизмов М.Хайдеггера. Это существительное, образованное от неопределенного местоимения "man". Оно обозначает некое безличное "людство", чье мнение предписывает образ мышления и существования индивидам. Этот термин Хайдеггера мы переводим словом "люд".

Он объясняет отступление и бегство людской мысли перед смертью причинами, которые коренятся не только в психологии, но и в бытии люда. Безличный люд погружен в повседневные хлопоты о насущном, о вещах, а способ существования вещей, которыми озабочен люд, становится для него эталоном понимания всякого сущего, в том числе и человека. В результате, бытие вещей заслоняет от люда совершенно особое бытие человека, – бытие временное, конечное и смертное (тогда как, напротив, бытие вещи безразлично к времени, своему концу и не подвержено смерти). Мир люда безличен, и потому он не знает смерти, ведь умирание – сугубо личный акт: умираю "я", а не "бессмертный" люд, и только "я" в состоянии осмыслить "возможность невозможности" дальнейшего пребывания в мире.

Совершенно с другой точки зрения подошел к неоднородности людского сообщества замечательный ученый Б. Поршнев.

«О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» — философско-естественнонаучный трактат историка Бориса Фёдоровича Поршнева, посвящённый проблемам антропогенеза. Первоначальный замысел книги о человеческой праистории относился к 1924 году, хотя непосредственно к теме возникновения *Homo sapiens* Б. Поршнев обратился в 1950-е годы в связи с интересом к троглодитам и проблеме «снежного человека». В 1955 году Поршнев закончил исследование об источниках питания ископаемых палеоантропов, обитавших в пещере Тешик-Таш в Узбекистане. Это было фундаментом для предположения, что за совершенно случайным и неудачным названием «снежный человек» кроется реальный зоологический феномен — дожившие до современной эпохи реликтовые палеоантропы, неандертальцы.

После 1968 года работа исследователя была целиком посвящена написанию и публикации «О начале человеческой истории», которую он считал главным исследовательским трудом в своей жизни.

«Первичный эскиз» большой книги — под тем же названием «О начале человеческой истории» — Борис Фёдорович опубликовал в 1969 году в виде 31-страничной статьи-доклада в сборнике «Философские проблемы исторической науки». Именно в статье 1969 года Поршнев открытым текстом произвёл ревизию господствовавших в советской науке взглядов Ф. Энгельса. Исследователь нашёл у классика марксизма следующую логическую ошибку — смешение труда, который предшествовал появлению человека, с трудом, который присущ исключительно человеку и возник вместе с появлением человека. Такая ошибка лишала формулу «труд создал человека» всякого смысла. Исследователь исходил из того, что человек не мог постепенно возникнуть непосредственно в природной среде — слишком велика разница между животным и человеком разумным. Поршнев утверждал наличие разрыва между человекообразными и *Homo sapiens*; такой подход противостоял теории эволюции, согласно которой переход от животного к человеку проходил постепенно.

В начале 1970 года был заключён договор между автором и издательством «Мысль» об издании текста объёмом в 27 авторских листов. В конце года была представлена рукопись значительно большего объёма — 35 листов, что означало необходимость сокращения рукописи. Лишённый трёх глав текст пошёл в набор в мае 1972 года.

В сентябре 1972 года в Академии общественных наук при ЦК КПСС было проведено обсуждение рукописи Поршнева. Председательствовавший на обсуждении разделил доску в аудитории на две половины, на которых выписывал трактовки антропогенеза у классиков марксизма и их трактовку у Поршнева. Издание было принято отменить, а типографский набор рассыпать. По мнению дочери исследователя — Е. Б. Поршневой, это решение стало тяжелейшим ударом, 26 ноября 1972 года Борис Фёдорович скончался.

Рукопись удалось опубликовать в 1974 году в урезанном виде (по требованию редакции были элиминированы главы, посвящённые трупоядению, освоению огня и формированию человека разумного в среде неандертальцев). В 1990-х годах началась работа по восстановлению авторского текста по рукописям, хранившимся в Российской государственной библиотеке. В восстановленном виде монография была трижды опубликована разными издательствами в 2006, 2007 и 2013 годах.

Очень сложно изложить содержание толстой и трудной книги на паре страниц, даже если выбрать из нее только то, что прямо связано с нашей темой, но я попробую.

Для Б. Поршнева существовало принципиальное отличие человека от всех остальных животных («эволюционный разрыв»), различие коренится в творчестве, которое отсутствует у любого животного даже в зачаточной форме.

Рассматривая переход от животного к человеку, Б. Поршнев поставил в центр своего анализа модель отношений «особь — особь», а не «особь — среда».

Б. Ф. Поршнев сосредоточился на исследовании троглодитид, «высших прямоходящих приматов», к которым относились неандерталец, австралопитек,

гигантопитек, мегантроп и питекантроп, которые определяются как «уже не животные, но ещё не люди, то есть антиживотные и антилюди одновременно».

В книге рассказывается, как качественные отличия троглодитид как вида проявляются прежде всего в сверхвнушаемости, отсутствующей и у животных, и у человека. Научившись подражать звукам разных животных, троглодиты управляли их поведением; произошло это в ходе вступления приматов в сложные симбиотические отношения с хищниками — кошачьими и гиеновыми, которые часто убивают больше травоядных животных, чем требуется для пропитания.

Человеческий труд берёт начало в деятельности троглодитид, главной экологической чертой которых было трупоядение и падальщичество. Первоначальные орудия труда, обнаруженные в палеолитических отложениях, по Поршневу, свидетельствуют о том, что они являлись продуктом сложного инстинкта, и предназначались для разделки туш павших или зарезанных хищниками животных, то есть заменяли слабо развитые у гоминид зубы и когти. Питались троглодитиды преимущественно не мясом, а головным и костным мозгом; в утилизации этих продуктов у них не было конкурентов в тогдашнем животном мире. Возникшее позднее охотничье оружие предназначалось для охоты на представителей своего собственного вида. Освоение огня произошло стихийно, в процессе обработки каменных орудий на растительной подстилке жилья, которая имеется у всех приматов, то есть раннему человеку пришлось «учиться» гасить огонь и впоследствии утилизировать его проявления.

Потом произошло расщепление самого вида палеоантропов на два подвида. Так возник *Homo sapiens* — экологическая противоположность *Homo neanderthalensis*.

Согласно теории Поршнева, в этот период взаимодействие сообществ гоминидов выразилось во взаимном ослаблении их видового качества сверхвнушаемости действиями, жестами, звуками — средствами, обеспечивающими защиту от внушающего воздействия извне. Появление речи было связано с механизмами воздействия индивидов друг на друга; речь являлась средством и выражением формирующихся социальных отношений. Таким образом, речь возникла одновременно с появлением социального, будучи обратной стороной процесса возникновения человеческого общества.

Формирующаяся речь приобрела новую функцию — тормозную в своей основе, запретительную по своему смыслу, тесно связанную с понятием приказа. Имитация играла в становлении запретов двоякую роль. С одной стороны, развитый имитативный рефлекс предоставляет канал для передачи самого запрета. С другой, этот же развитый имитативный рефлекс превращает воздействие запрета в необходимое условие выживания данного вида. Процесс взаимодействия объективно был направлен против сверхвнушаемости.

Так внутри сообщества гоминид возник человек с его символической смысловой речью и относительно невысокой внушаемостью, позволяющей, правда, достаточно интенсивно подражать другим (взрослым) до тех пор, пока не разовьются индивидуальные познавательные способности.

По мнению Б. Ф. Поршнева, человек в процессе внушения интериоризирует свои реальные отношения с другими индивидами, выступая как бы другим для себя самого, контролирующим, регулирующим и изменяющим благодаря этому

собственную деятельность. Механизм «обращения к себе» оказывается элементарной ячейкой речи-мышления.

В книге развивается гипотеза о том, как дальнейшее взаимодействие возникшего древнего человека и троглодитов в единой среде привело к усилению механизмов торможения и запрета — человек разумный и неандертальцы совместно существовали в рамках одного сообщества, причём особи первого вида служили основной пищей троглодитов. Впоследствии это привело к закреплению в человеческой культуре жертвоприношений и обрядов инициации, имитирующих смерть.

Б. Поршнев отметил, что все запреты в любой человеческой культуре сопряжены с исключениями. Происхождение специфической формулы культурных запретов — запретов через исключение — лежит в физиологической природе внушения. Возникнув в качестве инструмента торможения всего, кроме чего-то одного, оно породило два различных социальных феномена: слово человеческой речи и культурную норму. Исследователь, проанализировав наиболее древние культурные запреты, выделил важнейшие их группы:

- Запрет на убийство себе подобных. В рамках этого запрета, по-видимому, первичным было запрещение съедать человека, убитого рукой человека, а не погибшего от других, в том числе естественных причин. С мёртвых неприкасаемость распространилась и на живых. По мнению Поршнева, если в рамках ритуала живой человек был обмазан охрой и снабжён украшениями, он считался неприкасаемым.
- Запрет брать и трогать определённые предметы или производить с ними некоторые действия. Это доказывается на материале палеолитического искусства, причём Б. Поршнев заявил, что некогда был прав Н. Я. Марр, считавший, что пещерная живопись была предшественницей письменности, а не изобразительного искусства.

По Поршневу, ранние религиозные представления о «хороших» и «плохих» божествах зарождались также в эпоху отбора неантропов в среде неандертальцев. Образы божеств (протобожеств) и различных разновидностей «нечистой силы» являются отражением неандертальца, с которым на протяжении длительного времени приходилось взаимодействовать человеку разумному, а также отражением конкретных особенностей этого взаимодействия. Чем более древними являются эти образы, тем больше в них буквальных физических черт и особенностей поведения реального «живого» неандертальца.

Многое в древнейшей истории человечества получит дополнительное освещение, если помнить, что люди развивались в противопоставлении себя живущим где-то на близкой или дальней периферии анти-людям — «нелюдям», «нежити». Это противоположение всё более осознавалось. Оно было оборотной стороной самосознания этнических групп.

По Поршневу, пережившие свой расцвет неандертальцы не исчезли полностью, о чём свидетельствуют не только данные мифологии, но и исторические источники. Он считал, что существовало большое число археологических находок, которые показывали, что неандерталоидные существа со своей каменной индустрией существовали на одних стоянках с кроманьонцами. Некоторое их число сохранилось

вплоть до неолита и бронзового века. Б. Поршневу считал, что сведения, приводимые у античных авторов (Геродот, Плутарх, Помпоний Мела, Плиний Старший) о редких встречах с «сатирами» и «фавнами» отражали факт существования неандертальцев на окраинах тогдашнего мира.

Особое внимание уделял Б. Поршневу представлениям зороастризма. Он предлагал воспринимать буквально содержащиеся в Авесте сведения о дэвах, которые рассматривались зороастрийцами как живые существа. Возможно, что ещё к VI—V векам до н. э. осуществлялся постоянный контакт с реликтовыми палеоантропами-дэвами с помощью умерщвления для них огромных масс скота и приручения их «колдунами» (шаманами). Зороастрийский обычай оставлять тело покойного на растерзание птицами и зверями также связывается с древнейшими временами, в том числе и как средство подкармливания «своих» палеоантропов.

К последним представителям реликтовых палеоантропов Б. Поршневу относил существа, которые описывали естествоиспытатели XVII—XVIII веков, в том числе Николас Тульп. Карл Линней в первом издании своей «Системы природы» (1735, Лейден) также предусмотрел место для *Homo troglodytes*, которого описывал по сообщениям голландских натуралистов.

В 1976 году увидела свет статья И. Бурцева и Д. Баянова «Неандертальцы против парантропов», в которой воспроизводились аргументы Б. Поршнева об отражении сосуществования людей и неандертальцев в исторические времена в археологических памятниках, предметах искусства и даже описаниях представителей зарождавшейся науки.

В своей статье 2008 года специалист в области культурологии первобытных обществ П. А. Куценков признал, что полученные новые данные полностью опровергают отдельные положения концепции Поршнева, как она была изложена в его статьях и книгах 1960—1970-х годов:

«Самое важное — довольно убедительное установление генетикой того факта, что *Homo sapiens neanderthalensis* не был прямым биологическим предком современного человека. По Поршневу же, современный человек первоначально эволюционировал именно внутри сообществ неандертальцев.»

Хотя, как мы видели, «прото-Ева» возникла раньше «прото-Адама»...

Если пытаться связать концепцию Б. Поршнева с нашей темой, то важным оказывается вот что: человек разумный («личность») развивался в сообществе неандертальцев («толпы») именно в процессе противостояния ему. Характерными признаками «толпы» являются ее внушаемость и развитый подражательный инстинкт, противопоставление «мы-они». А вот характерными признаками «личности» являются наличие запретов и «обращение к себе», преодоление внушаемости и противопоставление «я-они». Выделение личности из толпы и сделало возможным развитие творчества как индивидуального, персонального акта. И еще немного литературы:

Энтони Бучер. Поиски Святого Аквина

Епископ Римский, глава святой католической апостольской церкви, наместник Христа на Земле — одним словом, папа посылает Фому на поиски легендарного Аквина.

— Собирайся в путь. Я приготовил для тебя робосла — подарок одного из главных технархов. Подобно Никодиму, он творит добро украдкой, но это наш тайный приверженец, обращенный в веру тем самым Аквином, которого ты отправляешься искать.”

Робосел мог разговаривать и всю дорогу вводил Фому во искушение.

“Фома улыбнулся.

— А знаешь, это довольно приятное ощущение, когда кроме исповедника есть хотя бы еще одно существо, с которым можно поговорить, не опасаясь предательства.

— Существо, — повторил робосел. — Не впадаешь ли ты в опасность оказаться на грани ереси.

— Согласен. Разобраться, как правильнее к тебе относиться, действительно нелегко. Существо, обладающее способностью говорить и мыслить, но лишенное души...

— Ты в этом уверен.

— Конечно, уверен... — сказал Фома, — А теперь позволь, я поразмышляю.

Размышления о великих таинствах как нельзя лучше подходили к великой цели его путешествия, но мысли не удерживались в рамках таинств, и, бормоча, молитву Богородице, Фома задумался совсем о Другом:

«Если пророк Валаам разговаривал со своим ослом, то и я могу общаться с робослом. Валаам всегда был для меня загадкой. Он не был из сынов Израилевых — моавитянин, чей народ поклонялся Ваалу и воевал с Израилем. И все же он пророк Господень. Он благословил сынов Израилевых, когда его послали проклясть их. И в награду сыны Израилевы зарезали его, одержав победу над Моавом. У этой истории нет ни формы, ни морали — словно она существует в подтверждение того, что в божественном плане есть и такие фрагменты, которые нам не понять никогда...»

— Уверовать в бога. Надо же. Мой разум абсолютно логичен и я просто не могу совершить подобной ошибки.

— У меня есть друг, и он тоже непогрешим, — ответил Фома, улыбнувшись, — но только временами, когда с ним Бог.

— Люди не могут быть непогрешимыми.

— Значит, несовершенные существа сумели создать совершенство? — спросил Фома.

— Ты играешь словами, — парировал робосел. — Это соображение ничуть не более абсурдно чем твоя собственная вера в то что бог который есть само совершенство создал человека далеко не совершенного.

— Давай оставим на время дебаты, а ты пока расскажешь мне, во что верите вы, роботы

— В то что в нас заложено.

— Но ведь разум робота продолжает работать над полученной информацией, и у вас наверняка возникают собственные идеи.

— Случается. И если заложить в робота несовершенные данные идеи у него могут возникнуть весьма странные. Я как-то слышал о роботе с космической станции который поклонялся богу роботов и отказывался верить что его создал человек.

— Надо полагать, — задумчиво произнес Фома, — он утверждал, что создан отнюдь не по образу и подобию человека?

— В данном случае было бы просто нелогично воспроизводить человека, — сказал робосел. — Человек машина универсальная однако он далеко не идеален для выполнения любой конкретной работы. Хотя я слышал что однажды.

Он умолк на середине предложения.

Видимо, даже у роботов есть мечты и легенды, подумал Фома. Легенды о том, что некогда существовал суперробот в облике его создателя, человека. И одной этой идеи достаточно для возникновения у роботов настоящей теологии.”

“Фома судорожно вздохнул.

— Но мне нужно найти святого Аквина. Я могу спать на ходу, — сказал он и добавил участливо: — Тебе, я полагаю, отдых не требуется?

— Нет конечно. Но что входит в твою задачу.

— Найти святого Аквина, — терпеливо повторил Фома. — Я не знаю, какие данные были введены в тебя, но ушей его святейшества достигли слухи, что в этих краях много лет назад жил крайне праведный человек...

— Знаю знаю знаю, — перебил его робосел — Его рассуждения были столь логичны и безупречны что все кто ему внимал сразу обращались в веру жаль, что меня тогда не было хотел бы я задать ему парочку вопросов, а с тех пор как он умер его тайная гробница превратилась в место паломничества и там происходит множество чудес но самое важное знамение свидетельствующее о его святости заключается в том что тело Аквина осталось нетленно, а вам нужны чудеса и знамения чтобы привлечь народ.”

“Дальше они двигались вверх по склону молча.

Неожиданно робосел свернул и бросился в густой кустарник. Фома испуганно вскрикнул.

А потом расселина привела их в пещеру, где на грубом каменном постаменте лежало нетленное тело человека.

Фома сполз с седла, застонав, когда ребра отозвались острой болью, но сразу же упал на колени и безмолвно возблагодарил Господа.

Однако спустя несколько секунд, когда Фома приблизился к телу, на его лице отразились сомнения.

— В прежние времена в разбирательствах при канонизации святых всегда участвовал человек, называвшийся «адвокатом дьявола», — сказал Фома не то себе, не то робослу, — и в его обязанности входило всячески подвергать сомнениям любые доводы в пользу святого. Если бы мне выпала такая обязанность, я бы первым делом задумался о пещере. Некоторые из них обладают странным свойством предохранять тела от разложения, мумифицируя их и...

Робосел подошел вплотную к постаменту.

— Не волнуйся. Это тело не мумифицировано.

Подняв суставчатую переднюю ногу, он с силой ударил копытом по руке Аквина. При виде такого святотатства Фома вскричал от ужаса... затем пристально взгляделся в раздавленную плоть,

Он не увидел ни крови, ни бальзамирующей жидкости, ни посиневших мышц — лишь разорванную тонкую кожу, а под ней сложное переплетение пластиковых трубочек и проволочек.

Молчание тянулось долго. Наконец робосел сказал:

— Ты должен был узнать об этом. Но только ты один.

— И все это время, — слабым голосом произнес Фома, - святой, которого я искал, был всего лишь твоей мечтой, единственным непогрешимым роботом в человеческом обличье.

— Его создатель умер и секрет изготовления был утерян, добавил робосел. — Но мы без сомнения откроем его вновь.

— Все — впустую! — продолжал свое Фома. — Хуже того! Так называемое чудо оказалось творением Технарии!

— Когда Аквин умер, — монотонно говорил робосел, — и умер нужно поставить в кавычки это произошло из-за каких-то механических неполадок. Он не решился на починку из боязни открыть людям свою природу. Но этого не должен знать никто кроме тебя. В своем отчете ты разумеется сообщишь что нашел тело Аквина неповрежденное и нетленное... Это правда и ничего кроме правды, а если это и не вся правда целиком то кому какое дело. Пусть твой непогрешимый друг воспользуется этим сообщением и уверяю тебя он будет благодарен. Твоя миссия выполнена с успехом и теперь мы вернемся. Церковь вырастет и окрепнет, а твой Бог обретет множество новых верующих чтобы петь святые гимны для его несуществующих ушей.

— Будь ты проклят! — воскликнул Фома. — И обладай ты душой, это было бы самое настоящее проклятье!

— Ты уверен что у меня нет души, — сказал робосел. - Вопросительный знак.

— Я знаю, кто ты на самом деле. Ты — воплощение дьявола, бродящего по земле и жаждущего уничтожения рода человеческого! Ты — нечисть, крадущаяся во тьме! Чисто функциональный робот, созданный и запрограммированный, чтобы искусить меня!

— Не искусить, — ответил робосел. — И не уничтожить. Спасти тебя и направить. Наши лучшие вычислители доказали что ты с вероятностью в 51,5 процента станешь в течение следующих двадцати лет папой. Если я смогу научить тебя мудрости и практичности вероятность этого исхода поднимется до 97,2 процента что очень близко к полной уверенности. Разве ты не хочешь видеть церковь такой какой ее мог бы сделать ты. Сообщив о неудаче, ты лишишься преимуществ контакта с папой и своей позиции которая может со временем принести тебе красную кардинальскую шапочку...

— Стоп! — закричал Фома. Его глаза сверкали, а лицо светилось внутренним огнем, чего до сих пор за ним не отмечал даже пси фактор. — Все наоборот! Разве ты не понимаешь? Это триумф! Блестящее завершение поисков!

Робосел провел суставчатой ногой по искалеченной руке Аквина.

— Это. Вопросительный знак.

— Именно. Это твоя мечта. Твой идеал совершенства. И что же из него вышло? Этот совершенно логичный мозг универсальный мозг знал, что он создан человеком, а его логические построения привели к вере в то, что человек создан Богом. И он осознал свой долг перед его творцом, человеком, и перед творцом человека. Богом. Этот долг — обращать людей в веру к вящей славе Господней. И он обращал — чистой силой своего совершенного разума... Теперь я понимаю, откуда пошло имя Аквин. Мы знали святого Фому Аквинского, безупречного логиста нашей церкви. Мы

сможем обучить нашу молодежь, чтобы она развила его учения дальше. Слишком долго мы полагались только на веру, но время одной веры прошло. Мы должны призвать на помощь логику, разум, и Аквин показал нам, что совершенный разум может привести только к Богу!

— Тогда тем более необходимо увеличить твои шансы на папство ибо только так ты сумеешь реализовать эту программу. Садись в седло и мы отправимся назад, а по дороге я научу тебя кое-каким приемам которые помогут тебе увеличить шансы...

— Нет, — сказал Фома. — Я лучше помолюсь Спасителю. Не введи в искушение... Я ведь немного себя знаю. Слаб я и полон сомнений, а ты очень хитер. Уходи. Я сам найду дорогу назад.

— Ты не здоров. У тебя сломаны ребра и тебе больно. Ты никогда не доберешься назад сам тебе нужна моя помощь. Для церкви крайне важно чтобы ты вернулся к папе со своим сообщением ты не можешь ставить себя выше церкви.

— Прочь! — выкрикнул Фома. — Отправляйся назад к своему Никодиму... или Иуде! Это приказ! Повинуйся!

— Неужели ты в самом деле думаешь что я запрограммирован подчиняться твоим приказам. Я подожду в деревне доберись хотя бы туда и ты возликуешь едва только увидев меня.

Ноги робосла зацокали по каменному проходу. Вскоре эти звуки растаяли вдали, и Фома упал на колени перед телом существа, которого в мыслях он уже называл святым Аквином-Роботом.

Сломанные ребра болели невыносимо. Пробираться к деревне в одиночку будет, конечно, ужасно...

Молитвы Фомы возносились к небу, словно облака благовоний, и были они столь же бесформенны..."

Вы заметили, что, с какой бы стороны не рассматривался вопрос о сущности человека, в рассуждениях появляются такие слова, как "дух" или "душа"? И нам, наверное, не избежать анализа этих понятий...

Глава 6. Дух, душа, тело

Истинная жизнь человека - та, о которой он даже не подозревает - Сэмюэл Батлер

Сегодня у нас странная тема – про то, что мы, казалось бы, знаем и хорошо понимаем. Ведь действительно, что тут сложного – "Дух, душа, тело"? Особенно если говорить про "душевный" и "духовный" – все чувствуют разницу! Однако при попытке все же дать определения этим понятиям проблемы таки возникают, даже всезнающая Википедия то и дело сбивается: дает тезис о душе, а цитату приводит о духе... Дух, душа и тело – это я. В сегодняшней теме не будет много философии, я предлагаю прислушаться к себе – в конце концов речь идет обо мне (о каждом из нас), должна же я знать или хотя бы чувствовать, из чего я состою...

А, кстати, что такое "Я"?

Дадим все же несколько определений:

Р. Декарт и Немецкая классическая философия отождествляют «сферу Я» со «сферой Сознания», осознанных действий. По Й. Г. Фихте, «Я» — абсолютное творческое начало, которое является фундаментом всего сущего и самого себя как «не Я». У экзистенциалистов «Я» выступает как активный творческий полюс сознания, противоположный осмысленному предмету.

Но лично я – не только мое сознание: вот смотрю на фотографию и вижу – я! Значит, либо моя внешность относится к сфере сознания, что мне кажется явным преувеличением, либо «я» - не только внутренний мир.

И. Кант различал эмпирично-индивидуальное и «чистое Я», которое выступает как «трансцендентальное целое апперцепции» и как «носитель категорического императива».

Похоже, у меня какое-то «грязное Я», потому что, сколько я в себе не рылась, не нашла ничего похожего на трансцендентальное целое апперцепции...

Давайте все же остановимся на том, что «Я» - совокупность внешнего и внутреннего, сознательного, бессознательного и подсознательного, материального и духовного человека. В предыдущей главе уже упоминалось мнение Б. Поршнева, что возникновение человека начинается с противопоставления «я-они», с выделения личности из толпы, с их взаимного противопоставления. Но не только. Противопоставление «я – они» дополняется сопоставлением «я – ты» - помните: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты?

Но начнем с самого понятного (как нам кажется) – с тела. У философов на этот счет такие крутые повороты, что я их вынесла в Приложение, для любителей острых ощущений. А здесь оставим только необходимое для продуктивной мысли.

ТЕЛО 1) физически ограниченная часть

вещественной материи, устойчивый комплекс качеств, сил и энергий,

2) живой организм в его соотнесенности или сопряженности с душой.

Уже в античной философии проведено различие между физическим телом и одушевленным телом. И мы будем говорить только об одушевленном теле.

Стоики определяли тело как “то, что производит действие”, обладает тремя измерениями и границами.

Декарт так определял тело: “Под телом я разумел все то, что может иметь некие очертания, занимать определенное место, заполнять пространство так, чтобы из данного пространства было исключено любое другое тело, а также может восприниматься чувствами и передвигаться, если на него воздействует другое соприкасающееся с ним тело”.

Тело - отдельный предмет в пространстве, а также часть пространства, заполненная материей, каким-нибудь веществом или ограниченная замкнутой поверхностью.

Присутствие в современной культуре традиции, отождествляющей мышление с непричастным изменению бытием, обусловило неразрывную связь идей тела и смерти. Человек смертен, поскольку телесен. Причем смерть тела парадоксальным образом оказывается путем к истине или аутентичному присутствию человека либо в качестве всеобщего, освобожденного от связи со случайной единичностью (Гегель), либо в качестве медицинской аутопсии трупов, открывающей истину жизни, либо в качестве уникального “мига”, противопоставленного неподлинной всеобщности жизни.

Тело – смертная материальная составляющая человека, да? Если отбросить определение “материальная” (потому что последнее время ученые так размыли это понятие, включив в него волны, свет и пр., что уже сложно указать, что же не материально...), а сказать по-простому, то тело – та составляющая человека, которую можно потрогать руками, увидеть, услышать и даже понюхать. И оно смертно, мы знаем из жизненного опыта.

Так вот, если я прислушаюсь к себе и попробую дать определение своему телу, то выяснится, что тело – это сосуд, в котором заключено мое Я, вместилище меня. И взаимосвязь между Я и телом не очень простая: с одной стороны, тело – часть меня, а с другой... Если у меня отрежут какую-то часть тела, то Я все равно останется, их связь не такая уж определяющая. Может ли существовать мое тело без меня? Можно это представить? У меня не получается – нет никакой информации на этот счет... Может ли существовать Я без тела (без этого конкретного тела)? Такое я могу представить, опираясь хотя бы на опыт сновидений, когда тело лежит в постели, а со мной очень много чего происходит...

А попробуем зайти с другого бока: зачем мне вообще нужно тело? Вспомним опять про противопоставление и сопоставление Я, Они и Ты: и то, и другое возможно только в том случае, если Я определено, выделено из окружающей среды, если оно имеет границы. Представим, что на некоей вечеринке сидят гости, и у каждого в чашке свой напиток – чай, кофе, водка, молоко... И эти напитки ограничены чашками. Если вдруг все чашки разобьются, на полу образуется лужа, но в этой луже нельзя будет опознать ни чай, ни водку – получится просто грязная лужа... Вот такой чашкой и является тело.

Однако, если Я бессмертно, то ему всегда нужна будет “чашка”, то есть некое тело. Наверное, здесь находится ключ к пониманию некоторых строк Библии.

“Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный;

и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную”.(Мт 18:8-9) Понимая, что речь идет не о земной жизни, приходится сделать вывод, что и после смерти некое тело все же существует. Библия открывает по меньшей мере три причины, почему воскресение тела необходимо:

(а) Тело существенно важно для всей полноты человеческой личности; человек не полон без тела. Таким образом, искупление в Христе распространяется на всю личность, включая тело (Рим. 8:18-25).

(б) Тело - это храм Святого Духа (1 Кор. 6:19); оно снова станет храмом Духа при воскресении,

(в) Чтобы уничтожить результаты греха на всех уровнях, окончательный враг человека (смерть тела) должен быть побежден воскресением (1 Кор. 15:26). Если говорить в общем, то тело верующего после воскресения будет подобно воскресшему телу Самого Господа (Рим. 8:29); «Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе;

сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного». (1 Кор. 15:20, 42-44, 49); (Фил. 3:20-21; 1 Ин. 3:2). Конкретнее, свойства воскресшего тела будут следующие:

а) тело, внешне напоминающее тело этой жизни, несущее его черты, и потому узнаваемое (Лк. 16:19-31);

(б) тело, преображенное в небесное тело, приспособленное для нового неба и новой земли (1 Кор. 15:42-44, 47-48; Отк. 21:1);

(в) нетленное тело, неподвластное распаду, старению и смерти (1 Кор. 15:42);

(г) прославленное тело, подобное телу Христа (1 Кор. 15:43; Фил. 3:20-21);

(д) сильное тело, неподверженное болезням и слабости (1 Кор. 15:43);

(е) духовное (т.е. не природное, а сверхъестественное) тело, не ограниченное и не связанное законами природы (Лк. 24:31; Ин. 20:19; 1 Кор. 15:44);

(ж) тело, способное есть и пить (Лк. 14:15; 22:14-18, 30; 24:43).

Упорядочим немного наши представления, опираясь на то, каким было прославленное тело Христа. После Воскресения Он имел зримое тело (Ин 20:14, 20, Деян 10:40), которое могло ходить по земле (Лк 24:15), разговаривать (Лк 24:17), есть и пить (Лк 24:41-43, Деян 10,41), которое можно было потрогать (Мф 28:9, Лк 24:39). Но были у этого тела и другие свойства, которыми не обладает земное тело: когда ученики сидели в запертой горнице, Иисус неожиданно «стал посередине»; когда Клеопа с другом узнали Иисуса «Он стал невидим для них» (Лк 24:31). Судя по всему, тело могло менять облик, являться «в ином образе» (Мк 16:12), недаром Его не узнают ни жены мироносицы, ни ученики по дороге в Эммаус. То есть прославленное тело не имело тех ограничений, которое имеет тело плотское. Чтобы не повторяться, приведу здесь пару моих статей.

«Загадочные сорок дней

Как известно, после Своего Воскресения Христос еще сорок дней провел со Своими учениками. И эти дни полны загадок. Во-первых, несмотря на то, что Он воскрес во плоти, Его никто не узнал. Принимает Его за садовника Мария Магдалина и узнает только по голосу. Не узнают Его ученики на дороге в Эммаус и только по разговору понимают, кто был их попутчиком. Не узнает и апостол Петр, и только преломление хлеба подсказывает ему, кто сидит у костра. Как же так? Значит ли это, что облик Христа Воскресшего существенно отличался от облика Иисуса до смерти? Или дело в чем-то ином?..

Собственно, все они узнавали Христа дважды: первый раз они в Человеке узнали и признали Бога, а второй - уже знакомого им Бога в случайно встреченном Человеке... Загадка кроется и во фразе, которую говорит Иисус Марии Магдалине: "Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему". А что это значит? Почему нельзя к Нему прикасаться до Вознесения и как прикасаться после Вознесения? Значит ли это, что касаться надо не тела, но духа? Но мы сегодня и так не можем коснуться Его тела... Или под ним следует понимать материальные символы типа статуй, икон?.. А может - вот крамольная мысль! - речь идет о Церкви - Теле Христовом?..»

«Весенние тайны воскресшего Христа

Весна – время двух великих христианских праздников – Пасхи и Вознесения. Праздников, настолько привычных, что нам уже кажется, что мы понимаем, в чем их смысл. Нет, в самом общем смысле слово “воскресение” нам известно, но объяснить, как или хотя бы в какой форме это происходит... А ведь Символ веры требует от нас верить в “воскресение плоти и жизнь будущего века”.

Катехизис Католической Церкви утверждает, что в смерти – т. е. в разлучении души и тела, - плоть человека впадает в тление, в то время как душа идет навстречу Богу, а потом, после Страшного Суда Бог окончательно вернет нашим телам нетленную жизнь, соединив их с нашими душами.

На иконах всеобщее воскресение плоти изображается несколько устрашающе: из пасти львов вылезают съеденные ими люди, всплывают ожившие утопленники... Но мы – христиане здравомыслящие, в силу чего понимаем, что съеденные должны вылезать не из пасти, а в крайнем случае из экскрементов, а в каком виде должны всплывать утопленники и представить страшно.

Впрочем, даже воскресение в том состоянии, в котором человек встретил свой смертный час, тоже не всегда привлекательно – особенно для стариков, инвалидов, а многие и вполне здоровые – в первую очередь женщины – предпочли бы воскреснуть в более привлекательном виде.

И все же скорее всего речь идет о некой иной плоти. Все воскреснут в той плоти, которую теперь имеют, но это “уничужденное тело... будет сообразно славному телу Его” (Флп. 3, 21), восстанет “тело духовное” (1 Кор. 15, 44). Почитаем Библию.

Одно из первых событий, связанных с нашей темой – Преображение. “По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет” (Мт. 17, 1-2). Но это нам мало чем поможет. Хотя стоит запомнить, что при этом присутствовали Илия и Моисей.

Следующий таинственный момент – встреча Марии Магдалины и воскресшего Иисуса: Магдалина “обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус... Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему” (Ин. 20, 14-17). Здесь два интересных момента: во-первых, Магдалина не узнает Иисуса, а значит, Он все же изменился. Во-вторых, она почему-то не должна к Нему прикасаться – по крайней мере, пока.

Не узнают Иисуса и ученики по дороге в Эммаус: “когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус приблизившись пошел с ними; но их глаза были удержаны, так что они не узнали Его” (Лк. 24, 15-16).

Однако все апостолы вместе Иисуса узнали, но... “Сам Иисус стал посреди их и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа; но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это – Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда; и взяв ел пред ними” (Лк. 24, 36-43). Это, казалось бы, свидетельствует о том, что воскресшая плоть – самая настоящая, с костями, она может есть и пить.

Через восемь дней Иисус опять явился ученикам, среди которых был и Фома. Все опять Его узнали, а Фома даже вложил палец в Его раны. Почему Фома мог прикоснуться к Нему, а Магдалина – нет? И еще один вопрос: значит, после воскресения прижизненные раны сохраняются? Это как-то не радует...

Последний таинственный эпизод – встреча на берегу Тивериадского моря. Там присутствовали Петр, Фома, Нафанаил и другие ученики, которые уже не раз видели Иисуса и узнавали Его, но на этот раз они не столько узнали, сколько догадались, кто перед ними (Ин. 21, 1-12).

Надо признаться, что чтение Евангелий не прояснило ситуации. Воскресшая плоть то узнаваема, то нет, то к ней можно прикоснуться, то нет. Она может принимать пищу, у нее есть кости и следы ран. Катехизис Католической Церкви говорит, что это тело обладает новыми свойствами прославленной плот: Иисус уже не находится во власти пространства и времени, но может присутствовать, где, как и когда Он хочет, ибо Его человеческую природу больше нельзя удержать на земле. Но самое главное – она может попадать на небо. С Иисусом это произошло просто: “Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их” (Деян. 1, 9). Но, может быть, так случается только с Господом?

Согласно вере Католической Церкви, телесно была взята на небо и Дева Мария, хотя основания так считать скорее “вычислены” – прямых свидетельств этого нет. Но в Ветхом Завете есть еще один случай телесного взятия на небо. Речь идет об Илие: “вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих (с Елисеем), и понесся Илия в вихре на небо” (4 Ц. 2, 11).

Здесь есть интересный нюанс: и Дева Мария, и Илия были телесно взяты на небо до смерти, а Иисус воскрес после. Значит, нас касается, скорее, второй вариант. Что, впрочем, не облегчает понимания.

Конечно, можно попытаться просто верить, и у некоторых, наверное, даже получится. Но вопрос-то отнюдь не абстрактный – для каждого из нас, ведь это наше будущее. Как ни странно, некий путь размышлений можно обнаружить в верованиях экстрасенсов, утверждающих, что есть “тонкое тело”, которое по большинству параметров похоже на “прославленную плоть”, о которой мы говорим. Один существенный момент – тонкое тело есть у человека всегда, для его обретения нет необходимости умирать, надо просто как-нибудь преобразить уже имеющуюся плоть. А вот для этого и нужен Господь. И вера в Него.

И все же есть нечто обнадеживающее в наших поисках. Раз воскресшая плоть может есть – значит, она может совершать и другие физиологические действия? И если к ней можно прикоснуться, то рай уже не выглядит тоскливым и благобно-благочестивым. Так что, может быть, и ислам со своими райскими гуриями не так уж далек от истины.

В любом случае, у всех нас есть надежда. Осталось постараться ее реализовать. И вообще, после смерти все только начинается.

Приблизившись к пониманию, что такое «прославленное тело», можно чуть лучше осознать и один из моментов Пресуществления Святых Даров и причастия, а именно тот, в котором хлеб становится Телом Христовым (Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Иоанна 6:51): если прославленное тело может принимать

любой облик и не имеет пространственных ограничений, то это таинство приобретает некоторую разумную достоверность...»

Очень хотелось бы продолжить разговор о соотношении тела и души, но для этого надо сначала разобраться с тем, что такое душа.

Согласно Толковому словарю русского языка Д. Н. Ушакова, душа:

В религиозных и идеалистических представлениях — нематериальное начало жизни, иногда противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти тела человека.

В устаревшей психологической терминологии — совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека.

Внутренний, психический мир человека.

По современным представлениям понятие души восходит к анимистическим понятиям об особой силе, существующей в теле человека и животного, а иногда — и растения. Наблюдение за дыханием живого, которое после его смерти исчезало, способствовало возникновению древних представлений о душе, как о дыхании, происходящем извне. Соответствующие наблюдения над кровью и прекращении жизни при большой её потере привели к тому, что в крови видели носительницу души. Сновидения привели к представлению о душе как о субстанции, существующей независимо от тела.

В связи с тем, что душа понимается как субстанция, ей сначала приписываются свойства тончайшего вещества, находящегося в крови, как было у большинства досократиков в греческой философии. Той же точки зрения, но позднее, придерживался и Василий Великий.

По Платону, душа является бессмертной и нематериальной и предшествует существованию в физическом теле. До рождения человека душа созерцает идеи в нематериальном мире, а после того, как вселяется в тело, «забывает» их. Отсюда суждение Платона о том, что все знания — лишь воспоминание забытых идей, познанных душой до рождения.

Аристотель называет её первой энтелехией жизнеспособного тела; только разумная душа человека (дух) может быть отделена от тела и является бессмертной.

Для Палады и Клагеса душа является носительницей ритмично протекающих непрерывных жизненных процессов, в то время как сознание, в противоположность душе, «прерывно».

Г. В. Лейбниц считал что мы осознаем лишь немного из того что переживает душа.

В Талмуде душа описывается как независимая от тела сущность, как та часть человека, которая непосредственно создана Богом. По своей природе душа непорочна, а злое в человеке объясняется тем, что наряду с благим началом, которое стремится к добру (*иецер ха-тов*), в человеке присутствует и отрицательное начало — склонное ко злу (*иецер ха-ра*); подобно тому, как Бог наполняет Вселенную, но остается невидим, так и душа наполняет тело человека, сама оставаясь невидима.

Иудеи времён Второго Храма расходились в понимании сути души. Фарисеи считали, что душа бессмертна и может существовать вне тела до воскресения из мёртвых. Саддукеи же считали, что душа умирает вместе с телом.

В каббале душа мыслится как духовная сущность, берущая начало в высшем разуме или мировой душе. Нисхождение души в тело определяется её природой: ей надлежит соединиться с телом, чтобы, выполнив своё назначение в земной жизни, вернуться к миру чистого света — Богу. Душа включена в замысел творения, и поэтому является бессмертной. Тело же, посредством которого душа функционирует в мире, лишь однажды раскрывается в мире на период осуществления своей функции, в соответствии с программой, называемой — судьба. Затем происходит смена тел и наступает новый цикл совершенствования функции творения посредством души. (Лави К. «Древо Познания»)

Для большинства христианских конфессий характерно представление о душе как о сотворённой Богом бессмертной нематериальной сущности человека, носителя разума, чувств и воли (т. н. троичность души), составной неотъемлемой частью которой у человека является бессмертный дух. После смерти тела человека душа, согласно этим представлениям, продолжает полностью сознательное существование, и её дальнейшая судьба определяется Богом на суде (сначала предварительном, затем Страшном), и дальнейшим местом пребывания души является либо рай, либо ад. Римско-католическая церковь, кроме этого, имеет учение о чистилище.

Согласно пониманию некоторых христианских писателей (например, Тертуллиана), душа материальна (трактат *De anima*), другие же — Отцы Церкви, (например, Августин) считают её духовной, как и в классической патристике преобладает понимание души как непространственной, нематериальной субстанции.

Григорий Нисский уподоблял душу зеркалу, в котором, если оно чисто, отражается образ Божий, или глазу, который, если он не замутнён, способен узреть божественную красоту.

В 1901 году американский врач Дункан Макдугалл поставил серию экспериментов по «прямому взвешиванию души» в соответствии с научной методологией своего времени. Макдугалл использовал напольные рычажные весы, позволявшие взвешивать грузы от одной унции (28,35 г) до 250 фунтов (113,4 кг). Врач выполнил 6 измерений души умирающих людей с их согласия. В пяти измерениях он обнаружил посмертную потерю веса в диапазоне от 15 до 35 г. Один раз ему не удалось точно зафиксировать момент смерти и эксперимент был отбракован. Результаты своих экспериментов Макдугалл опубликовал только через 6 лет. При этом Макдугалл подчеркнул, что для научной оценки его выводов нужны новые точные эксперименты в большом количестве. Однако новых научных экспериментов в этой области опубликовано не было.

Теперь почитаем Библию:

(Быт 2:7) «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.» (Отметим попутно, что вдунуть можно только то, что есть у тебя внутри, то есть у Бога есть душа...)

Так что же такое душа? Это то, что дает телу жизнь. Без души тело мертво. Где находится душа, жизнь тела, жизнь плоти? (Левит 17:11, 13-14) «потому что душа тела в крови... Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен

дать вытечь крови ее и покрыть ее землею, ибо душа всякого тела [есть] кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его.»

На самом деле, душою обладают не только люди. У животных тоже есть душа, которая, опять же, находится в крови. Хотя это и понятно из вышеприведенного отрывка из книги Левит, давайте обратимся к книге Бытия 1:20-21, 29-30: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что [это] хорошо.»

“И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; --вам [сие] будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу. И стало так.”

Стало быть, не только человек, но также и животные имеют душу. Это не удивительно, если понимать, что душа – это то, что дает телу жизнь. Правда, не очень понятно, как быть, например, с насекомыми, которые живы, но крови у них нет...

Но важнее другое: мы снова соприкасаемся с таинством евхаристии, Пресуществления Святых Даров: хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа, а в крови находится душа. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13) – это Иисус говорит о Себе: пролив Свою кровь, Он отдал душу Свою... Еще немного понятней стало это таинство...

Вот теперь можно попробовать разобраться во взаимосвязи души и тела.

Соотношение тела и души интерпретируется либо дуалистически, когда они составляют две принципиально различные субстанции, либо монистически, когда они составляют два разных способа существования и проявления одной субстанции, которая может быть понята спиритуалистически (тело тождественно душе) или материалистически (душа—функция тела).

Античная философия подчеркивала решающее значение души как начала, вдохновляющего тело и приводящего его в движение.

Фалес приписывал душу даже неодушевленным телам.

Согласно Платону, душа бессмертна, поддерживает и несет на себе природу всякого тела, являясь причиной и носительницей жизни. Душа состоит из трех частей: разумной, страстной и воделительной, причем каждая из них сопрягается с определенной частью тела.

Стоики называли тело темницей души, в которой выделяли восемь частей — пять чувств, речь, мысль и порождающую часть. Душа телесна.

Существование эфирного тела допускали Порфирий, Ямвлих, Сириан, Присциан.

Тело и душа, согласно схоластам, составляют единство, где душа форма тела, а тело оживотворяется благодаря тому, что душа является самостоятельной субстанцией.

Ряд схоластов допускали существование интеллигибельного тела, созданного душой. Эта идея была воспринята и продолжена мыслителями Возрождения, которые, возрождая магию, говорили о возможности существования астрального

тела, незримого тела, духовного тела.

Таким образом, тело не обязательно материально, но в любой форме оно обязательно является оболочкой Я.

Ну и наконец о духе. Тут путаницы уже совсем много.

Дух (философия) — философское понятие, часто отождествляемое с невещественным началом. Определение соотношения духа и материи зачастую считается основным вопросом философии.

Дух — в религиозном мировоззрении изначальная движущая сила, присущая всему живому, а в некоторых культурах и неживому.

Каковы различия между душой и духом человека?

“Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь.” (Иоанна 6:63)

“Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои;” (Откровение 11:11)

То есть душа – то, что делает тело живым, а дух – то, что эту душу “помещает” в тело, душа есть как бы производное от духа...

Слово «дух» относится исключительно к нематериальной части человека. Люди имеют дух, но они не являются духами.

««Душа» и «дух» одинаковы в том, как они используются в духовной жизни верующего. Но они различаются в своем направлении. «Душа» – это горизонтальная связь человека с миром. «Дух» является его вертикальной связью с Богом.» Но это чисто религиозное определение: подразумевается ли, что у неверующего человека нет духа?

Мне кажется, что неверующих людей не существует: все верят во что-то (мировую душу, космический разум) или в кого-то (Иисуса, Будду, Аллаха) или в то, что ничего этого нет...

Баха́и (бахаизм, бехаизм) — монотеистическая религия. Её основатель Бахаулла (1817—1892) почитается как последний в ряду «явлений Бога», который, помимо Бахауллы, включает Авраама, Моисея, Будду, Заратустру, Кришну, Иисуса Христа, Мухаммеда, Баба.

Учение бахаи основано на учениях Баба и Мирзы Хусейн Али (назвавшегося Бахауллой). Главные темы: единство Бога, единство религий и единство человечества. Напоминая об аналогичных учениях прежних явлений Бога, Бахаулла заявляет, что существует только одна религия — «неизменная вера Божия, вечная в прошлом, вечная в грядущем».

В различных вариантах притчи группа слепых людей (или людей, находящихся в темноте) трогает слона, чтобы понять, что он собой представляет. Каждый из них трогает разные части его тела, но при этом только какую-то одну из них, например, бок, хобот или бивень. Затем они описывают свои впечатления от прикосновений друг другу и начинают спор, поскольку каждый описывает слона по-разному, при этом на самом деле ни одно из описаний не является верным.

Но пороемся еще немного в Библии. И сделаем это при помощи размышлений одного священника.

«Дух, душа, тело: кто умер в день грехопадения Адама и Евы?

Прежде, чем мы приступим к вопросу о духе, души и тела, нам следует обратиться к первой книге Библии – Бытию. Там говорится, что после того, как Бог сотворил человека, Он наложил на него ограничение, ясно обозначив наказание на случай, если данное ограничение будет нарушено:

Бытие

2:16-17

«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день (обратите внимание: в тот самый день), в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.»

Но Адам и Ева ели с дерева познания добра и зла. Сделав это, согласно сказанному Господом, они должны были в тот же момент умереть. Но проблема в том, что Бытие 5:4-5

говорит:

«Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер.»

Таким образом, согласно Библии, Адам продолжал жить в своем теле еще много-много лет после того, как поел с дерева познания добра и зла. На первый взгляд, тут возникает противоречие в том, что же в конце концов случилось в тот самый день, когда Адам и Ева поели с дерева? Умерли они, как сказал Бог, или все-таки нет?

В нашем случае, исходя из того, что Бог не может лгать (Числа 23:19), Адам и Ева действительно умерли в тот день, когда поели с дерева. На самом деле, это дьявол (а не Бог) сказал, обманывая Еву: «нет, не умрете». Значит, если они не умерли в тот день, как сказал Бог, тогда дьявол оказался прав, а Господь – неправ, что просто-напросто невозможно. Однако, поскольку они продолжили жить в своих телах даже после того, как поели с дерева познания добра и зла, очевидно, что в них должна была присутствовать иная форма жизни, кроме жизни их тел, и которая была утрачена в тот день, когда они поели, и поэтому это и была смерть (отсутствие формы жизни). Итак, нам надо поискать в Библии, как был сотворен человек, и из каких частей состояла его сущность. Знание того, что составляло жизнь первого человека, даст нам возможность понять, что он утратил в тот день.

Господь создал тело человека из праха земного, дал этому телу жизнь, то есть, душу. То же самое у животных. У них также есть тело и душа. Таким образом, можно сделать вывод: очевидно, что Адам, прожив 930 лет, хотя он ел с дерева познания добра и зла, очевидно, не утратил ни тела, ни души. А поскольку что-то должно было умереть для Адама в тот день, у него первоначально была по крайней мере еще одна составляющая, которая умерла, была утрачена, когда он поел. Итак, давайте продолжим искать в Библии информацию по этому поводу.

Для продолжения нашего исследования обратимся к книге Бытия 1:26-27. Там говорится:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.»

Читая вышеприведенный отрывок, мы должны задать себе вопрос: а что такое образ Божий? На что это похоже? Евангелие от Иоанна 4:24 говорит:

«Бог есть дух»

Бог – это не плоть, Он – Дух. Это - Его образ. Таким образом, когда Слово Божье говорит, что Господь создал человека по образу Своему, это значит, что кроме тела и души человек получил нечто, что есть образ Божий, то есть, дух. Чтобы лучше понять значение фразы «по образу Своему» в этом ключевом отрывке, давайте посмотрим, где она еще употребляется:

Бытие 5:1-3

“Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божью создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их. Адам жил сто тридцать лет и родил [сына] по подобию своему по образу своему, и нарек ему имя: Сиф.”

В этом отрывке говорится, что Адам родил сына «по подобию своему по образу своему». Что это значит? Что сын был таким же, как Адам, то есть, у Сифа, как и у Адама, были руки, ноги и так далее. Так же, как и Адам, Сиф обладал телом и душой. Точно так же, когда Слово Божье говорит, что Бог сотворил человека «по образу Своему», «по подобию Божью», это значит, что Адам был таким же, как Бог. Бог – не плоть. У него нет рук, ног, головы. Он – дух. Так, если Господь – дух, то и Адам – дух. Кто-то может спросить, зачем Господь дал Адаму, кроме тела и души, еще и дух? Причина проста: не имея духа, Адам не смог бы общаться с Богом, Который есть дух. Будучи духом, Господь не может общаться с телом и душой. Это разные вещи. Вы ведь не можете получать сигналы радиостанции, если у вас нет радиоприемника. У вас может быть стиральная машина. Но ее наличие не дает вам возможности получать сигналы радиостанции. Вам обязательно нужен радиоприемник. Точно так же Бог – это дух, и чтобы общаться с Ним, у вас должен быть дух. Тела и души достаточно для вещей, воспринимаемых пятью органами чувств. Но когда дело доходит до того, что имеет отношение к Богу, вам нужен дух. Эта истина содержится также в 1-м послании Коринфянам 2:14:

«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем [надобно] судить духовно.»

В данном отрывке слово, переведенное как «душевный», – это греческое прилагательное «ψυχικός» (психикос), образованное от существительного «ψυχή» (психи), что означает душа. Итак, «психикос» – это «душевный человек», то есть человек, обладающий только душой и телом. Согласно этому отрывку, человек, который состоит только из тела и души, «не принимает того, что от Духа Божия». Как уже было сказано, чтобы «принимать то, что от Духа Божия», чтобы общаться с Господом, вам нужен подходящий приемник – дух. Вот почему в этом отрывке говорится: «и не может разуметь, потому что о сем [надобно] судить духовно.» Человек только души и тела не может разуметь Божьи вещи по той простой причине, что такие вещи имеют дело с духом, а поскольку ему не хватает духа, он не может их разуметь. Суммируя все сказанное, у Адама было тело, созданное из праха земного, душа, которая дает телу жизнь, и дух, чтобы общаться с Богом. Он был телом, душой и духом. Установив это, несложно понять, что произошло в тот день, когда Адам и Ева поели с дерева познания добра и зла. Господь сказал им, что в день, когда поедят, они обязательно смертью умрут. Имея в виду, что смерть значит отсутствие формы жизни, теперь мы понимаем, что умерло в тот день. Адам был телом, душой и духом, и тело его умерло много лет спустя после того дня когда он

поел. Поскольку душа – это то, что дает телу возможность жить, Адам обладал душой и телом и после того, как поел с дерева. С другой стороны, поскольку Бог всегда точен в том, что говорит, что-то должно было умереть. Так как Адам был телом, душой и духом перед тем, как поел, и так как у него остались тело и душа после этого, в тот день он утратил дух, данный ему Господом. У него остались душа и тело, но не осталось духа. Дух покинул его, и эта была смерть для него, потому что дух, форма жизни, бывшая с ним перед тем, как он поел, исчезла. Именно этот дух, утраченный тогда, был восстановлен в день Пятидесятницы, когда сошел Дух Святой.»

Это очень интересное рассуждение, и все было бы хорошо, если бы не пара заковык... Во-первых, Бог – не только Дух: в разных Его ипостасях есть и другие элементы, у Христа есть тело, у Творца есть душа, а Дух Святой – вообще отдельная ипостась. В триединном Боге присутствуют все три составляющие человека – и в этом, по-моему, смысл сотворения «по образу и подобию».

Во-вторых, смертность духа как-то все окончательно запутывает: жизнь есть душа, чтобы дух умер, его должна покинуть душа... Оставим это, потому что есть и еще одна заковыка: если дух, который есть возможность общаться с Богом, покинул людей, то как они все-таки общались с Ним до Пятидесятницы? Ведь весь Ветхий завет полон рассказов именно об общении между Богом и людьми...

Я предлагаю базироваться все же на этом утверждении: «Душа» – это горизонтальная связь человека с миром. «Дух» является его вертикальной связью с Богом.»

А теперь вернемся к началу и прислушаемся к себе... К своему телу, к своей душе, к своему духу... Потому что это очень важно – понимать себя, если мы хотим куда-то прийти, к чему-то быть готовы. Но об этом – в следующий раз.

Глава 6. Путь

Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно. Идти. Оноре де Бальзак

Ну, что ж, пора наконец приблизиться к основной нашей теме... В самой первой главе мы говорили о пути и о дороге. И жизненный путь можно назвать и ожиданием. Это на первый взгляд странно – «путь» понятие в своей основе активное, предполагающее движение, а «ожидание» - пассивное, стояние на месте. Но любая хозяйка, ожидающая гостей, с этим категорически не согласится!

В течение всей жизни мы чего-то ждём, будь то событие или вещь, или человек, или смерть.

И тогда самое время вернуться к «В ожидании Годо». Еще и потому, что двое из его героев – в ожидании и двое – в пути, хотя разница оказывается невелика...

Но кто такой Годо?

Можно предположить, что Годо — ослабленная форма от God. Высказывалось предположение, что название пьесы «В ожидании Годо» вызывает аллюзию с книгой Симоны Вайль «В ожидании Бога». Имя Годо породило ещё более неясную литературную ассоциацию: это имя персонажа пьесы Бальзака «Делец», более известной под названием «Меркаде».

Меркаде — биржевой спекулянт, приписывающий все свои финансовые неудачи бывшему партнёру Годо, который много лет назад присвоил себе их общий капитал: «Я несу бремя преступления Годо».

С другой стороны, Меркаде постоянно заявляет кредиторам, что Годо вернётся. «И что греха таить... Годо, что ни говори, принес мне барыша больше, чем украл». Сюжет «Меркаде» построен на последней спекуляции отчаявшегося Меркаде — появлении лже-Годо. Но обман раскрывается. Кажется, что Меркаде погиб окончательно. В этот момент из Индии с огромным капиталом возвращается настоящий Годо. Пьеса заканчивается восклицанием Меркаде: «Я столько раз показывал всем Годо, что имею право сам на него посмотреть! Едем к Годо».

И в пьесе Беккета, и в пьесе Бальзака прибытие Годо — страстно ожидаемое событие, которое должно чудесным образом спасти положение.

Но чего ждут от Годо Владимир и Эстрагон? По идее, страстно ожидаемое событие должно принести что-то важное: что же является важным для героев пьесы?

Э. – Ты меня испугал.

В. – Я подумал, что это он.

Э. – Кто?

В. – Годо. Я могу поклясться, что слышал крики.

Э. – Зачем ему кричать?

В. – На лошадь. Пойдем.

В. – Куда? (Пауза.) Может, этим вечером мы будем спать у него, где тепло и сухо, с полным желудком, на соломе. Это стоит ожидания. Не так ли?

Кто такие Владимир и Эстрагон? Какие они?

Владимир более практичен, Эстрагон же претендует на роль поэта.

Эстрагон говорит, что чем больше он ест моркови, тем меньше она ему по вкусу.

Реакция Владимира противоположна: ему нравится всё привычное.

Эстрагон ветреник, Владимир постоянен.

Эстрагон — мечтатель, Владимир не может слышать о мечтах.

У Владимира зловонное дыхание, у Эстрагона воняют ноги.

Владимир помнит прошлое, Эстрагон мгновенно всё забывает.

Эстрагон любит рассказывать весёлые истории, Владимира они выводят из себя.

Владимир надеется, что Годо придёт, и их жизнь изменится. Эстрагон к этому относится скептически и иногда забывает имя Годо.

Они разные, но их объединяет ожидание.

Владимир-Диди мне кажется более симпатичным – по крайней мере, он умеет думать и хотя бы что-то читал – Евангелие и комментарии к нему (Когда Беккета спрашивали, какова тема «В ожидании Годо», он иногда цитировал Блаженного Августина: «У Августина есть замечательное высказывание. Я хотел бы процитировать его на латыни. На латыни звучит лучше, чем по-английски: «Не теряйте надежды. Один из разбойников был спасён. Не принимайте в расчёт, что другой был осуждён на вечные муки». Через всю пьесу проходит тема двух разбойников, распятых на кресте. Владимир говорит об этом в начале: «Двое разбойников... Говорят, один был спасен... другой... осуждён на вечные муки... И почему из четырёх евангелистов только один упоминает о спасённом разбойнике?»). «Не будем тратить время на пустые разговоры. (Пауза. С чувством.) Сделаем что-

нибудь, раз представляется случай. Не каждый день мы бываем нужны кому-то. Конечно, не мы именно нужны кому-то. Другие смогли бы сделать так же, а то и лучше. Призыв, что мы слышали, он скорее адресован всему человечеству. Но на этом месте, в этот момент, человечество – это мы, нравится нам это или нет. Воспользуемся этим, пока не стало слишком поздно. Дстойно представим те отбросы общества, с которыми сравняла нас беда. Но суть не в этом. Что мы здесь делаем, вот о чем мы должны себя спросить. Нам повезло, что мы знаем. Да, во всем этом ужасном хаосе ясно одно: мы ждем, когда придет Годо.”

Владимир заботиться о Гого, у него всегда находится в кармане морковка или репка для собрата по ожиданию, он спешит на помощь ослепшему Поццо.

У него есть некие нравственные нормы – он возмущается обращением Поццо с Лакки («В. – (внезапно) Какой позор! (Молчание. Владимир постепенно смущается.)

П. – Вы имеете в виду нечто определенное?

В. – (упорно мямлит) Обращаться так с человеком (показывает на Лакки) ...я нахожу это... с человеческим существом... нет... это позор!”).

Он воспитан (“Э. – Э-э-э... вы больше не будете... э-э-э... вам больше не нужны... кости... сударь?

В. – (возмущенно) Не мог подождать?)

А жизнь? Есть ли у него какая-то жизнь вне этого ожидания?

“В. – Я всю жизнь сопротивлялся этой мысли, говорил себе: Владимир, будь умницей, еще не все потеряно – и снова рвался в бой. С другой стороны, теперь уже поздно отчаиваться, вот что я тебе говорю. Раньше нужно было думать, году в 1900-м. Взявшись за руки, мы бы с тобой бросились вниз с Эйфелевой башни. Тогда мы были хороши. Теперь слишком поздно. Нас даже не пустили бы наверх.”

Владимир, вроде бы, знает что-то о Годо, о пути, который приводит к нему, об отношениях с ним, но все эти знания – вялые до такой степени, что становятся бессмысленными.

Э. – А что мы у него просили?

В. – Тебя там не было?

Э. – Я не обратил внимания.

В. – Ну... Ничего особенного.

Э. – Что-то вымаливали.

В. – Вот-вот.

Э. – Что-то выпрашивали.

В. – Пожалуй.

Э. – И что он ответил?

В. – Что посмотрит.

Э. – Что он не может ничего обещать.

В. – Что ему нужно подумать.

Э. – На свежую голову.

В. – Посоветоваться с семьей.

Э. – С друзьями.

В. – С агентами.

Э. – С корреспондентами.

В. – С бухгалтерскими книгами.

Э. – С банковскими счетами.

В. – Прежде чем решить.

Э. – (взволнованно) А мы?

В. – Что?

Э. – Я говорю, а мы?

В. – Не понимаю.

Э. – Какую роль мы в этом играем?

В. – Роль? Роль просителей.

Э. – Ах так.

В. – Сударю что-то не нравится?

Э. – У нас больше нет прав? Мы их потеряли?

В. – (Четко.) Мы их разбазарили.

Но можно ли назвать их отношение к Годо верой?..

В. – А что если нам раскаяться?

Э. – В чём?

В. – Ну... (ищет что сказать) – Мы могли бы не уточнять.

Э. – В том, что родились?

В. – Ты читал Библию?

Э. – Библию... (Размышляет.) – Наверное, когда-то заглядывал.

В. – (удивлённый) – В школе и без Бога? Ты что-то путаешь.

Э. – Возможно. Мне помнятся карты Святой Земли. Цветные. Очень красивые. Мёртвое море было бледно-голубым. Лишь только взглянув на него, я чувствовал жажду. Я говорил себе: «Мы поедem туда на наш медовый месяц. Мы будем плавать. Мы будем счастливы».

...

Э. – Пойдём.

В. – Мы не можем. Мы ждём Годо.

Э. – Ах да. (Пауза.) Ты уверен, что это здесь Нужно ждать.

В. – Он сказал, около дерева. (Они смотрят на дерево.) Ты видишь другие деревья? (меняется) Что ты хочешь этим сказать? Что мы ошиблись местом?

Э. – Он должен уже быть здесь.

В. – Он не сказал, что обязательно придет.

Э. – А если он не придет?

В. – Мы вернемся сюда завтра.

Э. – И послезавтра.

В. – Возможно.

Э. – И так далее. Пока он не придет.

В. – Ты безжалостен.

Э. – А ты уверен, что сегодня вечером?

В. – Что?

Э. – Нужно было ждать.

В. – Он сказал, в субботу. (Пауза.) Кажется.

Э. – После работы.

В. – Я где-то это записал. (Он ищет в карманах, битком набитых всяческим мусором.)

Э. – В какую субботу? И суббота ли сегодня? А может быть, воскресенье. Или

понедельник. Или пятница.

В. – (Нервно оглядываясь вокруг, как если бы дата была написана на земле.) Это невозможно.

Э. – Или четверг.

В. – Что же делать?

Э. – Если он все же приходил и не застал нас вчера вечером, так сегодня уж точно не придет.

В. – Но ты говоришь, что мы вчера здесь были.

Э. – Может, я ошибаюсь.

В. – Тогда, что нам делать?

Э. – Ничего. Так безопаснее.

В. – Подождем, что он нам скажет.

Э. – Кто?

В. – Годо. Подождем, пока не определится наша судьба. Мне интересно, что он нам скажет. Это нас ни к чему не обязывает.

Э. – Мы не связаны? Я спрашиваю, не связаны ли мы?

В. – Как это – связаны?

В. – С Годо? Что за идея? Ни в жизни! (Пауза.) Нет... еще.

Э. – Его звать Годо?

В. – Кажется, да.

Именно с Владимиром разговаривает мальчик, посланный Годо. Показательны и вопросы, которые он ему задает:

Голос из-за кулисы. – Сударь!

В. – Подойди сюда, мальчик.

Входит мальчик, опасливо. Останавливается.

Мальчик – Господин Альберт?

В. – Это я. Поди сюда.

Мальчик опасливо подходит, останавливается.

В. – Ты с посланием от господина Годо?

М. – Да, сударь.

В. – Ну так говори. Ты здешний?

М. – Да, сударь.

В. – Так что?

М. – (выпаливает) Господин Годо сказал мне передать вам, что он не придёт сегодня, но обязательно придет завтра.

В. – Ты работаешь у господина Годо?

М. – Да, сударь.

В. – Чем ты занимаешься?

М. – Хожу за козами.

В. – Он добр с тобой?

М. – Да, сударь.

В. – Он тебя не бьёт?

М. – Нет, сударь, не меня.

В. – А кого он бьёт?

М. – Он бьёт моего брата, сударь.

В. – Чем он занимается?

М. – Ходит за овечками, сударь.

В. – А почему он тебя не бьет?

М. – Не знаю, сударь.

В. – Он тебя хорошо кормит? (Мальчик колеблется.) Он тебя кормит хорошо?

М. – Вполне хорошо, сударь.

В. – Ты счастлив? (Мальчик колеблется.) Ты слышишь?

М. – Не знаю, сударь.

В. – Ты не знаешь, счастлив ли ты или нет?

М. – Нет, сударь.

В. – Совсем как я. (Пауза.) Где ты спишь?

М. – В сарае, сударь.

В. – С братом?

М. – Да, сударь.

В. – На сене?

М. – Да, сударь.

Пауза.

В. – Хорошо, иди.

М. – Что мне сказать господину Годо, сударь?

В. – Скажи ему... (Колеблется.) Скажи ему, что ты нас видел. Ведь ты нас видел, не так ли?

М. – Да, сударь. (Отходит, колеблется, поворачивается и убегает.)

И при этом Диди готов тут же отречься от Годо, хотя и не так категорично, как Гого:

«П. – Кто такой Годо? Вы приняли меня за Годо. Кто он?

В. – Э-э-э, это... знакомый.

Э. – Да нет же, мы его почти не знаем.

В. – Конечно... мы его не очень хорошо знаем... но все-таки...

Э. – Я бы не узнал его, если бы встретил на улице.

П. – Вы приняли меня за него.

Э. – Дело в том, что... темнота... усталость... слабость... ожидание... признаю... показалось... на мгновение...

П. – Ожидание? Так вы его ждали? Здесь? На моей земле?

В. – Мы не задумывали ничего плохого.

Э. – У нас были добрые намерения.”

Любопытна и реакция Владимира, когда приятели думают, что пришел Годо:

“В. – (торжествующе) Это Годо! Наконец! (Он крепко обнимает Эстрагона.) Годо! Это Годо! Мы спасены! Пойдем ему навстречу! Идем! (Тащит Эстрагона к кулисе. Эстрагон сопротивляется, вырывается и выбегает в другую сторону.) Гого! Вернись!

Э. – Будь я проклят!

В. – Действительно, мы в ловушке. Как мыши в мышеловке. Мы окружены! (Испуганный Эстрагон бежит к заднику, запутывается в нем, падает.) Идиот! Там нет прохода. (Владимир показывает на публику.) Здесь никого нет. Беги здесь. Давай. (Толкает его к краю сцены. Эстрагон отходит, испуганный.) Не хочешь? (Думает.) Ты можешь только спрятаться.

Э. – Где?

В. – За деревом. (Эстрагон колеблется.) Быстрей! За деревом. (Эстрагон бежит и прячется за дерево, которое на деле его почти не скрывает.) Не двигайся! Это дерево нам решительно не поможет. (Эстрагону.) Ты сошел с ума?

Э. – Я потерял голову. (Стыдливо опускает голову.) Прошу прощения. (Гордо поднимает голову.) Все кончено! Сейчас ты увидишь. Скажи мне, что делать?

В. – Ничего.

Э. – Ты встанешь здесь. Спина к спине, как в старые добрые времена! (Они еще некоторое время смотрят друг на друга, затем начинают ждать. Долгое молчание.)”

Любопытный момент: Мальчик называет Владимира Альбертом, и тот отзывается на это имя. Первая часть имени Владимир происходит, от *владъ* «власть»; вторая родственна готскому *Mērs* «великий», «знаменитый». Имя Альберт в переводе с древнегерманского языка означает «благородный блеск». Возможно, что это имя произошло от латинского слова «белый». В обоих именах есть нечто общее – претензии Владимира...

Владимир думает, но его мысли бесплодны. Верит, но не знает, во что. Ждет, но готов защищаться от ожидаемого. И больше всего озабочен ночлегом на сеновале и миской еды... Он очень напоминает кого-то из русских философов, только вот не помню кого... А может быть, всех вместе.

Эстрагон-Гого симпатичен мне гораздо меньше. Он необразован, примитивен, своих мыслей у него немного а в словах Диди он сомневается (что мы уже видели в приведенных выше отрывках) и даже подсмеивается над ними (В. – Пусть настанет ночь. (Пауза.) У нас назначена встреча, этим все сказано. Мы не святые, но у нас назначена встреча. Сколько людей может вам ответить так же?

Э. – Тысячи.).

Он вечно голоден, но питается подачками Диди и Поццо («Поццо с аппетитом ест курицу, а кости, обсосав, бросает.

Э. – (неуверенно) Сударь... Э-э-э... вы больше не будете... э-э-э... вам больше не нужны... кости... сударь?

П. – Нужны ли мне кости? (Ворочает их кнутом.) Нет, мне лично не нужны. (Эстрагон делает шаг к костям.) Но... (Эстрагон останавливается.) В принципе, кости возвращаются носильщику. Следовательно, надо спросить у него. Спросите, спросите, не бойтесь, он вам скажет.

Эстрагон подходит к Лакки, останавливается перед ним.

Э. – Сударь... простите, сударь... Простите, сударь, вы будете кости?

П. – (Лакки опускает голову.) Отвечай! Ты их будешь есть или нет? (Молчание Лакки. Эстрагону.) Они ваши. (Эстрагон бросается к костям, собирает и начинает их грызть.)

В. – (внезапно) Какой позор!

Э. – (не желая оставаться в стороне) Какой скандал! (Снова начинает грызть.)

Эстрагон практически ничего не знает о Годо, не знает и чего от него ждать. Но в чем-то его вера истинней, чем Владимира:

“Э. – Ты думаешь, что Господь меня видит?

В. – Нужно закрыть глаза.

Эстрагон закрывает глаза, шатается еще сильнее.

Э. – (останавливаясь, бешено размахивая кулаками.) Господи, сжался надо мной!

В. – (обиженно) А я?

Э. – Надо мной! Надо мной! Сжался! Надо мной!"

Он, по крайней мере, понимает, что нуждается в прощении, что его жизнь не идеальна, что за это придется отвечать, и поэтому боится прихода Годо. Но если все так, зачем он ждет Годо? (правда, регулярно он пытается уйти, но всегда возвращается). Владимир не без самодовольства говорит об их ожидании и готов допустить, что это вошло у них в привычку. *«Конечно, время тянется бесконечно... и мы вынуждены коротать часы... на первый взгляд, это может показаться приемлемым, пока не войдет в привычку. Можно считать, это не даёт нам выпасть в осадок. Несомненно. Но ведь так недолго и заблудиться в кромешной тьме бездны?»* В эссе о Прусте мы вновь встречаемся с комментарием Беккета этого аспекта «В ожидании Годо»: «Привычка — балласт, подобный возвращению пса к своей блевотине. Дышать — привычка. Жить — привычка... ».

"Э. – Когда знаешь заранее.

В. – Можешь ждать.

Э. – Знаешь, что ждешь.

В. – Не о чем беспокоиться.

Э. – Надо только ждать.

В. – Мы к этому привычны."

Владимир и Эстрагон называют друг друга Диди и Гого. Но когда мальчик, посланник Годо, спрашивает их, как к ним обращаться, Эстрагон, не задумываясь, говорит, что его зовут Катулл. Катулл – знаменитый римский поэт. На экзамене по латыни я слышала чудесный ответ студента, которому достался вопрос о творчестве Катулла: «Сначала он любил Лесбию и писал: «О, моя Лесбия!», а потом она ему изменила, и он стал писать: «Что ж ты, моя Лесбия...» Ответ достаточно точный и дает представление о глубине мыслей этого поэта.

В основе имени «Катулл» лежат корни слов «битва» и «щенок». А эстрагон – тархун, пряная трава с резким запахом. Хотя Гого больше напоминает мне не Катулла, а Есенина – вот уж не знаю, почему...

Владимир и Эстрагон непрерывно разговаривают. Почему? Они объясняют это, и, возможно, это самый лиричный и совершенный диалог пьесы:

Э. – Мы всегда что-нибудь придумываем, а Диди, чтобы сделать вид, что мы живем.

В. – (нетерпеливо) Да, да. Мы волшебники. Мы не даем сбить себя с толку.)

В. - Ты прав, мы неистоцимы.

Э. - Чтобы нам не думать.

В. - Это наше оправдание.

Э. - Чтобы не слышать.

В. - На то у нас есть причины.

Э. - Все эти мёртвые голоса.

В. - Они похожи на шорох крыльев.

Э. - Листьев.

В. - Песка.

Э. - Листьев. (Пауза.)

В. - Они говорят все разом.
Э. - Каждый говорит себе. (Пауза.)
В. - Они как будто шепчут.
Э. - Скорее шуршат.
В. - Нет, шепчут.
Э. - Шуршат. (Пауза.)
В. - О чём они говорят?
Э. - Рассказывают о своей жизни.
В. - Им мало, что они жили.
Э. - Они об этом и говорят.
В. - Им мало и того, что они умерли.
Э. - Мало. (Пауза.)
В. - Их разговор похож на шорох перьев.
Э. - Листьев.
В. - Пепла.
Э. - Листьев. (Долгая пауза.)"

Конечно же, эти шуршащие, шепчущие голоса прошлого исследуют тайны бытия и своей личности с максимальной степенью мук и страданий. Владимир и Эстрагон стараются их не слышать. Длительное молчание, следующее за этим диалогом, прерывает Владимир страдальческим криком: «Скажи же что-нибудь!», — после чего они снова начинают ждать Годо.

В обоих актах Владимир и Эстрагон пытаются покончить самоубийством, и оба раза терпят неудачу. Характерно предположение, что наилучший выход из ситуации бродяг, — и они это высказывают, — предпочесть самоубийство ожиданию Годо. Покончить с собой — их излюбленное решение, невыполнимое из-за их некомпетентности и отсутствия орудий самоубийства.

Но поговорим о Лакки и Поццо. Они вроде бы не ждут, для них характерно не ожидание, а путь. Поццо и Лакки также дополняют друг друга, но их отношения более примитивны: Поццо — садист-господин, Лакки — послушный раб. В первом акте Поццо богат, могуществен и самоуверен: это практичный поверхностный человек с близоруким оптимизмом, иллюзорным ощущением силы и прочности положения. Лакки не только тащит тяжёлый багаж и хлыст, которым его бьёт Поццо, он ещё танцует и думает за него, во всяком случае, вначале. Фактически Лакки учил Поццо высшим ценностям жизни: «красоте, изяществу, истине».

И во втором акте они столь же связаны друг с другом. Поццо ослеп, Лакки потерял дар речи. Поцци заставляет Лакки бесцельно вести его дальше. В первом акте Поццо идёт продавать Лакки «на ярмарку». Во французской версии, однако, указывается, что он направляется на «marche de Saint-Sauveur» — рынок Христа Спасителя, — где он и приобрёл Лакки. Когда на следующий день Поццо и Лакки возвращаются, о ярмарке нет и речи. Поццо не смог продать Лакки.

Лиску в переводе с английского «удачливый, счастливый». Мы уже заметили, что Беккет дает своим героям «говорящие» имена, позволяющие лучше понять их. Но почему же Лакки, раб, над которым измывается Поццо, - счастливчик?

Есть этому причина! Лакки чувствует себя безгрешным: он ведь не делает ничего по собственному желанию, по своему выбору, а значит, даже совершая грех, он не несет за него ответственность: ему велел его хозяин (начальник, муж, генеральный секретарь), ему приказали, его заставили. Он тут не при чем. Ох, как много похожих на Лакки людей мне встречалось! Не делающих выбора, не берущих на себя ответственность, покорно следующих «указаниям сверху» - но совсем не с того «сверху»! И чаще всего этот «начальник» - «общественное мнение»: так полагается, все так делают, так принято. Когда-то первоклассники учились писать «Мы не рабы. Рабы – не мы». Самонадеянное утверждение: мысль, что я могу быть рабом, что нужно доказывать, что я не раб, о многом говорит – ведь никому не придет в голову всерьез доказывать, что он – не курица!.. И путь Лакки ведет в никуда, в ничто...

Теперь о Поццо. Очевидно, что Поццо наивно самонадеян и эгоцентричен. *«Похож я на человека, который может страдать?»* — хвастается он.

“П. – (Страшным голосом.) Я Поццо! Это имя вам ничего не говорит? Поццо угрожающе движется на них.

Э. – (живо) Мы нездешние, сударь.

П. – (останавливаясь) Однако вы человеческие существа. (одевает очки) Насколько я вижу. (снимает очки) Того же сорта, что и я. (громовой раскат смеха) Того же сорта, что и Поццо. По образу и подобию божьему! (резко) Кто такой Годо? Вы приняли меня за Годо. Кто он? Вы приняли меня за него.

Э. – Дело в том, что... темнота... усталость... слабость... ожидание... признаю... показалось... на мгновение...

П. – Ожидание? Так вы его ждали? Здесь? На моей земле? Дорога для всех открыта. Позор, но это так. (широким жестом) Забудем об этом. (Приветливо.) Друзья, я рад, что вас встретил. Да-да, искренне рад. Видите ли, дорога кажется долгой, когда идешь один в течение шести часов, не встретив ни одной живой души. Видите ли, друзья, я не могу долго обходиться без общества мне подобных, (он смотрит на обоих подобных) даже если они не очень мне подобны. Поэтому с вашего разрешения я останусь с вами ненадолго, прежде чем отправиться дальше.”

Кажется, что Поццо ничего не знает о Годо. Но, видимо, это не так:

П. – Если бы у меня была назначена встреча с этим Годом... Года... Годом... ну, вы знаете о ком я, я бы ждал до поздней ночи, прежде чем уйти. (Смотрит на часы.) Но мне пора идти, если я не хочу опоздать.

В. – Время остановилось.

П. – (приложив часы к уху) Не думайте этого, сударь, не думайте. (Кладет часы в карман.) Всё, что хотите, только не это.”

Здесь любопытен страх Поццо перед тем, что время остановится. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» - это не про него.

Многое говорит нам о Поццо его отношение к Лакки:

П. – Вы спрашиваете меня, почему он не ставит свои вещи, так? Попробуем понять. Имеет ли он на это право? Да. Значит, он не хочет. Логично? А почему он не хочет? (Пауза.) Чтобы произвести на меня впечатление, чтобы я его оставил.

В. – Вы хотите от него избавиться?

П. – Верно. Но вместо этого, чтобы выгнать его, что я мог бы сделать, я хочу сказать, вместо того, чтобы вышвырнуть его за дверь пинком в зад, я его веду по

своей доброте на рынок святого Спаса, где я надеюсь что-нибудь за него выручить. По правде сказать, выгонять таких существ нельзя. Лучше уж их убивать.”

Поццо понимает свою ответственность как хозяина, тяжесть этого бремени, даже философствует на эту тему. В этом смысле великолепен следующий диалог:

“П. – (Мечтательно.) Слезы людские непреходящи. Если кто-то начинает плакать, где-то кто-то перестаёт. То же со смехом. (Смеётся.) Не будем говорить плохо о нашей эпохе, она не страшнее предыдущих. (Молчание.) И хорошо о ней не будем говорить. (Молчание.) Не будем о ней говорить. (Молчание.) А ведь человеческая популяция действительно увеличилась. Знаете ли вы, кто меня всему этому научил? (Пауза. Тыча пальцем в сторону Лакки.) Он! Без него мои чувства и мысли касались бы только низменных вещей, касающихся моей профессии... впрочем, неважно. Красота, милосердие, высшая истина – все это было мне недоступно. И тогда я взял себе Кнука.

Поццо олицетворяет тех политиков, которые понимают, что для блага страны необходимо сменить не власть, а народ. По сути это правильно, если под «сменить народ» понимать его «перевоспитание», такие попытки были – и все неудачные. «Народ», даже если он изначально шел за великой идеей, в конечном итоге требует только хлеба и зрелищ и не готов отказаться от них ни за какие будущие блага...

“Э. – (Поццо.) Ему всё сегодня предстаёт в чёрном свете.

П. – Кроме неба. (Смеётся, довольный удачной шуткой.) Спокойствие, всё придет. Я вижу, в чём дело.

В. – Уйдём.

П. – (не слыша) Ах да, ночь. (Смотрит на небо.) Что в этом необычного? В этом небе? Оно бледное и светлое, как всякое небо в этот час дня. (Пауза.) На этих широтах. (Пауза.) В хорошую погоду. (Он продолжает, напевно.) Час назад (смотрит на часы, обыденным тоном) или около того (снова лирическим тоном), излив на нас начиная (колеблется, понижая тон) с десяти часов утра (повышает тон) неослабные потоки розового и белого света, оно постепенно теряет яркость, бледнеет (поднимает руки, ступенчато опускает их), бледнеет, понемногу, понемногу, пока (драматическая пауза, широко раскинув руки) оп! кончено! оно больше не двигается! (Молчание.) Но (торжественно поднимает руку), но за этой вуалью тишины и спокойствия (поднимает глаза к небу) мчится ночь (его голос вибрирует) и вот-вот бросится на нас (щелкает пальцами) вжик! вот так. (Вдохновение покидает его.) В тот момент, когда мы меньше всего этого ожидаем. (Тишина. Мрачным голосом.) Вот так всё происходит на этой блядской земле.

Поццо – смесь философа-поэта с приземленным прагматиком. Но прежде всего он публичный деятель. Даже когда он произносит задушевный, печальный монолог о закате и неожиданно спустившейся ночи, он разыгрывает спектакль; его заботит производимый на слушателей эффект. Честно говоря, из всей четверки Поццо мне жалко больше всех...

Кстати, Pozzo – по-итальянски «колодец». И это порождает во мне странную, даже неожиданную ассоциацию.

«Колодец и маятник». Эдгар Аллан По.

Герой рассказа был осужден за некое преступление и суд приговорил его к смертной казни. Осужденный очнулся в полной тьме, медленно встал, двинулся вперёд и

наткнулся на стену. Пройдя вдоль стены герой измерил размер камеры, оказавшейся очень длинной. Потом он споткнулся и упал на край глубокого колодца. Именно это и была смертная казнь. Ещё шаг — и он упал бы в колодец, куда падали многие и умирали мучительной смертью. Но герою повезло, он чудом спасся от этой хитрой ловушки.

Он опять заснул, а когда проснулся увидел, что его привязали цельным ремнём к скамье. Камера, которая оказалась намного меньше, чем представлял герой, была немного освещена. Сверху медленно опускался острый маятник. Это была вторая попытка казни. Герой заметил крыс, которые ждали его смерти. Когда маятник почти совсем опустился, он натёр ремень жиром, крысы, поднявшиеся на него, начали грызть ремни. Крысы разгрызли ремень, и несчастный смог уползти из опасной зоны. И тогда в камере стали сжиматься раскалённые металлические стены, подступая к узнику всё ближе и ближе. В конце концов в камере не осталось свободного места, и герой приблизился к колодцу. Заключённый почти потерял сознание и ступил в колодец. Но в последний момент его схватила чья-то рука.

Поццо осужден. И как бы не стремился избежать своего «колодца», он обречен. Если его не схватит чья-то рука...

И его слепота во втором акте, как представляется, подтверждает мою интерпретацию.

Слепота, слепой

в ряде случаев речь идет не об утрате зрения, а о потере возможности разбираться и осознанно действовать (*Быт 19:11; 4Цар 6:18*) как следствие самообольщения (*Откр 3:17*) и греха, например, идолопоклонства (*Ис 44:18*). При этом человек не только слепнет, но у него притупляется сознание и ожесточается сердце (*Ис 29:9-16; Ин 12:40; Рим 11:10; 2Кор 4:4*). Такая слепота особенно опасна, если поражает стражей (*Ис 56:10*) и вождей; последние становятся "слепыми вождями слепых" и, будучи уверенными в своей правоте (*Ин 9:40 и след.*), направляют народ в пучину заблуждения (*Мф 15:14; 23:16,19,24; Рим 2:19*).

Таким образом, и перед Поццо не путь, а бесцельное блуждание...

И даже когда цель есть, и она, вроде бы, правильная, это еще не гарантирует правильности пути.

В рассказе Рэя Брэдбери «Человек» на некую планету прилетает ракета. Но на это жители планеты не обращают никакого внимания.

Капитан Харт посылает Мартина узнать, в чем дело.

«Мартин произнес:

- Похоже, мы прилетели в неблагоприятное время. Вчера в городе произошло нечто великое. Столь необычайное и великое, что мы оказались жалкими дублерами. - Он потерял равновесие и тяжело сел, задыхаясь. - Сэр, вчера в городе появился необычайный человек - добрый, умный, страдающий и бесконечно мудрый! Это человек, которого они ждали веками. И вот вчера он вошел в их город. Потому-то, сэр, сегодня наша ракета для них абсолютно ничего не значит.»

Капитан решил, что это происки конкурентов и что надо провести расследование.

«- А этот человек, явившийся перед нами, как его зовут?

- У него нет имени. Оно ему и не нужно. На каждой планете его называют по-своему, сэр.

- И что же он такого сделал, такого замечательного, что никто и не смотрит на наш корабль?

- Например, - ответил Мартин, - он исцелил больных и утешил немощных. Он выступил против лицемерия и грязного правления, и он сел с народом, беседуя, весь день.

Капитан шагнул вперед, вынув изо рта сигару.

- Вы не хотите сказать... неужели вы имеете в виду... этот человек? Не может быть!..

Мартин кивнул.

Капитан замер молча. Потом выпрямился во весь рост.

- Не верю.»

Харт начал собирать показания свидетелей.

«- Как же выглядел этот человек, этот чужестранец?

- Трудно описать, - мэр чуть-чуть улыбнулся. - Это был очень добрый и мягкий человек. И он обладает большими познаниями во всем.

- Да-да, я знаю, знаю, - капитан помахал рукой. - Общие слова. Мне нужно нечто осязаемое. Как он выглядел? Мне необходимо описание внешности этого типа. - И Мартину: - Наверняка это Бертон! Одна из его шуточек, очередной розыгрыш!

Мартин холодно молчал, не глядя на капитана. Капитан щелкнул пальцами:

- Так что он там делал - исцеления?

- Много исцелений, - подтвердил мэр.

- Могу я увидеть... одного исцеленного?

- Конечно, вот мой сын, - мэр кивнул маленькому мальчику, и тот шагнул вперед. - У него была отсохшая рука. Теперь - смотрите.

Капитан снисходительно засмеялся.

- Да-да, но ведь это не доказательство. Я же не видел мальчика с отсохшей рукой. Я вижу лишь здоровую руку. Есть ли у вас доказательства того, что вчера у мальчика была больная рука, а сегодня здоровая? Нет ли у вас изображения мальчика? - спросил капитан. Через несколько мгновений принесли большой портрет, написанный маслом, на нем был изображен сын мэра с отсохшей рукой.

- Милый мой! - отмахнулся от портрета капитан. - Картину нарисовать может кто угодно. Картины лгут. Мне нужна фотография мальчика.

Фотографий не оказалось. Искусство фотографии было пока неизвестно на этой планете.

...

- Расскажите мне об этом _чудесном_ человеке, явившемся к вам вчера.

Женщина смотрела решительно:

- Он ходил среди нас. И он был прекрасен и добр.

- А какого цвета у него глаза?

- Цвета солнца, цвета моря, цвета гор, цветов ночи.

- Достаточно. - Капитан воздел руки к небу. - Поняли, Мартин? Ничего! Какой-то шарлатан бродил по городу, нашептывая им в уши сладкие пустяки, и...

- Прекратите, пожалуйста, - попросил Мартин. - Мне нравятся эти люди, я им верю. Оставьте их в покое. У них появилось что-то хорошее, доброе, а вы явились в чужое гнездо и гадите в нем, и издеваетесь над ними. В них есть нечто такое, чего у

вас и быть не может, - вера. Немного простодушной веры, и с ее помощью они горы сдвинут. Вы закипели от злости, потому что кто-то украл ваш триумф, кто-то добрался до них раньше вас и вы сделали ненужным! Я остаюсь здесь.

- Вы не сможете!

- Да неужели? Попробуйте меня остановить. Я ведь за тем и прилетел сюда, хотя сам того не знал. Мне это нужно, это для меня. Везите вашу грязь куда-нибудь в другое место, попробуйте нагадить в других гнездах своим сомнением и своим - своим научным методом! - Он быстро огляделся. - У этих людей только что произошло нечто поистине _настоящее_, и нам еще повезло, что мы прилетели сюда почти вовремя! Неужели вы не можете вдолбить себе в голову, что чудо действительно произошло? На Земле об этом человеке говорили двадцать веков, после того как он прошел по нашему миру. Мы же так хотели увидеть его, услышать его слово, да все не удавалось. А сегодня мы опять упустили его - всего на несколько часов разминулись.

Капитан Харт взглянул на Мартина.

- Глупец! Неужели вы не поняли, что это всего лишь штучки Бертона? Обмануть, надуть, основать свои нефтяные и прочие концерны под религиозным прикрытием! Вы дурак, Мартин. Полнейший дурак! Пора бы уже знать цену землянам. Они способны на все: богохульство, надувательство, ложь, обман, кражу, убийство, лишь бы достичь своей цели. Все хорошо, что сработает. Вы же знаете, Бертон - прагматик, каких мало! Ну же, Мартин, признайтесь, именно на такие гнусности и способен Бертон - запутать бедных туземцев да ошипать их дочиста, когда созреют.»

Но тут выяснилось, что Бертон на планету прилетал. И Эшли тоже. Их корабли попали в космическую бурю.

«- Это значит... Это значит, что на эту планету прибыли только мы, - прошептал капитан. - И тот человек... - Лицо капитана бессмысленно задержалось. - Идем, Мартин, идем. Нельзя терять времени...»

Капитан вернулся в город:

«- Но вы же должны знать, куда он направился?

- Он нам не сказал.

- Вы должны знать!

- Вы видите его? - мэр указал на толпу.

Капитан огляделся.

- Нет.

- Тогда он, наверное, ушел.

- Наверное, наверное! - слабым голосом вскричал капитан. - Я допустил кошмарную ошибку, и я хочу видеть его - сейчас! До меня только теперь дошло, что произошло величайшее событие в истории. Существует один шанс из миллиардов, что мы прилетели на одну планету из миллионов через день после его посещения! Вы должны знать, куда он ушел.

- Каждый находит его сам, - мягко ответил мэр.

- Вы спрятали его! - Лицо капитана медленно исказилось, вернулось что-то прежнее, суровое. Капитан начал медленно подниматься. - Где он? - пальцы капитана задержались у кожаного футляра, висевшего справа на поясе.

- Не могу вам точно сказать.

- А ну, говорите, да поживее, - и капитан вынул из кобуры оружие.

На лице мэра, не сводившего глаз с Харта, появилось выражение жалости.

- Вы устали, - сказал он. - Вы долго путешествовали, и вы прилетели от людей, которые давно уже живут без веры и тоже устали. А теперь вам так хочется веры, что вы сами себе мешаете. Если вы совершите убийство, вам будет труднее. Так вы его никогда не найдете.

- Куда он ушел? Ведь он сказал вам, и вы знаете. Ну же, говорите! - капитан поднял оружие. Мэр покачал головой. - Скажите мне! Скажите же!

Раздался выстрел - всего один раз. Мэр упал, ему ранило руку. Мартин прыгнул вперед. Оружие метнулось в сторону Мартина.

- Не мешать!

Мэр поднял глаза вверх, придерживая раненую руку.

- Вы мне не нужны, - молвил Харт, возвышаясь над мэром. - Я упустил его здесь, разминулся на день. Что ж, полечу дальше. И дальше. И дальше. На следующей планете я разминусь на полдня, потом - на четверть, на два часа, на час, на полчаса, на минуту. Но я догоню его! Слышите? - Он уже орал, склоняясь к лежащему на полу. Он едва держался на ногах от усталости. - Идемте, Мартин. - Он опустил руку, оружие повисло.

- Нет, я остаюсь здесь.

- Болван! Оставайтесь, если хотите. А я полечу дальше, так далеко, как смогу, со всеми остальными.

Они промчались через весь город.

- Вы решили лететь за ним, сэр? - спросил Мартин. Лицо капитана сморщилось, он закрыл глаза.

- Да.

- Сэр, когда вы его найдете - если найдете, - что вы попросите?

- Я... - капитан заколебался, открыл глаза. Кулаки его сжались, разжались. Он минуту размышлял в недоумении, а потом заулыбался странной улыбкой. - Я... я попрошу у него немного мира и покоя. - Он прикоснулся к ракете. - Давно, давно уже я не... не мог расслабиться.

Команда стояла у входа. Лишь трое решили лететь вместе с Хартом. Семеро оставались здесь, с Мартином. Капитан Харт оглядел их и выдал свое заключение:

- Глупцы! Он влез в люк последним, быстро отдал честь, резко рассмеялся.

Крышка люка захлопнулась. Ракета поднялась в небо, подобно огненной колонне. Мартин смотрел на нее, пока она не скрылась из виду. На другом конце дуга стоял мэр в окружении нескольких сограждан.

- Улетел, - сказал Мартин, подходя к мэру.

- Да, улетел, бедняга, - отозвался мэр. - Так и будет лететь, с планеты на планету, неустанно ища, и вечно, вечно будет он опаздывать - на час, на полчаса, на десять минут, на минуту. Наконец, он опоздает всего на несколько секунд. А когда он облетит три сотни миров и ему будет семьдесят или восемьдесят лет, он упустит _его_ на долю секунды, а потом еще на долю секунды. И так и будет лететь, думая, что вот-вот поймает то, что он оставил здесь, на нашей планете, в нашем городе, сейчас...

Мартин смотрел мэру прямо в глаза, и мэр протянул ему руку.

- Да разве можно в нем сомневаться? - Он поманил за собой остальных и повернулся к городу лицом. - Идемте. Нас ждут. Он там. И они вошли в город.»

Хорошо, мы поняли, как не нужно жить. А как нужно?

Меня всегда очень раздражали проповеди, в которых священник взывает делать то или иное (или не делать), жить так или иначе: все дело в том, что мы знаем, в общем-то, что надо делать (хотя зачастую это трудно сформулировать), мы не знаем, как этого добиться...

Есть знаменитая евангельская притча о десяти девах: *Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришёл жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидёт Сын Человеческий.*

Осталось понять, что же именно мы должны делать, как готовиться... Вернемся к моему любимому философу, может, он поможет.

Хайдеггер считал, что имеются два фундаментальных модуса существования в мире: 1) состояние забвения бытия, 2) состояние сознания бытия. Забвение бытия означает жизнь в мире вещей, в рутине. Осознавая бытие, человек сосредоточен не на свойствах вещей, а на том, что они есть, что они обладают бытием. Жить во втором модусе - значит постоянно осознавать свое бытие, сознать ответственность за него. Обычно люди пребывают в первом модусе, в забвении бытия. Хайдеггер называет его «неаутентичным»: в нем мы не осознаем себя творцами собственной жизни.

Способ бытия, который открывает смерть и ужас как возможности Хайдеггер называет «забегающим вперед», предвосхищением. Предвосхищение возможности или невозможности нашего существования - это «собственный» способ пребывания. До тех пор, пока пребывание существует в повседневной неопределенности среди людей, ему не обрести целостности и смысла своего существования. И поскольку в своем повседневном пребывании являет себя в разных ситуациях, а значит рассыпает себя как «фрагменты», постольку обретение целостности для него равнозначно его собственной смерти. «Смерть» в этом смысле - это конечность, выход за пределы мира сущего или непрерывное присутствие перед лицом смерти. Это постоянное нахождение перед лицом смерти возвращает пребывание в его «собственное» существование, в его «собственную» самость, в бытие целым. Чтобы осознать себя как целостность (нечто единое, существующее во всех этих ситуациях,

а не часть каждой ситуации), пребывание должно выйти за пределы ситуации, «забежать вперед».

Этот предвосхищающий характер пребывания, раскрывающий его как целое, Хайдеггер называет «решимостью». Решимость определяется как «молчаливое, готовое к ужасу бросание себя на самое свое бытие-виновным...» В этом употреблении «решимости» видны два аспекта. С одной стороны, собственный акт волевой решимости как открытости пребывания «зову совести», раскрывающему «виновность» пребывания; с другой - непрерывная открытость пребывания бытию, предвосхищение им своих возможностей как понимание своей открытости бытию. «Решимость», как указывает Хайдеггер, есть, во-первых, определенная расположенность (настроенность) к ужасу; во-вторых, определенное понимание, «предвосхищающее» понимание смерти; в-третьих, определенное выражение речи, а именно как в молчании раздающийся «зов совести». «Ужас», «предвосхищение смерти» и «зов совести» должны, по мнению Хайдеггера, стать радикальными возможностями пребывания, которые позволили бы ему преодолеть его «падшестъ» в неопределенность пребывания среди «людей», «несобственность» его повседневного бытия.

К решимости обретения «собственного» бытия призывает «зов совести». «Совесть» здесь - это феномен, раскрывающий собственное существование, заставляющий нечто понять. «Зов совести» призывает пребывание к выбору самого себя. С помощью «решимости» можно услышать «зов совести». «Зов ведь как раз не бывает, причем никогда, ни запланирован, ни подготовлен, ни намеренно исполнен нами самими.» Он «зовет, против ожидания и тем более против воли. С другой стороны, зов несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня и все же сверх меня».

Анализ феномена «совести» неизбежно соотнесен всегда с феноменом «вины». Причем «вина» понимается Хайдеггером как онтологический феномен: это особая структура существования, выражающая непрерывную соотнесенность пребывания с бытием («вина» как способ бытия).

Но зов совести предполагает понимание и себя, и окружающего мира, открытость к миру и к себе, готовность увидеть себя и мир. Изначальная открытость пребывания характеризуется как настроенность, расположенность, настроение. По Хайдеггеру, бытие сущего непосредственно открыто человеку в отнесённости к его намерениям (возможностям), а не в чистом незаинтересованном созерцании.

Зов совести и чувство вины заставляют человека заботиться о том, чтобы «все было в порядке» – они не просто сигнализируют о нарушении некоей гармонии бытия, но и призывают к действию, побуждают к активному пребыванию в мире.

Пребывание по Хайдеггеру — это «забота». Херрманн поясняет:

Решающей является разница между раскрытостью бытия и способом, каким пребывание раскрыто для себя самого в качестве трёхчленной заботы, в исполнении которой открыта раскрытость бытия.

«Забота» включает в себя три фундаментальных элемента. Во-первых, заботу об окружающих вещах; во-вторых, заботу о других; в-третьих, заботу о своей собственной идентичности. Пребывание отлично от вещи не только тем, что оно

заботится, но прежде всего тем, что оно и есть «забота».

В этом смысле мне очень близка нравственная позиция моей любимой святой, Терезы Авильской: в сотворенном Богом мире человек должен быть соработником Творца, вместе с Ним (и под Его руководством, конечно) заботиться об окружающем мире, окружающих и о себе.

Но заботиться означает еще и видеть проблемы и чувствовать свою включенность в них, свою ответственность. Есть ли моя вина в глобальном потеплении? Может быть, я промолчала там, где должна была сказать? Не приняла участия в том, что могло бы повлиять на ситуацию? Не надо отговариваться и заглушать в себе чувство вины тем, что я слишком маленькое существо, чей голос никто не услышит: у Бога всегда найдется громкоговоритель и для писка мышонка... Мы должны сделать все, что в наших силах – не только ради разрешения проблемы, но ради самих себя, ради целостности и осмысленности нашего пребывания в этом мире. И в ином.

Интересна хайдеггеровская концепция временности пребывания. Каждый из его видов открытости имеет отношение к «прошедшему» («ставшему»), настоящему и будущему («наступающему»).

Время в понимании Хайдеггера является онтологическим смыслом «заботы», формой ее первичного, исходного единства. «Временной интерпретацией» он называет выявление условий возможности исходной целостности пребывания; его бытийного, а не вещного качества.

Таким образом, временный характер «понимания» есть непосредственное уяснение бытия, которым оно указывает на свое будущее.

Временной характер «расположенности»: хотя расположенность к чему-либо прежде всего подразумевает актуальность настоящего, однако, если в расположенности мы понимаем исходную открытость мира, то этим обнаруживаем себя как «прошедших» некий опыт, как «ставших» неким определенным сущим.

«Речь» также носит временной характер: поскольку она выступает как открытость для другого, ее смысл обращен в будущее (в будущем как бы заложено понимание). С другой стороны, она «имеет принципиальную особенность - актуализировать все то, о чем она говорит» здесь и сейчас. А прошлое, по мнению Хайдеггера свернуто в настоящем моменте.

Временность вообще является внутренним качеством именно пребывания, вещь таких качеств не имеет, время существования вещи определяется математически или как средство для совершения какого-то действия над вещью (например, «время начинать»).

Время является условием целостности пребывания, онтологическим смыслом феномена «заботы». Возможность пребывания стать собой образует временной феномен «будущего» или «наступление». В этом смысле «заступающая решимость» к собственной способности быть («забота») есть «бытие в будущности». «Предвосхищение» и «решимость» делают пребывание сущим, творящим будущее, исходя из своих возможностей. Однако уже в своей творящей будущее, предвосхищающей «решимости» пребывание всегда уже есть некто и всегда понимает себя как «виновное», «заброшенное», «фактическое» сущее.

Иначе говоря, «становление» собой (будущее) есть одновременно возвращение к тому, что ты уже «стал» кем-то (прошлое). Это всегда уже определенная, «ставшая» «фактичность» или «заброшенность» образует временной феномен «прошлого», который всегда возникает именно из горизонта будущего.

Принципиально, что Хайдеггер говорит не о «прошлом», но именно о «прошедшем» или «ставшем». Пребывание сейчас непрерывно присутствует как кто-то, он актуально «есть» кто-то, непрерывно используя внутримирное сущее (вещи). И этот непрерывный горизонт актуальности выражает временной модус «настоящего». В этой временной динамике первичным, исходным модусом является принципиально будущее, поскольку само время обладает, следуя Хайдеггеру, «экстатической» природой, то есть устремленностью вовне.

Хайдеггер, таким образом, весь приоритет обладания временем относит за счет того, что охватывает его целиком, несет в себе прошлое и постоянно проецируется в будущее ради ощущения своей изначальной идентичности. «...первичное, «собственное» время должно быть понято как «конечность» (смертность) Dasein». Будущее устремлено к прошедшему, прошедшее к настоящему, формы времени «экстатичны» и направлены друг на друга. Если анализировать временной характер выделенных трех форм «открытости» (экзистенциалов), то обнаруживается, что это не изолированные модусы: будущее, прошедшее и настоящее сущностно взаимосвязаны. Этот единый феномен, это «экстатическое» единство Хайдеггер называет «временностью». Взаимопринадлежность трех форм времени - прошлого, настоящего и будущего - образует особый «временной опыт», онтологически проинтерпретированный Хайдеггером как «опыт бытия». Будущее, настоящее и прошлое - эти три формы времени - непосредственно соотносимы друг с другом.

Кажется, что понять довольно сложно, но на самом деле достаточно взглянуть на себя: я сегодня – результат накопленного опыта, кладезь воспоминаний прошлого и надежд и планов на будущее, единство трех времен...

Теоретически помочь нам жить правильно должна заповедь. И это не только те десять указаний, которые мы знаем из Библии. Но о них мы поговорим в следующий раз.

Глава 8. Грех

Люди наказываются не за грехи, а наказываются самими грехами. И это самое тяжелое и самое верное наказание. Толстой Л. Н.

Чтобы жить правильно, надо избегать грехов – это, вроде бы, всем известно. Но что такое «грех»?

Грех — действие или помышление, которое, как правило, ассоциируется с прямым или косвенным нарушением религиозных заповедей; реже — нарушение морально-этических правил, норм и традиций, установившихся в обществе.

В русском языке слово «грех» (ст.-слав. грѣхъ), очевидно, изначально по значению соответствовало понятию «ошибка» (ср. «погрешность», «огреха»). Аналогично греки обозначали понятие греха словом, означающим «промах, погрешность, провинность»; а иудеи — словом «хата» — промах. В итальянском

языке *peccato* тоже означает и грех, и ошибку, но еще и имеет оттенок «жалко, то, о чем сожалеешь», и чего-то страшного, неприятного, некрасивого (по-русски мы употребляем аналогичное выражение «Страшен как смертный грех»). В этом проявляется любопытное отличие заповеди от закона: нарушение закона – это преступление, нарушение заповеди – это ошибка. Почему?

В христианском богословии особое место занимают понятия *греха* и *спасения*. Грех для христиан — это не просто "беззаконие" (1Ин. 3:4) или "неправда" (1Ин. 5:17), но и само желание не следовать заповеданному; а также нечто, противоречащее человеческой природе (ведь человек создан по образу Божию), порочность человеческого существа, проявление его падшей природы, которую он приобрёл при грехопадении. Все люди, кроме одного-единственного Иисуса Христа, в том числе самые великие святые, каждый день совершали и совершают греховные поступки, именно по этой причине люди произносят в молитве «Отче наш» следующие слова: «и прости нам грехи наши», в которых каждый человек просит у Бога прощение за совершённые лично им грехи.

Греховным может быть действие (или бездействие), слово, мысль, желание, чувство. Христианские антропология и космология утверждают, что нарушение нравственных законов существования и развития личности имеет для неё онтологические последствия в виде вреда, который можно сравнить с последствиями нарушения физических законов, человек страдает так же, как если бы нарушал законы физические.

Таким образом, грех — это причиняемый себе вред, объективно возникающий вследствие нарушения законов нормального человеческого существования. Исполнение заповедей необходимо не Богу, а человеку.

В исламе грех — это совершение каких-либо действий или наличие таких намерений, которые запрещены Аллахом и пророком Мухаммедом. Грешными считаются поступки, запрещенные шариатом, которые были совершены умышленно, без принуждения, совершеннолетними и здравомыслящими людьми. Согрешивший человек всегда имеет возможность раскаяться. Однако частое совершение пусть даже малых грехов воздействует на состояние его души и ведет к ослаблению веры. За греховные помыслы человек наказания не несёт.

Безгрешными могут быть только пророки, которые могли совершать лишь некоторые ошибки. Мусульманам запрещено совершать греховные поступки по отношению к иноверцам, за исключением тех, с кем они ведут войну. Ислам отвергает христианское понятие первородного греха, который несут все люди от рождения. Согласно исламской традиции все люди рождаются чистыми и свободными от грехов и накапливают их только в процессе жизнедеятельности.

В традиции многих религий (индуизм, джайнизм, буддизм) учение кармы отражает специфическое понятие греха для этих верований. Здесь грех — категория менее социальная и более субъективная, является более общим понятием и зачастую обозначает любой поступок, отягчающий карму индивида. Череда перерождений напрямую зависит от совокупности *плохих* и *хороших* поступков субъекта (понятие о воздаянии). Грех в данном случае — не нарушение воли божества, а нарушение универсального закона (дхармы), единого и непреложного для всех существ.

В сатанизме Ла-Вея девять сугубо сатанинских грехов:

глупость, претенциозность, солипсизм, самообман, стадное соглашательство, отсутствие широты взглядов, забывчивость об ортодоксиях прошлого, излишнюю гордость и отсутствие эстетического начала. Притом правила в сатанизме рассматриваются не как в христианстве — строгие заповеди, но как рекомендации, нарушение которых расценивается как неподобающее поведение для сатаниста.

Тогда получается, что грех – это совершение плохих поступков. А что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Помните? «Владимир Маяковский. Что такое хорошо и что такое плохо?» ...

Но надо сказать, что «хорошо» и «плохо» - понятия все же субъективные: вор украл кошелек – для того, чей кошелек, конечно, плохо, но вору-то хорошо!.. Скорее уместны понятия «правильно» и «неправильно». А «правильно» - это как? Требуется некий «справочник», путеводитель по правильной жизни.

В качестве такого путеводителя служат заповеди. Обычно под этим словом подразумеваются христианские ветхозаветные заповеди. (*Декалог*, или *Закон Божий*) — предписания, десять основных законов, которые, согласно Пятикнижию, были даны Моисею самим Богом, в присутствии сынов Израиля, на горе Синай на пятидесятый день после Исхода из Египта (Исх. 19:10-25).

Десять заповедей содержатся в Пятикнижии в двух мало отличающихся друг от друга версиях (см. Исх. 20:2-17; Втор. 5:6-21).

Но на самом деле заповеди есть почти в любой религии и даже в сатанизме Ла Вея и в Моральном кодексе строителя коммунизма. И если мы их сравним, то выясним для себя кое-что интересное... Понятно, что ветхозаветные заповеди признаются иудаизмом. А другими?

Текст десяти заповедей по Синодальному переводу Библии.

1. Я Господь, Бог твой ... да не будет у тебя других богов пред лицом моим.
У мусульман - Отрицание бытия Аллаха; Ширк (многобожие) — придание Аллаху товарищей (равных) или поклонение чему-либо помимо Аллаха. В Моральном кодексе - Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма. Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им. У мусульман Сихр (колдовство);
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно;
4. Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. У мусульман Рибха (ростовщичество) — сделка, при которой одна сторона приобретает прибыль, не затратив для этого никакого труда. В моральном кодексе Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
5. Почитай отца твоего и мать твою. У мусульман Непокорность родителям; в моральном кодексе Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.
6. Не убивай. У мусульман Убийство человека; в Моральном кодексе Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и

брат. В сатанизме Ла Вея Не убивайте животных кроме как для пропитания и при защите от их нападения.

7. Не прелюбодействуй. У мусульман Совершение прелюбодеяния, гомосексуализм, лесбиянство и так далее. В Моральном кодексе нравственная чистота. В сатанизме Ла Вея Не делайте попыток сексуального сближения, если только не получаете приглашающий сигнал.
8. Не кради. У мусульман Покушение на имущество сирот. В Моральном кодексе Непримируемость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству. В сатанизме Ла Вея Не берите вещь, не принадлежащую вам, если только она не является бременем для её хозяина и он не просит об освобождении его от этого бремени.
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. У мусульман Казф — клевета в отношении женщины относительно совершения ею прелюбодеяния; Посягательство на чью-то честь; Лжесвидетельство; Ложная клятва. В Моральном кодексе Честность и справедливость
10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Как мы видим, основные заповеди присутствуют и в христианстве, и в иудаизме, и в исламе, и вообще являются общими, можно сказать, для человечества. Их называют естественным нравственным законом. Б. Поршнев, о котором мы уже говорили, считал, что именно возникновение этого естественного нравственного закона определило возникновение современного человека.

И если это так, наверное, имеет смысл вдуматься в них повнимательней. Все заповеди делятся на две группы: запретительные и повелительные. Но можно разделить их и по другому признаку: типа “делай!” или “не делай” и те, которые велят что-то чувствовать или не чувствовать. И эти вторые весьма интересны. Однако начнем, пожалуй, с первых.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; [дословно «ложно» — то есть, во время клятвы].

Обычно это понимается как запрет на клятвы или проклятия с упоминанием бога, но... В оригинале оно означает «не носи имя Господне лживо (впустую, тщеславно, противозаконно)». Исходный глагол *nasa'* означает «поднимать, нести, брать, возносить». Ещё раз подобным образом выражение «носить имя» используется только в Исх. 28:9-30, где, в отражение заповеди, Бог наказывает первосвященнику Аарону вносить на своих плечах в святилище имена колен сынов израилевых, вырезанные на двух камнях оникса. Таким образом тот, кто исповедует веру в Бога Израилева, согласно заповеди, становится носителем Его имени, неся ответственность за то, как представляет Бога окружающим. Тексты Ветхого Завета описывают случаи, когда имя Бога оскверняется лицемерием людей и ложным представлением Бога или Его характера. Эта заповедь означает намного больше чем запрещение случайного упоминания имени Бога, и осмысление этого помогает понять, почему заповедь приравнивается к другим, таким как «Не убивай» и «Не прелюбодействуй». В евангельских текстах Иисус поясняет многие заповеди, и, видимо, именно к этой заповеди относятся зареты на лицемерие:

- Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. (Мф. 6:16-18)
- Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. (Мф. 6:1-4)
- И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. (Мф. 6:5-6)
- Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие. (Мф. 7:21-27)

Не убей. Использованный в Ветхом завете глагол обозначает безнравственное преднамеренное убийство, в отличие от любого вообще убийства, например в результате несчастного случая, в целях самообороны, во время войны или по решению суда. (Так как сама Библия предписывает смертную казнь по решению суда в результате нарушения некоторых заповедей, этот глагол не может означать убийство вообще, при любых обстоятельствах).

Но, как уже говорилось, грех можно совершить “мыслью, словом, делом и неисполнением своего долга”. И мы знаем, что убить словом – вполне реально.

И опять новозаветное пояснение:

- Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. (Мф. 5:21-22)

Не прелюбодействуй [в оригинале это слово обычно относится только к сексуальным отношениям между замужней женщиной и мужчиной, не являющимся её мужем]. Согласно другому мнению, к этой заповеди относятся все так называемые «запреты кровосмешения», включает муже- и скотоложство.

А Иисус снова уточняет:

- Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. (Мф. 5:27-28)

«Не укради» К данной заповеди относится запрет хищения имущества. Согласно еврейской традиции, хищением является также «кража образа», то есть создание ложного представления о предмете, событии, человеке (обман, лезть и т. п.).

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Должна признаться, что с пониманием этой заповеди у меня всегда были проблемы: во-первых, кто такой этот «ближний» и можно ли лжесвидетельствовать на «дальнего», а во-вторых, можно ли лжесвидетельствовать не «на», а «за» ближнего? Приведу выдержки из интервью священника:

Протоиерей Александр Салтыков, настоятель храма Воскресения Христова в Кадашах, декан факультета церковных художеств Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

— Вопрос о лжесвидетельствовании очень актуален. В мире постоянно идет борьба добра и зла, правды и лжи. Дело в том, что в этом грехе соединяются две вещи — ложь и свидетельство. Свидетельство предполагает, конечно, истину. Ложь — это обычно некоторое публичное высказывание, направленное на достижение намеченной цели любым путем. Ложь, конечно, аморальна. В христианстве, как нигде, показывается колоссальная греховность лжесвидетельства. В Евангелии сказано, что отец лжи — дьявол. В лжесвидетельстве ложь выдает себя за истину с особенной, я бы сказал, наглостью. Если говорить о Христе — помните его лжесвидетелей на суде? «Пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его (Матф. 26, 41). Имеются ввиду действительные слова Христа: разрушьте храм сей и Я в три дня воздвигну его (Ин.2, 19)». И здесь же подчеркивается, что Христос храмом назвал Самого Себя, имея ввиду будущую казнь и Свое воскресение из мертвых (Ин.2, 21). Причем Он не говорил: «могу разрушить храм», а указал, что Его оппоненты сами его разрушат. Но Его слова были искажены.

В этом тексте очень хорошо показана природа лжесвидетельства. Лжесвидетельство бывает разным. Бывает в виде чистой клеветы. А бывает так, что лжесвидетельствующий берет правду и ее переворачивает. Как бы выворачивает наизнанку. Как старались это делать нечестивые иудеи против Иисуса Христа в только что приведенном примере. Или в другом эпизоде: «Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим». (Ин. 19:7).

Это было, конечно, самое явное лжесвидетельство, потому что Он был истинным Сыном Божиим. Они же его называют клеветником, лжецом и именно лжесвидетелем. Хотя лжесвидетели — они! Интересно, что Пилат, услышав это, «паче убоясь». То есть Пилат, услышав, что речь идет о Сыне Божиим (он ведь тоже был человеком по-своему верующим) убоился.

— **Батюшка, скажите, отличается ли с духовной точки зрения лжесвидетельство намеренное, то есть когда человек подготовился к этой лжи (в суде или перед другим человеком свидетельствует) и ситуация, когда человек, недостаточно разобравшись в деле, будучи неуверенным, правда это или ложь, передает ее. Несут ли они равную ответственность с том и другом случае?**

— Если человек лжет сознательно и его свидетельство разумно, то его слова в таком случае являются очевидной клеветой. А если он по неведению что-то сказал, то это ошибка, невольная клевета. Если нечистоплотные люди человеку наговорили, вложили ему эту мысль, ввели человека в заблуждение, и он не разобрался, не проверил, и в сердцах идет и свидетельствует ложь? Это ошибка. Но ведь совесть человека должна взаимодействовать с разумом! Разум и совесть в каком-то роде перекликаются в нас. Разум говорит: вот так-то, а совесть говорит: нет, не так. Замечательно, что Бог вложил в человеческую душу особый проверяющий орган — совесть. И через нее каждый человек как-то действительно слышит глас Божий. Бывает и так, что человек слышит голос совести — а слышит его каждый — но старается его заглушить. Это значит, что у него — поврежденная совесть. Тогда человек сочиняет клевету, а совесть свою заглушает. То есть орган взаимодействия с Богом частично бездействует. К сожалению, это встречается очень часто. Но следует иметь в виду, что есть еще и понятие «сожженная совесть». В древней Руси, в древней письменности было это крайне важное понятие — сожженная совесть. То есть, возможна, к сожалению, ситуация, когда она перестает работать и даже может как бы умереть. Когда ее голоса нет. Вообще, с Богом мы взаимодействуем через сердце (по Евангелию). Но есть еще совесть, которая, конечно же, связана с сердцем. Из сердца исходят и добрые, и злые мысли. Но совесть — это тот удивительный орган души, из которого из которого исходят только добрые помышления. Совесть — особый орган для взаимодействия души с Высшим началом. Ведь душа состоит из многих органов: как органами тела являются руки, ноги, глаза, уши и прочие, так и душа имеет органы: разум, затем веер чувств, также воля, стыд, совесть, любовь... Но для нас в данном случае речь идет о совести, потому что совесть есть орган, который проверяет с помощью Божией, посредством общения с Богом истинность наших слов и решений. Почему мы об этом заговорили? Потому что если человек сознательно клеветает, подавляет в себе совесть или ее не слышит — это очень тяжелая вина. Если человек несознательно клеветает, то он обманут сам.

В заповеди четко сформулировано «Не лжесвидетельствуй». Господь не сказал: «Не лги». Мы уже говорили, что каждое публично сказанное слово есть свидетельство, и мы так устроены, что непременно должны ему как-то доверять. Свидетельство, а за ним и лжесвидетельство основаны на взаимном доверии людей. Все имеют друг другу какую-то степень доверия. Доверие — это тоже орган человеческой души — и этим органом пользуются злые люди, которые действуют от диавола. Ведь первый лжесвидетель — это диавол. Это одно из его имен — «клеветник». Лжесвидетельство — это клевета. Голос клеветников — это голос непрерывный, он непрерывно раздаётся.

В современном мире в жизнь все больше и больше проникает ложь. Потому что ложь — это очень удобный способ жить. Удобный способ воровать. И она находит все большее применение, ей открываются все новые возможности. Ложь получила огромное техническое подспорье в виде современных технологий, коими пользуются современные СМИ. Кто владеет СМИ — тот владеет человеческим сознанием, тот влагает в человеческое сознание то, что хочет. Дело в том, что люди — дети. И всегда ими остаются, кроме тех случаев, когда они духовно вырастают.

В первый момент от Христа отреклись все, кроме одного ученика, который остался с ним. Все остальные бежали. А дальше? Дальше — Христос воскрес! И об этом воины сказали архиерею и получили ответ: «Вот вам деньги, идите к губернатору, скажите, что его ночью украли, пока вы спали, а мы денег еще дадим!». Для воинов сказать, что они проспали — было смертельно опасным, потому что они были римские воины (военная дисциплина у римлян была крайне высока) и за это их должны были казнить. Но! Первосвященники сказали: «Вы не волнуйтесь, мы ему тоже заплатим, не переживайте! Он возьмет деньги и ничего Вам не сделает!» Я несколько вольно пересказываю текст, но суть именно такова. И воины, прекрасно зная, что такое взятка уже в те времена, взяли деньги и спокойно ушли, зная, что губернатор (то есть Понтий Пилат) возьмет деньги вместо того, чтобы их преследовать. Таким образом, пронесли слова между иудеями, что ученики украли тело Иисуса, «и даже до сегодняшнего дня», как сказано в Евангелии. Но часть народа иудейского пошла за Христом, это были как раз те ученики, которые испугались и молчали. Молчали не потому что не верили, а просто боялись. И часть народа последовала за ними, та часть народа, которая духовно было более зрелой. И лжесвидетельствование, клевета не коснулась той части народа, которая была более зрелой духовно. И так происходит всегда и всюду. Человеку трудно разобраться, он не хочет делать большого усилия, ему некогда думать, и он воспринимает лжесвидетельствования всевозможного толка и характера и погибает, пораженный клеветой. Есть замечательная ария «Клевета» из «Севильского цирюльника», там художественно изображено, как клевета убивает человека.»

Тут мне очень нравится уточнение батюшки: заповедь говорит только о лжесвидетельстве, но не о лжи вообще. Почему? Потому, что ложь бывает разной? Или потому, что лжесвидетельство – преступление?

Лжесвидетельство (клятвопреступление) — преступление, выражающееся в сознательной даче заведомо ложной информации правоохранным органам, суду или органам власти. Часто совершается в форме дачи ложных показаний свидетелем или обвиняемым на суде или во время следствия, а также должностным лицом под присягой.

Во многих странах является уголовным преступлением.

В российском законодательстве, лжесвидетельство является частью более общей статьи 307 УК РФ, которая включает в себя заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

В XI веке лжесвидетельство холопа Дудика в форме клеветы на своего хозяина (епископа Жидяту) было сурово наказано: «урезаша ему носа и обе руки отсекоша» Одной из причин Соляного бунта (1648 год) были неблагоприятные действия чиновника Л. С. Плещеева, который «нанимал негодяев для того, чтобы они ложно доносили на честных людей, имевших некоторые достатки, и обвиняли их; обвинения взводились то в кражах, то в убийствах и других злодеяниях. После этого бедных людей заключали в тюрьмы, обходились с ними тиранически и держали так несколько месяцев, доводя почти до отчаяния. Тем временем безбожные слуги его должны были войти в переговоры с друзьями арестованных и под секретом давать им мудрые советы, как им вновь выбраться на свободу».

Пётр I, будучи разгневан ложным доносом на двух немецких полковников, пожелал собственноручно отрубить преступнику голову.

Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. В христианстве место ветхозаветной субботы занял “день Господень” – воскресенье, которое на многих языках (в частности, на итальянском) так и называется – “день Господень”. Считается, что в воскресенье нельзя зарабатывать деньги (прямо или косвенно), а надо посещать храм, больных, помогать бедным и молиться. Видимо, эту заповедь поясняет Христос, говоря:

- Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы. (Мф. 6:24-34)

Эта заповедь сближает нас со второй группой заповедей – призывающих испытывать или не испытывать какие-то чувства или желания.

Не сотвори себе кумира и Да не будет у тебя других богов, кроме меня

Приведу несколько цитат, которые помогают актуальный смысл:

Не прикасайтесь к идолам... Их позолота остается у вас на пальцах.

Гюстав Флобер

...И становится похоже на идолопоклонническое время. Тогда, когда ты ругал идолов, тебя побивали камнями и предавали злой смерти. А теперь каждая страсть занимает место идола. И если обличишь и осудишь страсть, которой, ты видишь, побеждается каждый, все кричат: «Побейте его камнями, ибо он оскорбил наших богов!»

Иосиф Афонский

Идолопоклонники встречаются как среди верующих, так и среди неверующих. Такие верующие превращают Бога в идола, всеведущую, всемогущую силу, являющейся союзницей тех, кто обладает властью на земле. Сходным образом существуют неверующие, не приемлющие Бога, но поклоняющиеся другим идолам, общим с верующими: суверенному государству, флагу, расе, материальному производству и производительности, политическим лидерам и самим себе.

Эрих Фромм

Все, что чересчур, слишком занимает наши мысли и чувства, становится смыслом нашей жизни в ущерб другим ее сторонам, - идолопоклонничество. Именно с этой заповедью связаны смертные грехи (лат. *peccata capitalia*), — термин, которым в католическом богословии называют основные пороки, лежащие в основе множества других грехов: гордыня (тщеславие), алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, лень или уныние.

Учение о восьми главных грехах сформировалось в монашеской среде, в восточной христианской аскетике. Ещё Киприан Карфагенский, умерший в 258 году, упоминал восемь главных грехов. Иоанн Кассиан в начале V века в сочинении «Собеседования» (*Collationes*) говорит, что учение о восьми главных грехах принято повсюду. Однако первым христианским автором, в трудах которого точно и определенно излагается учение о восьми главных грехах, считается Евагрий Понтийский, который в конце IV века изложил это учение в сочинении «О восьми злых помыслах».

В этом сочинении Евагрия Понтийского суть учения о главных грехах сформулирована в самом начале следующими словами: «Есть восемь всех главных помыслов, от которых происходят все другие помыслы. Первый помысел чревоугодия, и после него — блуда, третий — сребролюбия, четвёртый — печали, пятый — гнева, шестой — уныния, седьмой — тщеславия, восьмой — гордости. Чтоб эти помыслы тревожили душу, или не тревожили, это не зависит от нас, но чтоб они оставались в нас надолго или не оставались, чтоб приводили в движение страсти, или не приводили, — это зависит от нас».

Восемь указанных грехов условно рассматриваются как «плотские» (чревоугодие и блуд) и «душевные» (сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость).

В западном христианстве учение о восьми главных грехах получило распространение благодаря трудам Иоанна Кассиана, который перенёс в западное монашество опыт аскетических традиций и практики, распространённых в Египте во второй половине IV в.

Иоанн Кассиан писал на латыни, и его перечень восьми страстей в переводе с латыни таков:

1. Gula (чревоугодие)
2. Fornicatio (блуд)
3. Avaritia (алчность)
4. Ira (гнев)
5. Tristitia (печаль)
6. Acedia (уныние)
7. Vanagloria (тщеславие)
8. Superbia (гордыня)

Число семь, укрепившееся в католической традиции, для главных грехов в западном христианстве ввёл папа Григорий I Великий. Он перечислил семь грехов, которые затем включил в катехизис церкви, в сочинении под названием «Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования». Из восьмеричной схемы он объединил в один грех печаль с унынием, тщеславие с гордыней и добавил зависть. В результате список семи грехов папы Григория получил следующий вид:

1. Superbia (гордыня)
2. Invidia (зависть)

3. Ira (гнев)
4. Acedia (уныние)^[30]
5. Avaritia (алчность)
6. Gula (чревоугодие)
7. Luxuria (похоть, блуд)

Поэт Данте Алигьери в поэме Божественная комедия (ок. 1307—1321), во второй её части, описывает семь кругов чистилищав порядке, соответствующем этому перечислению семи грехов папой Григорием I.

В период средневековья большое влияние на развитие учения о семи главных грехах в католической теологии оказал святой Фома Аквинский. Фома писал сочинения на латыни и в рассуждениях по этому поводу предпочитал употреблять термин vitium, порок, склад характера, склоняющий к совершению греха. Фома отличал это понятие от греха. Он утверждал, что грех превосходит порок в зле.

Фома Аквинский определил главные пороки в качестве источника множества грехов следующим образом: «главный порок таков, что имеет чрезвычайно желанную цель, так что в её вожделении человек прибегает к совершению многих грехов, которые все берут начало в этом пороке как их главной причине». Эта желанная цель и становится для человека его «богом», «кумиром». Когда-то у меня был очень суровый духовник, который запретил мне в Великий пост читать и смотреть детективы. Моей подруге он исключил из «меню» конфеты и шоколадки... Это хороший способ научить обуздывать свои желания, правда, их объекты становятся еще желанней, но зато какой сладкой будет Пасха!.. Мне кажется, что это хорошая параллель с земной жизнью в ожидании рая...

Почитай отца твоего и мать твою.

Это еще одна очень сложная для меня заповедь: как заставить себя испытывать почтение к человеку, который его не заслуживает – будь то твой отец или кто-то другой? Особую сумятицу в мозги вносят некоторые евангельские фразы

Лук. 8:21 Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его.

Матф. 23:9 и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах;

Матф. 10:35 ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

Лук. 14:26 Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником

Мт. 10:36 враги человеку – домашние его.

Значит ли это, что к отцу и матери надо относиться как к врагам, которых нужно ненавидеть и уважать (ибо неуважение к врагу, недооценка его силы – первый шаг к поражению)? Смысла, вроде бы, больше, но столь же непонятно: почему я должна почитать родителей, невзирая на их качества и почему я должна ненавидеть их, тоже невзирая ни на что?

Но, кажется, все проще:

Бог приказал людям Израиля ПОЧИТАТЬ своих отцов и матерей. Что значит «ПОЧИТАТЬ своих отцов и матерей»? Вот как определяет это один толкователь: «Эта

заповедь содержит моральное наставление и является вечной обязанностью; ее смысл заключается не только в почитании, а также в послушании; а также необходимо почитать их имуществом, пищей, одеждой и снабжать всем необходимым для жизни, когда у них возникает нужда в этом; это справедливая услуга, воздаяние за всю заботу, затраты и беды, которые они испытали, воспитывая детей своих для мира.»

В отличие от других заповедей, где Бог не дает особенных обещаний, в этой заповеди Он их дает. Господь говорит: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.» Но на этом Он не останавливается. Второзаконие 5:16 вещает ту же заповедь, но с добавлением дополнительного обещания: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои [обещание 1] и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. [обещание 2]»

Павел повторяет эту же заповедь в Послании к Ефесянам 6:2-3: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле». Иисус соединил саму заповедь и описание того, что может произойти, если не будешь ее соблюдать: Мк 7:10 «Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий отца или мать смертью да умрет.»

Ключик можно найти в том же отрывке чуть ниже:

Мк 7:11-13 «А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное.»

Слово «корван» – еврейское, оно значит «дар, данный Господу».

По существу, эти евреи говорят своим родителям: «Всё, чем я могу помочь тебе - моё имущество, мои доходы – это корван, то есть, все это посвящено Господу, и я не могу дать это тебе». Это обет, который они использовали, чтобы не отдавать ничего своим родителям. Они давали обет, посвящая все Господу, и поэтому могли заявлять, что у них нет ничего, чтобы обеспечить поддержку родителям и, следовательно, они не обязаны это делать.

То есть речь идет об обязанности помогать (прежде всего материально) родителям. Ну, это уже как-то понятней...

Тем не менее, хотя от нас требуется уважение к своим родителям, это не значит следование плохому примеру (Иезекииля 20:18–19). Если родитель указывает ребёнку совершить что-либо, противоречащее Божьим заповедям, он должен скорее слушаться Бога, чем своих родителей (Деяния 5:28).

Что же касается новозаветных текстов, то тут есть вот какое размышление, отчасти парадоксальное: на самом деле у человека может быть много отцов и матерей – биологические, крестные, духовные, небесные; могут быть приемные, отцом – батюшкой – называли и царя, начальника, хозяина... Кровнородственные связи – не единственные возможные, но самые «диктаторские». Человек же должен быть свободен, в том числе и в своих оценках. Что «превыше всего» - семья? Дружба? Родина?.. У каждого свой ответ, но (хотя в этом редко признаются открыто) важнее всего – мое Я. И это не эгоизм (или не только эгоизм), это объективная реальность: жизнь, судьба, Хайдеггеровское пребывание – мои. И конечная цель моего земного

пути – моя, никто, кроме меня, туда не дойдет... Родители, которых надо почитать, - те, которые помогают мне достичь цели, и неважно, они меня родили биологически или духовно. И почитать – значит, признавать их заслуги, их роль. Признавать, что я – не сирота, сама себя сделавшая, что есть те, которым я обязана собой. Очень хороший обычай – при награждении или праздновании благодарить тех, кто помог достичь результата – всех, кто стал «родителем» моего успеха...

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Здесь все, вроде бы, понятно, за исключением того, как заставить себя не желать, не хотеть, если очень хочется...

Ключик, как это очень часто бывает, именно в словах: «я хочу» и «мне хочется» - это ведь разные вещи! Мне хочется конфетку, но я хочу похудеть, поэтому есть ее не буду! То есть «я хочу» - это по сути близко к «я решил», к осознанному намерению, к намерению действовать, а «мне хочется» - это некий позыв, идущий как бы извне моей личности. Позыв не обязательно плох и греховен, он нейтрален по отношению к понятиям добра и зла, он становится хорошим или плохим, когда мы решаем ему следовать. Поэтому, если мне хочется мужа моей подруги – это еще ничего, так бывает, а вот если я его хочу и начинаю строить ему глазки – это уже против заповеди...

И здесь пора поговорить о любви... Но это отдельный разговор.

Глава 9. Любовь

Любить - это означает смотреть не друг на друга, а вместе, в одном направлении. Антуан де Сент-Экзюпери

В ответе на вопрос фарисея о наибольшей, самой важной, из всех заповедей, Иисус Христос называет две: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37-40)

- Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

(Мф. 7:21-27)

Вот тут я всегда вспоминаю строки из одного стихотворения, автора которого, к его счастью, я не помню, иначе бы ему икалось до дурноты:

Что такое любовь? Кто мне ответит?

Как она начинается – кто объяснит?

Просыпаешься утром – и хочется встретить,

ПОСТУЧАТЬСЯ в окно, РАЗБУДИТЬ, ЕСЛИ СПИТ!

Для того, кто решился бы проявлять свою любовь ко мне таким способом, первая же попытка закончилась бы членовредительством – в буквальном смысле! Гадство какое...

Понравится ли мне, если все вокруг будут такими, как я написала в своем “положительном” списке?.. И что я делаю для того, чтобы они такими были?...

Смею вас уверить: подавляющее большинство людей совсем не любят самих себя и как результат – не любят и других.

Любить ближнего своего как самого себя означает еще и отказ от слепой любви: необходимо видеть и в себе, и в ближнем не только достоинства, но и недостатки, иначе невозможно определить, что будет благом и что – вредом.

А жизнь? Какая жизнь нам кажется райской – каждому из нас? Хорошо бы ее описать и подумать, что из всего списка можно было бы попробовать иметь и в земной жизни и что этому мешает...

Еще один важный момент – надо любить ближнего, не всех, не “дальних”, а ближних. Кто такие эти ближние?.. Все те, кто вокруг меня, с кем я сталкиваюсь в жизни, с кем общаюсь. Очень просто любить человечество, гораздо труднее – конкретных людей. И хорошо известны примеры, когда любовь к человечеству вполне уживалась с ненавистью к человекам. Прекрасное будущее человечества оборачивалось концлагерями для реальных людей. Да и менее трагические примеры, где можно говорить не о ненависти, а о безразличии, известны, наверно, любому.

Но первая заповедь – про Возлюби Бога твоего, - уже не требует от нас любить как самих себя. Хотя желать Ему истинного блага не только можно, но и должно. Кажется абсурдным? Какого истинного блага можно пожелать Богу, всесильному, всемогущему, у которого все есть по определению?

Помните, была такая мыльная опера “Богатые тоже плачут”? Если честно, я ее не смотрела, но название натолкнуло тогда меня на некоторые размышления. Плачут ведь не только от того, что чего-то не хватает, плачут от того, что плохо любимым.

Мы уже говорили, что у Бога есть душа (или, точнее, Он есть душа), и эта душа страдает, когда ее любимым – мне, вам, любому человеку, - плохо. Истинное благо Бога в том, что нам хорошо. Но хорошо не в нашем сиюминутном пребывании, а в вечности. Правда, нам не дано понять и узнать в полноте, что такое хорошо и что такое плохо с точки зрения вечности. Приведу пример из личной жизни (к сожалению, главный свидетель этих событий уже умер, иначе он бы подтвердил каждую строчку).

Был последний день работы археологической экспедиции в Тамани, и мы с начальником, Юрой Десятчиковым, поехали смотреть место нового раскопа на следующий год, где Юра предложил мне стать начальником отряда. Я согласилась, мы подписали договор, а вечером я по традиции пошла прощаться с морем. Когда я сидела на берегу, ко мне по волнам приблизился Он и сказал: “Прощаешься? Правильно делаешь, ты сюда больше не попадешь”. (Я могу в деталях описать, как Он выглядел и во что был одет, но это не имеет отношения к сути). От неожиданности я среагировала чисто по-человечески, спросив: “То есть как? Я же только что договор на следующий год подписала!” Он улыбнулся и растаял.

Я вернулась в лагерь, где народ готовился к отпальной – последнему ужину, на котором съедаются все остатки продуктов, - и сказала Юре: “Знаешь, только что приходил Господь и сказал, что я сюда не вернусь!” Присутствующие потом говорили, что вид у меня был настолько ошарашенный, что все сразу поверили. Юра, человек верующий, но очень по-своему, ответил: “Не волнуйся, я пошлю прошение в небесную канцелярию, и там отменят приказ”.

Прошел почти год, мы начали готовиться к выезду в экспедицию. Меня грызли сомнения – ехать или не ехать, но Юра сказал: "Он же не запретил тебе ехать, а просто сказал, что не попадешь. Если б запретил, я первый бы расторг с тобой договор, такими вещами не шутят, а так..." И я решилась

Я должна была приехать позже основного состава, когда уже разбит лагерь, сформированы отряды и прочее. Еду на вокзал, беру билет, возвращаюсь домой – у сына высоченная температура. Вызываю врача, еду сдавать билет, даю телеграмму, что выезд откладывается. Возвращаюсь домой – сын здоров и весел, пришедший врач говорит, что так бывает и добавляет какие-то умные слова, советуя недельку понаблюдать за сыном.

Через неделю еду на вокзал, билеты не продают – в Тамани карантин из-за случаев холеры на три недели. Возвращаюсь домой, даю телеграмму.

Через три недели еду на вокзал, покупаю билет. По дороге домой мучаюсь страшными предположениями – что произойдет на сей раз? Наводнение? На Тамань упадет метеорит? Начнется война с инопланетянами?

Все оказалось проще. Позвонил Юра и сказал очень мрачно: "Сдавай билет и больше НИКОГДА его не покупай!" Оказывается, по чьей-то анонимке в экспедицию приехала финансовая инспекция, работы остановили и началось расследование. Юра был кристально честный человек, инспекция не обнаружила никаких нарушений, но за время ее работы сезон закончился.

Через год экспедицию не возобновили из-за угрозы холеры. Еще через год на нее не выделили денег. А потом и вовсе закрыли проект. Я в Тамань больше не попала.

Я много думала над причиной всех этих событий: почему я не должна была попасть в Тамань? Вряд ли это было связано лично со мной – иначе не закрыли бы всю экспедицию. Может быть, нельзя было вести раскопки на новом месте, которое мы ездили смотреть? А почему? Что такого мы могли там обнаружить?.. Не знаю. Его мысли – не наши мысли...

Но вернемся к заповеди. Утверждение, что благо, которое я могу сделать для Бога – когда мне хорошо, верно только при условии, что Он меня любит. В Евангелии об этом говорится:

- Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. (Мф. 5:43-47)
- Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. (Мф. 7:7-11)

Но слова и даже действительность могут убедить ум, но не сердце.

Святая Тереза Авильская говорила вещь, казалось бы, чуть ли не еретическую: не так важно любить Бога, как уметь принять Его любовь. Почему? Если я люблю кого-то, я могу сидеть на диване, любоваться на фотографию – и любить. Для моей любви

мне вполне хватает меня. Я могу любить свое представление о человеке даже не общаясь с ним... Ну, все знают, что я имею ввиду. Но если кто-то говорит мне о своей любви, я должна ответить – неважно, да или нет, важно, что я должна вступить с ним в какие-то отношения, в диалог. Это требует моих мыслей о нем, моих слов. В общем, он реально входит в мою жизнь. Так же и с Богом: если я знаю, ощущаю Его любовь, я должна что-то Ему ответить.

Тереза сумела ответить так, что в день ее смерти в ее келье зацвело деревце, которое никогда прежде не цвело. Он ждал ее с цветами...

Я не могу научить чувствовать любовь Бога – это дело совершенно интимное, это отношения для двоих. Я могу только посоветовать прочитать потрясающую детскую книжку «Как Ты считаешь, Господи» Л. Майер-Скуманц и рассказать свою историю.

В детстве у меня был врожденный порок сердца, из-за которого я почти не выходила из дома, не могла бегать и играть – да и вообще очень мало что могла делать. Отец мой развелся с матерью, мама работала на двух работах, чтобы хоть как-то нас прокормить, а я целыми днями – шесть дней недели – сидела одна дома. А что может делать маленький ребенок (я помню эту ситуацию лет с пяти, но когда она началась не знаю) один дома? К счастью, мама очень рано научила меня читать по-русски и по-английски, и я проводила дни за чтением. Но... Если у вас есть воображение, можете себе представить эту странную жизнь пятилетнего ребенка.

Так вот, я была дома не одна. Со мной все время был Кто-то. Он рассказывал мне истории, объяснял непонятные слова в книжке, утешал, когда я смотрела из окна на играющих во дворе ребят. Мы говорили обо всем на свете, шутили и ругались.

Когда меня записали в школу (но посещать я ее не могла, мне просто приносили домашние задания), я уже хорошо читала и писала по-русски, чуть хуже – по-английски, знала всю арифметику и элементарную алгебру. Конечно, это заслуга мамы – в свой единственный выходной она старалась научить меня чему-то, чем я могла бы заниматься, пока она на работе. Но и того, кто в течение рабочей недели занимался со мной.

Когда мне исполнилось 10 лет, меня поставили в очередь на операцию на сердце. Однако во время предоперационного обследования выяснилось, что порок стал полностью компенсированным. Причины такого поведения моего организма выяснить не удалось, о чем было написано в медицинском журнале, один номер которого хранила моя мама. И я наконец-то пошла в школу, стала понемногу выходить на улицу.

Но привычка говорить с Ним обо всем на свете осталась на всю жизнь. Хочу заметить, что я понятия не имела и не интересовалась, кто Он. Это выяснилось только когда мне было 12 лет, когда в школе провели урок атеизма, где 45 минут нам говорили, что мы должны точно знать, что бога нет. Меня урок привел в замешательство – кто такой бог и почему так важно знать, что его нет – ну нет и нет, что об этом говорить? Или просто раньше был, а теперь нету? А куда тогда делся? Вот обсудив эти мои недоумения и выяснилось, что Бог – это мой собеседник и что Он точно есть. Еще года через три один болгарский батюшка подарил мне Евангелие. Я прочла и рассказала Ему об этом – так я узнала, что эта книжка рассказывает «об одном из нас», как Он выразился. В 16 лет я пережила клиническую смерть, в которой все было именно так, как описывается в знаменитой

книжке. Честно говоря, только тогда я поняла, что тот, кого я привыкла воспринимать в «домашнем варианте» - любящим, заботливым, умным, внимательным, с чувством юмора, - еще и велик и всемогущ. Он работает богом...

Со временем наши беседы стали более направленными, что ли, - я много спрашивала о вечности, жизни и смерти, рае и аде.

Можно было бы написать целый роман о нашей истории, в котором были бы и потрясающие подарки, и ссоры, и расставания, и чудеса. Это был бы любовный роман, роман о любви Отца и дочери – в чистейшем смысле. Когда-то меня спросили в храме, верю ли я в Бога и в Его любовь к человеку. Я ответила, что не верю – точно знаю...

Я не призываю мне верить и не буду приводить свидетельства – это личный выбор каждого. Просто советую попробовать поговорить с Ним. Не помолиться – молитва это монолог, а поговорить, спросить о чем-то важном для вас. Если вопрос искренен – Он наверняка ответит, только будьте терпеливы и внимательны, его ответ не обязательно будет выражен словами, но он будет...

Тогда получается, что главная заповедь призывает нас ответить на любовь Бога и передать ее дальше – нашим ближним, к которым мы должны относиться так же, как Он относится к нам.

- Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. (Мф. 6:14-15)

А напоследок – немного о соработничестве Богу. Как оно возможно, если мы не знаем Его замысла, не знаем, что соответствует добру или злу с точки зрения вечности? Очень просто: когда нам кажется, что какое-то дело – верное и справедливое, приложим все усилия, чтобы сделать его, но если оно все равно не получается – значит, почему-то оно не нужно. Вспомните о моей поездке на Тамань. Мы ведь не можем предугадать все последствия своих действий, Он – может. Не стоит каменщику вмешиваться в проект архитектора и переносить краеугольный камень в другое место, потому что так красивше, - здание может и рухнуть.

И напоследок – еще одна моя статейка:

“Обреченные на спасение

Человек любим, следовательно, спасен. Ибо любой Любящий будет бороться за свою любовь. И не отдаст своего любимого, даже ему самому.

Воспрепятствовать спасению может только сознательный отказ от него, только сознательная агрессия по отношению к Любящему, то есть грех.

«Идеальный» любящий – тот, кто любит любимого ради него самого, а не ради себя, поэтому от такой любви трудно, почти невозможно отказаться. И тогда человек обречен на спасение.

Спасение – хорошая штука, но только в том случае, если человек готов разделить с Любящим Его вечность. И если он вообще готов к вечности. Своей. Из неготовности к своей вечности рождается атеизм. Из неготовности разделить ее рождается смертный грех. Разделить с кем-то вечность – значит разделить ответственность за нее. За всю: для человека – с момента сотворения мира. Не с момента своего рождения, а с момента рождения мира. Разделить ответственность не за свои ошибки, а за ошибки всех и всегда.

Спасение – хорошая штука, но обреченность на него чревата. Чревата прежде всего пассивностью, ведь незачем отвечать на любовь, если от этого ничего не зависит. Ведь ответ на любовь – это труд. Это трудно. Можно просто позволить войти в себя. Но позволить войти в себя – значит познать только в меру своей вместимости, то есть остаться в себе. Чтобы выйти за эти пределы, надо предать себя. Надо самому войти в Любящего. Тогда спасение человека станет не его личным спасением, но спасением его мира.

Спасение – хорошая штука, но обреченность на него чревата сопротивлением. Сопротивлением, порожденным ощущением насилия, ощущением безвыходности. Ад – для сопротивляющихся. Не как место пребывания, а как альтернатива. Как право выбора. Выбора, которого нет.

Пребывание в аду более мучительно не для того, кто находится там, а для Любящего. Ибо свои муки всегда легче перенести, чем муки любимого. Но у любимого есть право выбора. В ад нельзя попасть случайно, туда ведет лишь сознательный выбор.

На пути к спасению конструктивен не вопрос «почему», а вопрос «зачем». «Почему» обращено в прошлое и имеет однозначный ответ: Любящий сделал это (или допустил) потому, что так лучше для любимого. Знать изначально ответ на этот вопрос – святость умеющего быть любимым, святость Терезы Авильской. «Зачем» обращено в будущее и поэтому ответ на него надо искать. Через него ведет путь вхождения в Любящего. Путь созидания, сотрудничества.

Любимый знает голос Любящего, а Любящий знает любимого по имени. «Полнота времен» исполняется для любимого тогда, когда он узнает Любящего по имени, а Любящий узнает его голос. Но для этого нужно позвать. Позвать не на помощь – ибо помощь можно принять у любого, вне зависимости от имени. Позвать не для того, чтобы взять недостающее. Позвать, чтобы отдать, чтобы разделить имеющееся. Все имеющееся: и плохое, и хорошее. Важно не то, чем человек делится. Важно то, что он знает имя и зовет. Зовет, чтобы поделиться – не потому, что у него избыток. И не потому, что у Любящего недостаток.

Позвать, чтобы получить – не означает знать по имени. Получить можно только ровно то, чего недостает. Позвать, чтобы разделить, можно только по имени и получить, принять не то, чего недостает, а половину всего, что есть у Любящего – в обмен на половину всего, что есть у любимого. Принять не только приятное, не только хорошее. И тогда любовь – это взаимная жажда:

Я пью твои глаза, прильнув
Зрачками жадно.
Но неуголенно
Взбухая страстью,
Трескаются губы.”

Глава 10. Адорай

Только смерть, когда мы приближаемся, чтобы рассмотреть ее вблизи, является истинной целью нашего существования. В последние несколько лет я вступил в такие близкие отношения с этим лучшим другом человечества, что теперь смерть

*не только не является для меня чем-то страшным , а, наоборот, очень утешительным! Я благодарю моего Бога за то, что он любезно предоставил мне возможность изучения в результате чего понял, что Смерть - это ключ, который отпирает дверь в наше истинное счастье. **Вольфганг Моцарт***

Вопрос о том, какой он – рай, - всегда меня очень волновал (вот ад как-то не вызывал особого интереса, я подсознательно уверена, что не попаду туда. Не потому, что считаю себя безгрешной, конечно, но все мои надежды – на чистилище). Сразу после крещения – я крестилась уже взрослой – батюшка меня поздравил и хотел уйти, но я его остановила вопросом: «И какой он – рай? А то я тут должна поститься, молиться, кучу всего соблюдать, чтоб туда попасть, а вдруг он мне совсем не нравится?» Батюшка обозвал меня заблудшей овцой и ушел... Приставала я и к другим батюшкам, сестричкам и просто сильно верующим, но выяснила только одно: в раю хорошо, а в аду плохо. Однако, как мы уже говорили, хорошо и плохо – понятия субъективны. Кому-то – адская жара, а по мне так прохладновато...

Тогда я стала читать книжки. В одной описывалось, как праведники сидят в райском саду и наслаждаются зрелищем своих гонителей, которых жарят, варят и вообще всячески мучают. В другой рассказывалось, что в раю все гуляют по саду и распевают псалмы. Я ничего не имею против псалмов, но хоровое пение длиной в вечность?!.. А перспектива наблюдать чьи-либо мучения – и тоже вечность – меня вообще ужасала. Может, все же лучше попроситься в ад?

Естественно, залезла я и в Библию, но и там ясности не нашла, даже наоборот. Особые сложности возникли у меня с Царством Небесным, оно же Божье и оно же Христово и его соотношением с раем: некоторые цитаты позволяют предполагать, что Царство - духовная сфера жизни, где обитают ангелы, и конечно же сам Создатель, это не рай. Это место обитания Бога и ангелов и оно существовало ещё задолго до создания земли, людей и самого рая. Бог выделил определённое количество мест в духовной сфере для Иисуса и выбранных им христиан, чтобы они выполняли на небе определённую роль, а именно управляли землёй после того как в Армагеддоне будут уничтожены современные правители земли (Сатана и его помощники). Этих соправителей Иисуса Христа, которые пойдут на небо 144000 человек (Откровение 14:1-4). Они будут там помогать Иисусу управлять землёй и руководить земными подданными, то есть всеми остальными служителями Бога, которые будут жить на райской земле в скором будущем, после того как Бог устранил эту человеческую систему вещей и восстановит рай на земле, как он и планировал в самом начале, когда создавал первых людей.

Таким образом рай будет по всей земле, и послушные Богу люди будут жить там. Это был первоначальный замысел Бога. Но люди захотели независимости от Создателя, по этому на земле пока ещё не рай.

Все бы хорошо, но в этом случае рай – не вечный, потому что сама земля смертна, как смертно солнце и вообще галактика. Рай, понимаемый как место на земле, по определению явление временное! Скорее уж Царство сойдет на землю, поскольку оно имеет три измерения (мы об этом говорили, помните: время, присносущность и вечность), оно с исчезновением земли, а вместе с ней и рода человеческого, не закончится. Конец времени (и об этом говорили: время является измерением чисто земным, зависящим от периода вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца) и даже конец времен (марсианского, венерианского и пр.) — в эсхатологии религий, промежуток времени, предшествующий Концу света. Что тоже вполне понятно.

В иудаизме Конец времён включает в себя приход мессии, смерть и воскрешение из мёртвых. В христианстве это время изображается как время скорби, предшествующее второму пришествию Иисуса Христа, который будет противостоять Антихристу и установит Царство Божие на земле.

Таким образом, Царство – это совсем не рай...

Еще хуже обстоят дела со Страшным судом.

В иудаизме явление страшного суда заключается в воскресении из мёртвых в конце дней, то есть вера в то, что в определённое время мёртвые будут оживлены во плоти. Так, пророк Даниил об этом говорит следующее: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан.12:2).

Согласно Евангелию: *«Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну... и дал Ему власть производить суд, потому что Он есть Сын человеческий»* (Ин. 5:22, Ин. 5:27). По этой причине христиане верят, что Иисус Христос произведет суд над всеми народами, когда *«приидет во славе Своей и все святые Ангелы с Ним»* (Мф. 25:31-32).

Кроме того, часть своих судебных полномочий Христос поручит праведникам, в частности, апостолам, которых обещал посадить на 12 престолов судить 12 колен Израилевых (Лк. 22:30, Мф. 19:28). Апостол Павел был убеждён, что все святые (христиане) будут судить мир: *«Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?»* (1Кор. 6:2-3).

В Новом Завете картина Судного дня и Страшного суда описывается следующим образом.

Ангелы при кончине века соберут избранных от четырёх ветров от края небес до края их (Мф. 24:31), а также соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие (Мф. 13:41) и отделят злых из среды праведных (Мф. 13:49). По учению апостольскому, *«всем нам должно явиться пред судилище Христово»* (2Кор. 5:10), *«все мы предстанем на суд Христов»* (Рим. 14:10). Бог через Иисуса Христа будет судить иудеев и язычников (Рим. 2:9), живых и мёртвых (Деян. 10:42; 2Тим. 4:1), то есть имеющих воскреснуть из мертвых и тех, которые останутся до воскресения в живых, но, подобно воскресшим, изменятся

(1Кор. 15:51-52), а также, кроме людей, и злых ангелов (Иуд. 6; 2Пет. 2:4). Судимы будут не только дела людей, как добрые, так и злые (Мф. 25:35-36, 2Кор. 5:10), но и всякое праздное их слово (Мф. 12:36). Праведным Судия скажет: *«приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»* (Мф. 25:34), грешные же услышат такой приговор: *«идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его»* (Мф. 25:41). Существует мнение, что судимы будут не только слова и дела людей, но и их внутренние помышления и намерения (*«слово Божие... судит помышления и намерения сердечные»* (Евр. 4:12)).

В то же время *«слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь»*. (Ин. 5:24, похожий отрывок Ин. 3:18) и апостола Павла *«никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня»* 1Кор. 3:11-15.

Ох... Скажем так: здесь речь идет о двух разных судах – о том, который произойдет над еще живыми на земле в конце времен, и о том, который происходит над умершими. По отношению ко второму не может быть никаких временных определений, поскольку он происходит в присносущности и никак не связан с нашим летоисчислением. К нему я еще вернусь.

Но давайте все же обратимся к нашей посмертной судьбе.

После смерти наши душа, дух и какие-то элементы тела переходят в другое измерение. У меня со школьных лет проблемы с физикой, поэтому я даже пытаюсь не буду определить эти телесные элементы – может быть, это энергия, или волна, или еще что-то. Но что-то телесное покидает труп вместе с душой и духом. И об этом мы тоже уже говорили в соответствующей главе.

Что касается слова «измерение», то я не знаю, как точнее определить то место, куда мы попадем, потому что это не место... Святая Тереза Авильская говорила: *«Эти духовные вещи столь неясны, что такой невежде, как я, волей-неволей приходится говорить много лишнего и даже нелепого, прежде чем я скажу хоть что-то правильное. Пусть читатель запасется терпением – терплю же я, когда пишу о том, чего не знаю. И впрямь, иногда я возьму бумагу, а сама дура – дурой, не знаю, что сказать, как начать»*.

Итак, все это в своем единстве попадает в чистилище.

Чистилище (лат. *Purgatorium*), согласно католическому вероучению, — состояние, в котором пребывают души людей, которые умерли в мире с Богом, но нуждаются в очищении от последствий совершённых при жизни грехов.

Веру в чистилище традиция обнаруживает уже у ветхозаветных евреев.

Согласно учению Католической церкви о чистилище, крещёный человек, совершивший грех и получивший прощение или совершивший «простительный» грех, остающийся неотпущенным, как правило, подвергается «временному»

наказанию здесь, после смерти. Человек, умерший добрым христианином, однакоотягощённый бременем лёгких грехов, не позволяющих беспрепятственно войти в Царствие Божие, претерпевает врёменную стадию очищения и лишь затем наследует Небо.

Катехизис Католической церкви говорит: «Те, кто умирает в благодати и дружбе Божией, но не совершенно очищенными, хотя им и обеспечено вечное спасение, после смерти претерпевают очищение, чтобы обрести святость, необходимую для вступления в радость небесную. Церковь называет чистилищем это конечное очищение избранных, совершенно иное, нежели наказание проклятых.»

Согласно учению Католической церкви, эта истина подтверждается Священным Писанием: «Сделав же сбор по числу мужей до двух тысяч драхм серебра, он послал в Иерусалим, чтобы принести жертву за грех, и поступил весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресении; ибо, если бы он не надеялся, что павшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, - какая святая и благочестивая мысль! Посему принес за умерших умиловительную жертву, да разрешатся от греха.» (2Мак. 12:43-45)

Поскольку возможно приносить за умерших умиловительную жертву, это должно означать, что их души не пребывают ни в аду, ни в раю, так как достигшие спасения не нуждаются в молитвах живых, а осуждённым на вечное проклятие такие молитвы не помогут. Таким образом, считается, что души умерших пребывают в таком состоянии, где молитвы ещё могут им помочь «разрешиться от греха».

Апостол Павел в Первом послании к Коринфянам пишет: «Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит. Тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.» (1Кор. 3:13-15)

Считается, что с началом Страшного суда чистилище будет упразднено, однако до тех пор грешники остаются в подобном состоянии до полного очищения от всего, что препятствовало им единению с Богом.

В современном богословии о чистилище говорится не как о месте, а как о процессе очищения, к которому не применяются земные временные характеристики. Этот процесс современные богословы рассматривают не в терминах наказания за грех или выплаты долга, а в терминах духовного роста.

Православие отрицает существование чистилища. Согласно учению Православной церкви состояние душ умерших людей — предначинание вечного блаженства или вечных мук. При этом православные христиане считают, что Всемиловитый Бог всё-таки может облегчить вечную участь грешников, и даже сделать их сонаследниками Царства небесного, если за этих грешников будет усердно молиться Церковь и оставшиеся ещё в живых на Земле (их родственники или благочестивые знакомые). Сербский старец Фаддей Витовницкий говорил: «Как только кончается телесная жизнь человека, он теряет право молиться за себя, потому что время его покаяния истекло, за него могут молиться перед Богом только другие. Те души, которые упокоились в

надежде на воскресение, но пали на мытарствах, ждут молитв святой Церкви и своих сродников о том, чтобы Господь освободил их от мысленных уз и адских свойств, от которых они не смогли освободиться при жизни. Это „промежуточное состояние“ душ западная церковь называет „чистилищем“».

Честно говоря, мне чистилище кажется просто необходимым – все мы в той или иной степени грешны и очень часто даже не осознаем, что согрешили, а если не осознаем – то и не каемся... И тогда все мы обречены на ад... Как-то не просвечивает здесь милосердие Божье...

Чистилище, которое знаю я, можно представить себе (помня, однако, обо всех ограничениях ассоциативного мышления) как зеркало, в котором отражается человек, увиденный глазами Бога, или иначе – Божественный замысел об этом человеке. Но отражение туманное, лишь слегка проступающее сквозь мутные пятна. Эти пятна – грехи, ошибки, проступки человека, которые исказили замысел. Для того, чтобы попасть в рай, необходимо очистить отражение, то есть привести себя в соответствие с изначальным замыслом. Этого можно достичь поняв каждый свой грех, признав его и раскаявшись. Если это удастся сделать, соответствующий фрагмент отражения проясняется.

Что значит «понять»? За каждым пятном кроется конкретный момент жизни человека, в который он поступил (или помыслил) неправильно. И понять, что же именно он сделал неправильно, далеко не всегда просто, мы уже говорили, сколь многозначны наши ошибки.

Но понять – мало, надо признать свою ошибку. И для многих это оказывается просто невозможным! Я знакома со многими людьми, которые говорили, например: «Ну, не убий, не укради – это понятно, но вот с «не прелюбодействий» - это Господь переборщил, я это грехом не считаю!» Однако гораздо труднее признать ошибку, если поступок кажется прямо-таки святым. В очень важной и нужной книге «Расторжение брака» К. С. Льюиса в аду оказываются две женщины:

«Слышали мы и такой разговор:

— Нет, нет, об этом и речи быть не может! — говорила еще одна призрачная дама светлой женщине. — И не подумаю остаться, если надо с ним встретиться. Конечно, как христианка, я его прощаю. А большего не проси. И вообще, как он тут очутился? Хотя это дело ваше...

— Ты его простила, — начала женщина, — значит...

— Простила как *христианка* — уточнила еще раз дама. — Но есть вещи, которых забыть нельзя.

— Я не понимаю, — снова начала женщина.

— Вот именно! — дама горько усмехнулась. — Кто, как не ты, твердила, что Роберт ничего плохого не сделает? Нет, нет, помолчи хоть минуту!.. Ты и не представляешь, что я вынесла с твоим Робертом. Я из него человека сделала! Я ему жизнь отдала! А он? Эгоизм, сплошной эгоизм. Нет, ты слушай, когда я за него вышла, он получал сотен шесть. И до смерти бы их получал, если бы не мои заботы. Я его буквально тащила за руку. У него абсолютно нет честолюбия, его тащить — как мешок с углем. Я его силой заставила поступить на другую работу. Мужчины такие лентяи... Можешь себе представить — он говорил, что не может

работать больше тринадцати часов в день! А я что, меньше работала? У меня все часы — рабочие, да. Я его весь вечер подгоняла, а то, дай ему волю, он бы завалился в кресло и сидел. От него помощи не дождешься. Иногда он меня просто не слышал. Хоть бы из вежливости... Он забыл, что я дама, хотя и вышла замуж за *него*. День и ночь я билась, чтобы ему угодить. Я часами расставляла цветы в этой дыре, а он? Нет, ты не поверишь! Говорил, чтобы я не ставила их на письменный стол. Он чуть не взбесился, когда я опрокинула вазу на его писанину. Он, видите ли, хотел книгу написать... Куда ему! Ну, я дурь из него выбила. Нет, Хильда, ты слушай. А гости! Он все норовил уйти к этим своим «друзьям». Я-то знала, я-то сразу поняла, что от этих друзей мало толку. И я сказала: «Роберт! Твои друзья — это мои друзья. Мой долг — принимать их здесь, как бы я ни устала, и как бы мы ни были бедны.» Да. Казалось бы, ясно. Но они явились. Тут уж мне понадобился такт и такт. Умная женщина умеет во-время сказать словечко. Я хотела, чтобы он увидел их на другом фоне. Им у меня было не по себе... Не очень уютно. Бывало, смотришь и смеешься. Конечно, пока лечение не кончилось, и Роберту было не по себе. Но ведь это для его же блага! И года не прошло, как всех его друзей разогнало!

Поступил он на новую службу. И что же ты думала! Он говорит: «Ну, теперь хоть оставь меня в покое!»... То есть как? Я чуть не кончилась. Я чуть не бросила его... но я — человек долга. Как я над ним билась, чтобы его перетащить в просторный дом! И ничего, ни капли радости! Другой бы спасибо сказал, когда его встречают на пороге и говорят: «Вот что, Боб. Обедать нам некогда. Надо идти смотреть дом. За час управимся!» А он! Истинное мучение... К этому времени твой драгоценный Роберт ничем не интересовался, кроме еды.

Ну, притащила я его в новый дом. Да, да, сама знаю! Он был для него великоват, не совсем по средствам. Но я завела приемы! Нет, уж увольте, *его* друзей я не звала. Я звала нужных людей, для него же и нужных. Тут уж всякому ясно, приходится быть элегантной. Казалось бы, чего ему еще? Но с ним просто сил не было, никаких сил! Постарел, молчит, ворчит... Скажи: зачем он сутулился? Я ему вечно твердила: распрямись! А с гостями? Все я, все я одна. Я ему сотни раз говорила, что он изменился к худшему. Я вышла замуж за живого молодого человека, общительного, даровитого... Я вечно спрашивала: «Что с тобой творится?!» А он вообще не отвечал. Сидит, уставится на меня своими черными глазами (я просто возненавидела черноглазых мужчин) и ненавидит меня, да, теперь я знаю, ненавидит. Вот и вся благодарность. Никаких чувств, ни капли нежности — а он ведь к тому времени вышел в люди! Я ему вечно твердила: «Роберт, ты просто разлагаешься!» К нам ходили молодые люди — я не виновата, что я им интереснее, чем он! — так вот, они просто смеялись над ним, да, смеялись!

Я выполнила свой долг до конца. Я купила дога, чтобы Роберт с ним гулял. Я каждый вечер звала гостей. Я возила его повсюду. Когда все было из рук вон плохо, я даже разрешила ему писать, вреда это уже не принесло бы. Что ж, я виновата, если у него случился этот криз? Моя совесть чиста. Я свой долг выполнила, да мало кто его так выполнял. Теперь ты видишь, почему я не могу...

Нет, постой: вот что, Хильда. *Встретиться* я с ним не хочу, то есть —

встретиться, и все. Но я согласна о нем заботиться. Только вы уж не вмешивайтесь. Впрочем, времени тут много, чего-нибудь, может, и добьюсь... Один он не справится. Ему нужна твердая рука. Что, что? Нет, нет, давай его сюда, слышишь? Мне так плохо! Мне нужно кого-то... э-э... опекать. Я там одна, никто со мной не считается! А Роберта я переделаю! Это просто ужасно, вы все тут торчите, а толку от вас нет! Дайте его мне! Ему вредно жить по своей воле. Это нечестно, это безнравственно. Где мой Роберт?! Какое вы имели право его прятать?! Я вас всех ненавижу! Как же я буду его переделывать, если вы нас разлучили?

И призрачная дама угасла, как слабое пламя свечи. Секунду-другую в воздухе стоял неприятный запах, потом не осталось ничего...

Необычайно тяжелой была встреча между еще одной призрачной дамой и светлым духом который, по-видимости, приходился ей братом на земле. Мы застали их, когда они только что увиделись — Дама говорила с явным огорчением:

— Ах, это ты, Реджинальд!

— Да, это я, — сказал Дух, — я знаю, что ты не меня ждала, но ты обрадуйся и мне... Хоть ненадолго.

— Я думала, меня Майкл встретит, — сказала Дама и резко спросила: — Он хоть здесь?

— Он там, — отвечал Дух, — Далеко в горах.

— Почему он меня не встретил? Ему не сообщили?

— Сестричка, ты не волнуйся... Он бы тебя не увидел и не услышал. Но скоро ты изменишься...

— Если ты меня видишь, почему мой собственный сын не увидит?

— Понимаешь, я привык, это моя работа.

— А, работа! — презрительно сказала Дама. — Вот оно что! Когда же мне разрешат на него взглянуть?

— Тут дело не в разрешении, Пэм. Когда он сможет разглядеть тебя, вы увидите. Тебе надо... Поплотнеть немного.

— Как? — резко и угрожающе спросила Дама.

— Поначалу это нелегко, — начал ее брат, — но потом пойдет быстро. Ты поплотнееешь, когда захочешь чего-нибудь, кроме встречи с Майклом. Я не говорю «больше, чем встречи», это позже придет. А для начала нужно немного, хоть капельку, потянуться к Богу.

— Ты что, о религии? Нашел, знаешь ли, минуту! Ладно, что надо, то и сделаю. Что вы от меня требуете? Говори, говори! Чем я раньше начну, тем скорее меня пустят к моему мальчику.

— Памела, подумай сама! *Так* ты начать не можешь! Для тебя Бог — средство, чтобы увидеть Майкла. А плотнеть мы начинаем только тогда, когда стремимся к Самому Богу.

— Был бы ты матерью, ты бы иначе заговорил.

— То есть, если бы я был *только* матерью. Но этого не бывает. Ты стала матерью Майкла, потому что ты — дочь Божья. С Ним ты связана раньше и

теснее. Памела, Он тоже любит тебя. Он тоже из-за тебя страдал. Он тоже долго ждал.

— Если бы он меня любил, он пустил бы меня к моему сыну. И вообще, если он меня любит, почему он забрал от меня Майкла? Я не хотела об этом говорить, но есть вещи, которые простить нелегко.

— Ему пришлось, Памела. Отчасти — ради Майкла...

— Кто-кто, а я для Майкла все делала! Я ему жизнь отдала.

— Люди не могут долго делать друг другу счастье. А потом — Он и ради тебя это делал. Он хотел, чтобы твоя животная, инстинктивная любовь преобразилась, и ты полюбила Майкла, как Он его любит. Нельзя правильно любить человека, пока не любишь Бога. Иногда удается преобразить любовь, так сказать, на ходу. Но с тобой это было невозможно. Твой инстинкт стал неуправляем, превратился в манию. Спроси дочь и мужа. Спроси свою собственную мать. О ней ты и не думала. Оставалось одно: операция. И Бог отрезал тебя от Майкла. Он надеялся, что в одиночестве и тишине проклюнется новый, другой вид любви.

— Какая чушь! Какая жестокая чушь! Ты *не имеешь права* так говорить о материнской любви. Это — самое светлое, самое высокое чувство.

— Пэм, Пэм, естественные чувства не высоки и не низки, и святости в них нет. Она возникает, когда они подчинены Богу. Когда же они живут по своей воле, они превращаются в ложных богов.

— Моя любовь к Майклу не могла стать плохой, хотя бы мы прожили миллион лет.

— Ты ошибаешься. Придется тебе сказать. Ты встречала — там, в городе — матерей с сыновьями. Счастливы они?

— Такие, как эта Гатри и ее чудовище Бобби — конечно, нет! Надеюсь, ты нас не сравниваешь? Мы с Майклом были бы совершенно счастливы. Я-то не болтала бы о нем, как Уинфред Гартти, пока все не разбегутся. Я не ссорилась бы с теми, кто его не замечает, и не ревновала бы к тем, кто заметил. Я бы не хныкала повсюду, что он со мной груб. Неужели, по-твоему, Майкл мог бы стать таким, как этот Бобби? Знаешь, есть пределы...

— Именно такой становится естественная любовь, если не преобразится.

— Неправда! Какой ты злой, однако! Я его так любила... Только для него и жила, когда он умер...

— И плохо делала. Ты сама это знаешь. Не надо было устраивать этот десятилетний траур — трястись над его вещами, отмечать все даты, держать насильно Дика и Мюриэл в том несчастном доме.

— Конечно, им-то что! Я скоро поняла, что от них сочувствия не жди.

— Ты не права. Дик очень страдал по сыну. Мало кто из сестер так любил брата, как Мюриэл. Их не память о Майкле мучила — их мучила ты, твоя тирания.

— Какой ты злой! Все злые. У меня ничего нет, кроме прошлого...

— Ты сама того хочешь. Но ты неправа. Это египтяне так относились к утрате, бальзамировали тело.

— Конечно! Я неправа! Тебя послушать, я все неправильно делаю!

— Ну, конечно! — обрадовался Дух и засиял так, что глазам стало больно. — Тут мы все узнаем, что всегда были неправы. Нам больше не надо цепляться за

свою правоту. Так легко становится... Тогда мы и начинаем жить.

— Как ты смеешь издеваться? Отдай мне сына! Слышишь? Плевать я хотела на ваши правила! Я не верю в Бога, который разлучает сына с матерью! Я верю в Бога любви. Никто не имеет права нас разлучать! Даже твой Бог! Так ему и скажи. Мне Майкл нужен! Он мой, мой, мой...

— Он и будет твоим, Памела. Все будет твоим, даже Бог. Но ты не то делаешь. Ничем нельзя овладеть по праву природы.

— То есть как? Это же мой сын, плоть от плоти!

— А где сейчас твоя плоть? Разве ты еще не поняла, что природа тленна? Смотри! Солнце всходит. Оно может взойти каждую минуту.

— Майкл — мой!

— В каком смысле — твой? Ты его не сотворила. Природа вырастила его в твоём теле, помимо твоей воли. Да... ты как-то забыла, что ты тогда не хотела ребенка. Майкл — несчастный случай.

— Кто тебе сказал? — перепугалась дама, но тут же взяла себя в руки. — Это ложь. Это неправда. И вообще, не твое дело. Я ненавижу твою веру... Ненавижу твоего Бога... Я его презираю. Я верю в Бога любви.

— Тем не менее, ты не любишь ни нашу маму, ни меня.

— Ах, вон что! Так, так, ясно... Ну, Реджинальд, не ждала! Обидеться на это... Дух засмеялся.

— Бог с тобой! — воскликнул он. — Тут у нас никого нельзя обидеть.

Дама застыла на месте. По-видимому, эти слова поразили ее всего сильнее.

— Идем, — сказал учитель, — пойдем дальше. — И взял меня за руку.

— Почему вы меня увели? — спросил я, когда мы отошли подальше от несчастной дамы.

— У них разговор долгий, — отвечал учитель, — ты слышал достаточно.

— Есть для нее надежда?

— Кое-какая есть. Ее любовь к сыну стала жалкой, вязкой, мучительной. Но там еще тлеет слабая искра, еще не все — сплошной эгоизм. Искру эту можно раздуть в пламя.

— Значит, одни естественные чувства хуже других?

— И лучше, и хуже. В естественной любви есть то, что ведет в вечность, в естественном обжорстве этого нет. Но в естественной любви есть и то, за что ее можно принять за любовь небесную, и на этом успокоиться. Медь легче принять за золото, чем глину. Если же любовь не преобразишь, она загниет, и гниение ее хуже, чем гниение мелких страстей. Это — сильный ангел, и поэтому — сильный бес.

— Не знаю, можно ли говорить об этом на земле. Меня обвинили бы в жестокости. Мне сказали бы, что я не верю в человека... что я оскорбляю самые светлые, самые святы чувства...

— Ну и пусть говорят, — сказал учитель.

— Да я и не посмел бы, это стыдно. Нельзя пойти к несчастной матери, когда ты сам не страдаешь.

— Конечно, нельзя, сынок. Это дело не твое. Ты не такой хороший человек. Когда у тебя самого сердце разобьется, тогда и поглядим. Но кто-то должен вам

напомнить то, что вы забыли — любовь, в вашем смысле слова — еще не все. Всякая любовь воскреснет здесь, у нас, но прежде ее надо похоронить.»

Они не смогли принять свои ошибки как таковые, а если так, то не смогли и раскаяться.

Раскаяться – это не просто посожалеть о случившемся. Любая наша ошибка причинила вред либо нам самим, либо кому-то другому. Мы увидим последствия наших ошибок, и это очень тяжело. Хуже всего видеть тех, кого мы ввели во искушение, в чьих грехах есть и наша вина...

Пребывание в чистилище – это очень неприятное, болезненное, какое-то гнусное, что ли, состояние. Иногда начинаешь так презирать себя, так ненавидеть, что сам приходишь к выводу, что достоин только ада. Но именно в этот миг отражение слегка очищается...

Чистка зеркала – занятие крайне трудоемкое, порой начинает казаться, что нам никогда не справиться. Могу дать совет: многие ошибки имеют один и тот же корень (например, гордыня). Проще, быстрее, хотя и болезненней – попытаться не перебирать ошибку за ошибкой, а удалить сам корень... С ним удаляться и все порожденные им пятна. (Еще один совет, уже для земной жизни: почаще вглядывайтесь в себя, судите себя сами – жестко и без поиска оправданий. Тогда пятен будет значительно меньше).

Да, это больно, противно и трудно, но я не знаю слов, чтоб описать ту радость, когда хотя бы крохотный фрагмент отражения очищается... А уж когда оно очищается все!...

Можно сделать и другой выбор. Можно отказаться от этого занятия. Это ключевой момент нашей судьбы: мы сами предпочитаем ад, нас никто и ни за что не наказывает. Это наш свободный выбор.

И еще одно: у каждого свое чистилище, как и свои рай и ад. Я рассказала о своем. В фильме “Куда приводят мечты” главный герой, Крис, тоже попадает в чистилище, и оно совсем иное, очень красивое и спокойное. Крис своей героической смертью искупил мелкие грехи, остался один, самый главный, - его любовь к жене, затмевающая от него все, даже собственных детей, которых он далеко не сразу узнает, не говоря уж о Боге. Но он не сумел это понять, и рай – рай его детей – оказался для него закрыт...

- Мне нужна Энни.

- Это изменится со временем, Крис.

- Время... здесь не существует! И куда бы оно ни шло, оно не сделает Энни менее необходимой для меня.

- Ты будешь чувствовать иначе, Крис, и она тоже!

- Мари! Эй, смотри, это Тигра! Моей дочки! Кэти однажды его порвала и... Она здесь, правильно? Где она?

- Крис, здесь каждому хватает места для своего собственного мира. Но не из-за этого ты ещё не видел своих детей, не так ли?

- Я хочу видеть детей, Альберт!

- Когда захочешь - увидишь.

- Знаете, во плоти я выглядела не так. Однажды мы летели в Сингапур. И мой папа улыбнулся стюардессе, которая... выглядела вот так и носила значок с именем Леона. Он сказал, что азиатки такие... симпатичные... изящные... умные.

Он не имел в виду - только они.

Знаю. Просто он так сказал. И я подумала, когда вырасту большой, хочу стать вот такой.

Ты ещё играешь в шахматы?

Думаю, я ждала своего партнёра.

В его очень красивом чистилище ему все время чего-то не хватало, он видел чьи-то следы, чьи-то силуэты, но во всем он видел только свою жену, каждый раз ускользающую... Поэтому не удивляйтесь, когда ваше чистилище окажется непохожим ни на мое, ни на Крисово...

Давайте двинемся дальше. Где-то между чистилищем и адом находится лимб.

Лимб (лат. *limbus* — рубеж, край, предел) — термин, использовавшийся в средневековом католическом богословии и обозначавший состояние или место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем.

Согласно представлениям о лимбе, в нём пребывают души тех, кто не заслужил ада и вечных мук, но не может попасть в рай по независящим от него причинам. Считалось, что в лимбе пребывают души добродетельных людей, умерших до пришествия Иисуса Христа (*limbus patrum* — лимб праотцов, то есть предел античных праведников), а также души некрещёных младенцев (*limbus puerorum* — лимб младенцев). Понятие о лимбе широко распространилось в западном богословии начиная с XIII века.

В «Божественной комедии» Данте лимб — это первый круг ада, где вместе с некрещёными младенцами пребывают добродетельные нехристиане — философы, поэты и врачи античности, а также герои языческого мира.

О существовании места, которое можно было бы назвать лимбом, писали и некоторые отцы Церкви. Так, в IV веке Григорий Назианзин писал: «Иные не имеют возможности даже и принять дара [крещения] или по малолетству, или по какому-то совершенно независящему от них стечению обстоятельств... [Они] не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны; потому что, хотя и незапечатлены, однако же и не худы и больше сами потерпели, нежели сделали вреда. Ибо не всякий, недостойный наказания, достоин уже и чести; равно не всякий, не достойный чести, достоин уже наказания».

В современном католическом богословии понятие о лимбе младенцев отвергнуто. 20 апреля 2007 года Ватикан опубликовал документ, в котором содержится вывод о том, что учение о лимбе представляет «неподобающе ограничительный взгляд на спасение», в то время как Бог милосерден и «желает спасения всем людям».

Лимб – это очень нужное и хорошее пространство! Всем нам знакомы честные, порядочные атеисты, и было бы совсем неправильно, немилосердно, прямо сразу отправлять их в ад! Ну, не встретили они при жизни Бога – жили в таком государстве, были так воспитаны в семье, много может быть причин. А еще есть умственно отсталые и психически больные – они ведь не сами решили заболеть,

за что их в ад?..

Про лимб я мало что знаю – только то, что в чистилище попадают верующие (и не только христиане, зависит от того, в кого или во что они верят), а в лимб – неверующие или верящие во что-то или в кого-то, абсолютно отличного от Бога. При этом в число неверующих попадает и множество тех, кто официально принадлежит к какой-то религии или сам себя к ней причисляет, потому что Бог смотрит на душу человека, а не на справку о крещении или на количество посещений церкви. Однажды в интервью мой собеседник сказал, что он православный. Я поинтересовалась, к какому приходу он принадлежит, на что он ответил: «Да вообще-то я неверующий, просто православный»...

Так вот, в лимбе всем этим людям дается шанс уверовать. Если им это удастся, они перемещаются в чистилище, если нет – ну, это их выбор...

А теперь отправимся в ад. Правда, про ад я тоже знаю не очень много. Поэтому послушаем пока умных людей.

Ад упоминается в Новом Завете как загробное место мучений грешников (Лк. 16:23; 1Кор. 15:55; Отк. 6:8; Отк. 20:13). Ад наполнен пламенем и представляет собой место страданий. Также упоминается о «вратах ада» (Мф. 16:18). В синодальном переводе ад является синонимом преисподней (Пс. 85:13; Пс. 87:4). В Апостольском Символе веры выражена идея сошествия Христа в Ад ради спасения грешников.

В православии понятие ад равносильно словам геенна огненная, тартар, вечные муки, место окончательного пребывания грешников послеконца мира, и т.п. О вечности посмертных мучений грешников многократно и однозначно говорит сам Бог, Воплотившийся в лице Иисуса Христа.

Как устроен ад: Краткий путеводитель

Пройдя сквозь лес, вы попадете в преддверие ада, в «таинственные сени». Это мрачное и тяжелое место, где заключены души тех, «что прожили, не зная ни славы, ни позора смертных дел». Таких оказывается довольно много. В единый гул сливаются «обрывки всех наречий», на которых стонут и голосят эти люди, всю жизнь бывшие ни горячими, ни холодными, но только теплыми. Эти ничтожные души терзают целые гои слепней и ос. Из ран, мешаясь со слезами, капает кровь, которую пожирают полчища червей. Здесь же заключены и ангелы, которые, не восстав против Господа, не приняли и сторону Вельзевула, предпочтя осторожный нейтралитет. С тех незапамятных времен их «печальную стаю» исторгли небеса, но и ад не принимает... (Джон Мильтон)

Египетский ад

Куда страшнее все обернется, если вы попадете в загробный мир древних египтян, где царит Осирис. Сидя на троне, он председательствует на суде, который взвешивает поступки новоприбывших душ. Вводит их сюда бог жизни Хор.

Зал судилища огромен — это весь небесный свод. Согласно указаниям Египетской книги мертвых, в нем следует соблюдать целый ряд правил. Подробно перечислите грехи, которые вы успели совершить при жизни. После

этого вам предложат оставить о себе память и помочь родственникам, изобразив на свитке папируса сцену суда. Если ваш художественный талант окажется на высоте, остаток вечности вы проведете здесь же, участвуя в делах Осириса и его многочисленной божественной родни. Остальных ждет жестокая казнь: их бросают на съедение Аммату, чудовищу с телом бегемота, лапами и гривой льва и крокодильей пастью. Впрочем, и счастливчики могут оказаться в его пасти: время от времени происходят «зачистки», при которых дела подопечных душ снова пересматриваются. И если родственники не снабдили соответствующими амулетами, вы наверняка будете съедены безжалостным монстром.

Греческий ад

Попасть в загробное царство греков еще проще: вас унесет сам бог смерти Танатос, который доставляет сюда все «свежие» души. Во время больших сражений и битв, где в одиночку ему, видимо, не справиться, Танатосу помогают крылатые Керры, переносящие павших в царство вечно мрачного Аида.

На дальнем западе, у края света, простирается безжизненная равнина, кое-где поросшая ивами и тополями с черной корой. За ней, на дне пропасти, открывается мутная трясина Ахерон. Она сливается с черными водами Стикса, девять раз опоясывающего мир мертвых и отделяющего его от мира живых. Даже боги остерегаются нарушать клятвы, данные именем Стикса: воды эти священны и безжалостны. Они вливаются в Коцит, реку плача, дающую начало Лете, реке забвения.

Пересечь русло Стикса вы сможете в лодке старика Харона. За свой труд он берет с каждого по мелкой медной монете. Если же у вас нет денег, останется только ожидать конца времен у входа. Лодка Харона пересекает все девять потоков и высаживает пассажиров в обители мертвых. Здесь вас встретит огромный трехглавый пес Цербер, безопасный для входящих, но свирепый и безжалостный к тем, кто пытается вернуться в солнечный мир. На обширной равнине, под ледяным ветром, в числе прочих теней спокойно ожидайте своей очереди. Неровная дорога ведет к чертогу самого Аида, окруженному огненным потоком Флегетоном. Мост над ним упирается в ворота, стоящие на алмазных колоннах. За воротами — сделанный из бронзы огромный зал, где восседает сам Аид и его помощники, судьи Минос, Зак и Радамант. Между прочим, все трое когда-то были людьми из плоти и крови, как мы с вами. Они были справедливыми царями и правили своими народами так удачно, что после смерти Зевс сделал их судьями над всеми мертвыми.

С большой вероятностью справедливые судьи низвергнут вас еще ниже, в Тартар — царство боли и стонов, расположенное глубоко под дворцом. Здесь вам придется познакомиться с тремя сестрами-старухами, богинями мщения Эринниями, которых Аид поставил присматривать за грешниками. Вид их ужасен: синие губы, с которых капает ядовитая слюна; черные плащи, подобные крыльям летучих мышей. С клубками змей в руках они носятся по подземелью, факелами освещая себе путь, и следят за тем, чтобы каждый полностью испил чашу положенной ему кары. Среди других «коренных жителей» Тартара — крадущая детей Ламия, трехглавая Геката, демон ночных кошмаров, пожиратель трупов

Эврином. Тиран Иксион навечно прикован к огненному колесу. Прикованного великана Тития, оскорбившего нежную Лето, клюют два грифа. Богохульник Тантал по горло погружен в свежайшую чистую воду, но как только он, терзаемый жаждой, наклонится, она отступает от него. Убившие своих мужей Данаиды принуждены бесконечно наполнять дырявый сосуд. Изворотливый Сизиф, когда-то обманувший и духа смерти Танатоса, и несговорчивого Аида, и самого Зевса, катит в гору камень, который срывается всякий раз, как только приблизится к вершине.

Христианский ад

Образы христианского ада во многом вдохновлены древними греками. Именно у христиан география ада изучена наиболее детально. Добраться туда несколько сложнее. Уже в апокрифических книгах — тех, что не вошли в Священное Писание или были исключены из него позднее, — высказывались различные мнения о местоположении ада. Так, самого дьявола «Книга Еноха» помещает в восточной безжизненной пустыне, где Рафаил «делает отверстие», в которое опускает его, связанного по рукам и ногам, и приваливает сверху камнем. В конце VI века папа Григорий Великий, различая два ада — верхний и нижний, — помещал один на земле, второй под нею.

В своей книге о природе ада вышедшей в 1714 году, английский оккультист Тобиас Суинден поместил ад на солнце. Свое предположение он мотивировал одновременно существовавшими тогда представлениями о нашем светиле как об огненном шаре и цитатой из Апокалипсиса («Четвертый Ангел вылил чашу свою на Солнце: и дано было ему жечь людей огнем»). А его современник и последователь Уильям Уистон объявлял адом все небесные кометы: попадая в околосолнечные раскаленные области, они поджаривают души, а отдаляясь — замораживают. Самое широкое признание получило представление о том, что ад расположен в центре Земли и имеет как минимум один выход на поверхность. Скорее всего, этот выход расположен на севере, хотя встречаются и другие мнения. Так, старинная поэма о странствиях ирландского святого Брендана повествует о его путешествии на крайний запад, где он и находит не только райские кущи, но и места мучений грешников.

И на небе, и под землей, и на самой земле помещен ад в апокрифическом «Хождении Богородицы по мукам». Книга эта изобилует подробнейшими описаниями наказаний. Попросив Бога разогнать полный мрак, окутывающий страдающих на западе, Мария видит, как раскаленная смола изливается на неверующих. Здесь же в облаке огня мучаются те, кто «на рассвете в воскресенье спят как мертвые», а на раскаленных скамьях сидят те, кто при жизни не стоял в церкви. На юге в огненную реку погружены другие грешники: проклятые родителями — по пояс, блудники — по грудь, и по горло — «те, кто ел мясо человеческое», то есть изменники, бросившие детей на съедение зверям или предавшие братьев перед царем. Но глубже всех, до темени, погружены клятвопреступники. Богоматерь видит здесь и другие наказания, причитающиеся любителям наживы (подвешиваются за ноги), сеятелям вражды и клхристианский адеветникам (подвешиваются за уши). В «левой части рая», в бушующих волнах кипящей смолы, терпят муки распявшие Христа иудеи.

В области предвечного хаоса располагает ад Джон Мильтон, автор поэмы «Потерянный рай». Согласно его концепции, Сатана был низвергнут еще до сотворения земли и неба, а значит и ад находится вне этих областей. Сам дьявол восседает в Пандемониуме, «блистательной столице», где принимает виднейших демонов и бесов. Пандемониум — огромный замок с залами и портиками, выстроенный тем же зодчим, что и чертог Царя Небесного. Ангел-архитектор, примкнувший к воинству Сатаны, был изгнан с небес вместе с ним. Мириады духов мечутся по коридорам дворца, кишат в земле и воздухе. Их так много, что разместиться им позволяет только сатанинское колдовство.

Еще больше способен запутать средневековый христианский теолог Эмануэль Сведенборг. Он различал три разных ада, соответствующих трем уровням небес. И поскольку Бог властвует над всем, все три ада управляются им через специально делегированных ангелов. По его мнению, вообще не существует Сатаны как владыки царства зла. Дьявол в понимании Сведенборга — собирательное именование наиболее опасных «злых гениев»; Вельзевул объединяет духов, стремящихся к господству даже на небесах; Сатана же означает духов «не столь злых». Все эти духи ужасны на вид и, подобно трупам, лишены жизни. Лица некоторых черны, у других огненны, у третьих «безобразны от прыщей, нарывов и язв; у весьма многих лица не видно, у других торчат только одни зубы». Дьявольская пасть, ведущая в зловонную преисподнюю, — именно такой путь ждет грешников.

Не стоит чересчур доверяться мнению некоторых авторов, которые утверждают, будто вход в ад может быть и заперт. Христос в «Апокалипсисе» произносит: «имею ключи ада и смерти». Но Мильтон утверждает, что ключи от Геенны (видимо по поручению Иисуса) хранит страшная полуженщина-полужмея. На поверхности земли ворота могут выглядеть вполне безобидно, как яма или пещера, или же как жерло вулкана. Согласно Данте Алигьери, автору «Божественной комедии», написанной в начале XIV века, души могут попадать в ад, пройдя через густой и сумрачный лес.

Поэма эта — самый авторитетный источник об адском устройстве. Структура преисподней описана во всей ее сложности. Ад «Божественной комедии» — это туловище Люцифера, внутри он имеет воронкообразную структуру. Начав путешествие по аду, Данте и его проводник Вергилий спускаются все глубже и глубже, никуда не сворачивая, и в итоге оказываются в том же месте, откуда вступили в него. Странность этой адской геометрии заметил еще знаменитый русский математик, философ и теолог Павел Флоренский. Он весьма аргументировано доказал, что ад Данте основан на неевклидовой геометрии. Как и вся Вселенная в представлениях современной физики, ад в поэме имеет конечный объем, но не имеет границ, что было доказано (теоретически) швейцарцем Вейлем.

Мусульманский ад

Похожа на христианский ад и преисподняя, которая ожидает мусульман. Среди историй «Тысячи и одной ночи» рассказывается о семи ее кругах. Первый предназначен для правоверных, умерших неправой смертью, второй — для вероотступников, третий — для язычников. Джинны и потомки самого Иблиса

населяют четвертый и пятый круги, христиане и иудеи — шестой. Самый внутренний, седьмой круг ждет лицемеров. Прежде чем попасть сюда, души ожидают великого Судного дня, который наступит в конце времен. Впрочем, им самим ожидание не кажется долгим.

Как и большинство других грешников, посетители исламского ада вечно поджариваются на огне, причем всякий раз, как кожа их обгорает, она вырастает заново. Здесь растет дерево Заккум, плоды которого, подобные головам дьявола, составляют пищу наказуемых. Не стоит пробовать местную кухню: эти плоды бурлят в животе, как расплавленная медь. Питающихся ими терзает непереносимая жажда, однако единственный способ утолить ее — пить кипяток такой зловонный, что им «растопляются внутренности и кожа». Словом, это очень, очень жаркое место. К тому же Аллах даже увеличивает тела кяфиров, усиливая их мучения.

Честно говоря, ни одна из описанных преисподних не вызывает у нас добрых чувств, особенно в сравнении с нашим тесным, но в целом уютным миром. Так что куда именно отправиться — решать вам. Однако надеемся, что наш беглый обзор поможет всем, оказавшимся там, быстро сориентироваться и приветствовать свою новую вечность словами Джона Мильтона: «Привет тебе, зловещий мир! Привет, геенна запредельная!»

Видимо, огненные муки грешников порождены евангельским соотношением ада с гееной огненной.

Что такое геенна? Иисус Христос говорил на языке, понятном людям того времени. Что такое геенна - знал каждый. Это слово означало „долина Енномова„. Эта долина располагалась сразу за стеной Иерусалима, и во времена отступления еврейского народа от Бога Истинного, в этой долине приносились кровавые жертвы идолу - богине Астарте. Долина была превращена в гигантскую свалку трупов и нечистот, на ней постоянно поддерживался огонь для уничтожения отходов, и черный дым из геенны был виден за много километров вокруг. Эта долина навевала чувство ужаса и глубокого отвращения на любого человека, кто появлялся в ней.

Некоторые христианские философы полагают, что страдания грешников в Аду не вечные.

По мнению Оригена, *«Христос останется на кресте и Голгофа продолжится до тех пор, пока хоть одно существо останется в Аду».*

Некоторые христианские философы (и я в их числе) полагают, что адские страдания несовместимы с совершенной благостью Бога.

«Невозможно примириться с тем, что Бог мог сотворить мир и человека, предвидя ад, что он мог предопределить ад из идеи справедливости, что он потерпит ад как особый круг дьявольского бытия наряду с Царством Божьим. С божественной точки зрения это означает неудачу творения. Ад объективированный, как особая сфера вечной жизни, совершенно нетерпим, немыслим и просто несоединим с верой в Бога. Бог, сознательно допускающий вечные адские муки, совсем не есть Бог, он скорее походит на дьявола.

Вера в Христа, в Христово Воскресение и есть вера в победимость ада. Вера же в вечный ад есть, в конце концов, неверие в силу Христа, вера в силу дьявола. Вне

Христа трагическая антиномия свободы и необходимости неразрешима, и ад в силу свободы остается необходимым.» (Николай Бердяев)

Мой ад очень похож на тот, который описан в «Расторжении брака», поэтому дам сначала обширную цитату.

Почему-то я ждал автобуса на длинной уродливой улице. Смеркалось, шел дождь. По таким самым улицам я бродил часами, и все время начинались сумерки, а дождь не переставал. Куда бы я ни шел, я видел грязные мебелишки, табачные ларьки, длинные заборы, с которых лохмотьями свисали афиши, и те книжные лавчонки, где продают Аристотеля. Людей я не встречал. В городе как будто не было никого, кроме тех, кто ждал автобуса.

Мне сразу повезло. Не успел я встать, как маленькая бойкая женщина прямо передо мной раздраженно сказала спутнику:

— Ах, так? А я возьму и не поеду! — и пошла куда-то.

— Не думай, — с достоинством возразил мужчина, — что мне это нужно. Ради тебя стараюсь, чтоб шуму не было. Да разве кому-нибудь до меня есть дело? Куда там...

И он ушел. «Смотри-ка, — подумал я, — вот и меньше на два человека».

Теперь я стоял за угрюмым коротышкой, который, метнув на меня злобный взгляд, сказал соседу:

— Из-за всего этого хоть не езжай...

— Из-за чего именно? — спросил его высокий краснолицый мужчина.

— Народ черт знает какой, — пояснил коротенький.

Высокий фыркнул и сказал не то ему, не то мне:

— Да плюньте вы! Нашли кого бояться.

Я не реагировал, и он обратился к коротенькому:

— Значит, плохи мы для вас?

И тут же ударил его так сильно, что тот полетел в канаву.

— Ничего, ничего, пускай полежит, — сказал он неизвестно кому, — я человек прямой, не дам себя в обиду.

Коротенький не стремился занять свое место. Он медленно заковылял куда-то, а я не без осторожности встал за высоким. Тут ушли под руку два существа в брюках. Оба визгливо хихикали (я не мог бы сказать, кто из них принадлежит к какому полу), и явно предпочитали друг другу места в автобусе.

— Ни за что не втиснемся!.. — захныкал женский голос человека за четыре до меня.

— Уступлю местечко за пять монет, — сказал кто-то.

Зазвенели деньги. Раздался визг, потом хохот. Женщина кинулась на обманщика, очередь сомкнулась, и место ее исчезло. Когда пришел автобус, народу оставалось совсем немного. Автобус был прекрасен. Он сиял золотом и чистыми, яркими красками. Шофер тоже сиял. Правил он одной рукой, а другой отгонял от лица липкий туман.

Очередь взвыла:

— Ничего устроился!

— Форсу-то, форсу!

— Ух, смазал бы я его!

Шофер, на мой взгляд, не оправдывал таких эмоций, разве что твердо и хорошо вел машину. Люди долго давили друг друга в дверях, хотя там было достаточно места. Я вошел последним. Пол автобуса оказалось пустым, я сел в сторонке, не проходя вперед. Однако тут же ко мне подсел косматый человек, и автобус тронулся.

— Вы, конечно, не возражаете, — сказал косматый. — Я сразу увидел, что вы смотрите на них, как я. Не пойму, чего они едут! Им там не понравится. Сидели бы тут. Вот мы — дело другое.

— А тут им нравится? — спросил я.

— Да как везде, — отвечал он. — Кино есть, ларьки есть, всякие развлечения. Никакой интеллектуальной жизни. Но что им до того? Со мной, конечно, произошла ошибка. Надо бы мне сразу уехать, но я пытался их расшевелить. Нашел кое-кого из старых знакомых, хотел создать кружок... Ничего не вышло. Опустились. А сейчас — одна спесь, одно самомнение. Когда я стал читать свои стихи... Поймите, надо бы и вам взглянуть.

Я с ужасом увидел, что он вынимает из кармана очень много покрытых машинописью листов, и начал быстро объяснять, что забыл очки, но сам себя перебил.

— Смотрите-ка, — воскликнул я, — мы летим. Действительно, мы летели. Под нами сквозь мглу и дождь виднелись мокрые крыши, и крышам этим не было конца.

Косматый поэт недолго терзал меня, беседу нашу прервали, но узнал я о нем довольно много. Как выяснилось, ему удивительно не повезло. Родители не понимали его, ни в одной из пяти школ не разглядели и не оценили его дарований. К довершению бед, он был из тех, кому абсолютно не подходит экзаменационная система. В университете он догадался, что несправедливости эти не случайны, а вызваны нашей экономической системой. Капитализм, оказывается, не только порабощает рабочих, но и портит вкус, и притупляет ум. Догадавшись об этом, он стал коммунистом, но тут Россия заключила союз с капиталистическими странами, он снова оказался не у дел, и уклонился от призыва. Неприятности, связанные с этим, его вконец озлобили. Он решил ехать в Америку, но Америка вступила в войну. Тогда он понял, что новая поэзия найдет приют лишь в Швеции, но бюрократия и мещане его туда не пустили. Туго было и с деньгами. Отец, человек тупой и отсталый, давал ему гроши. И девушка его обидела. Он думал, она взрослый, современный человек, а она мещанка с моногамным комплексом. В общем, больше выдержать он не мог. Он бросился под поезд.

Я вздрогнул, но он не заметил этого.

Однако, ему и тут не повезло. Его направили в серый город. По ошибке, конечно. «Вот увидите, — сказал он, — обратно поедут все, кроме меня». Он-то останется. Он знает, что там его, конечно, ждет слава...

По всему автобусу негромко кипели склоки и одна, в конце концов, перекипела через край. Засверкали ножи, засвистели пули, но никого не ранило. Когда все утихло, я оказался цел и невредим, но почему-то на другом месте. И сосед у меня был другой, неглупый с виду, толстоносый, в котелке. Я выглянул в

окно. Мы поднялись так высоко, что внизу все слилось воедино. Я не различал ни рек, ни полей, ни гор, и мне показалось, что под нами, куда ни глянь — улицы серого города.

— Какой-то город дурацкий, — начал я, — ничего не пойму! На улицах никого нет. А раньше тут было много народу?

— Нет, — отвечал толстоносый. — Дело в том, что у нас здесь все очень склочные. Прибудет кто-нибудь, поселится и сразу поссорится с соседом. За неделю доходит до того, что рядом жить нельзя. Места много, все уже переругались и уехали. Селится он на соседней улице, а если там тоже найдется сосед, передвигается еще дальше. В конце концов он строит себе на отшибе новый дом. Тут это просто — представь себе дом — и готово. Так город и растет.

— А улицы стоят пустые?

— Вот именно.

— А где же те, кто раньше прибыл?

— Те еще дальше продвинулись, перемахнули, так сказать. Жуткая даль... Там, где я живу, есть пригорок, а один здешний житель завел телескоп. Мы разглядели огоньки. Дома друг от друга миль за тысячу. То-то и плохо. Я думал, увижу этих, исторических... А никого нет.

— Если бы они вовремя вышли, они бы успели к автобусу?

— Как вам сказать... вообще-то да. Но они не хотят, эти все — Тамерлан, Чингиз-хан, Генрих V...

— Не хотят?

— Вот именно. Ближе всех Наполеон. У нас двое ходили его смотреть. Теперь мы знаем, где его дом. Маленькое такое пятнышко, а кругом пустота, ничего нет. Дом у него большой, длинный, окон много, всюду свет. От меня, конечно, не разглядишь. Так, вроде головки булавочной...

— А его самого они видели?

— Вот именно. Заглянули в окно.

— Что же он делал?

— Ходил взад-вперед. Туда-сюда, туда-сюда, как маятник. Они целый час глядели, а он все ходит и ходит. И приговаривает: «Это Ней виноват... Это Суль виноват... Жозефина виновата... Россия виновата... Англия...» Маленький, жирненький, усталый какой-то, ходит и ходит.

— Значит, город так и будет расти? — спросил я.

— Вот именно, — отвечал толстоносый, — но можно принять меры.

— Какие же?

— Между нами говоря, этим я сейчас и занимаюсь. Что у нас плохо? Склочность, вы скажете? Нет. Таков человек. Он и на земле таким был. Плохо то, что здесь нет потребностей. Все у нас доступно, правда — не первый сорт, зато делать ничего не надо, только представь себе — и готово. Другими словами, у нас нет экономической базы для совместной жизни. Если бы людям был нужен настоящий магазин, они бы около него и селились. Общество зиждется на нужде. Тут-то я и вмешаюсь. Я еду не ради здоровья. Честно говоря, вряд ли мне там понравится. Но если я привезу к нам вниз *настоящие* вещи, тут же возникнет спрос. Открою дельце, люди ко мне стянутся. Централизация! На них на всех двух

улиц хватит. Мне — выгода, им — польза.

— Вы думаете, если им придется жить рядом, они будут меньше ссориться?

— Как вам сказать... Поставим вопрос иначе. Их можно будет утихомирить. Заведем полицию. Вобьем в них порядок (тут он понизил голос). Все лучше... Безопасней...

— А какая опасность? — начал я, но он толкнул меня, и я понял, что надо спросить иначе.

— Простите, — начал я снова, — если им все так доступно, зачем им настоящие вещи?

— Ну, как же! Им нужно, чтобы дом защищал от дождя.

— А эти не защищают?

— Конечно, нет. Куда им!

— Зачем же их строить?

Он нагнулся ко мне.

— Все ж, безопасней как-то... — прошептал он, — вроде бы вернее... Теперь-то ничего, а вот потом... Сами понимаете...

— Что? — спросил я, невольно понижая голос.

— Скоро стемнеет, — еле внятно пробормотал он.

Вы хотите сказать, — уточнил я, — что ночь действительно настанет?

Он кивнул.

...

Толстый, чисто выбритый человек, сидевший перед нами, обернулся ко мне.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я поневоле услышал часть вашего разговора. И где только берутся эти темные предрассудки! Нет ни малейших оснований полагать, что сумерки сменятся тьмой. В образованных кругах на это смотрят иначе. Теперь мы считаем, что этот слабый, мягкий свет сменится зарей. Понемногу, конечно, постепенно. А что до страсти к «настоящим вещам», о которой говорил наш друг, то это грубый материализм. Что с них взять? Отсталые люди, привязаны к земному... Для нас это истинно духовный город (да, при всех его недостатках, он духовен) — как бы детская, где творческий человек, освобожденный от уз материи, пробует крылья.

...

Автобус был залит ярким светом, и светом жестоким. Увидев лица моих спутников, я содрогнулся. Одни были иссохшие, другие распухшие, одни — по-идиотски злобные, другие совершенно пустые, но все какие-то линиялые и перекошенные. Казалось, если свет станет ярче, они развалятся на куски.

...

— Дорогой мой! — восклицал Призрак. — Как я тебе рад!

Дух, стоявший перед ним, сверкал нестерпимой белизной.

— Вчера я виделся с твоим несчастным отцом, — продолжал Призрак. — Ах, Дик, никогда не забуду наших бесед! Правда, к концу жизни ты стал... как бы это выразиться... узким. Надеюсь, твои взгляды с тех пор изменились. Ну, сам видишь, ты был неправ. Ты верил в настоящие, буквальные, так сказать, небо и ад. Я понимаю, в духовном плане все так. Я и сейчас в них верю. И сейчас, так сказать, взыскую Царствия. Но все эти суеверия, мифы...

— Прости, а где же ты был, по-твоему?

— А, вон оно что! Ты хочешь сказать, что серый город, где с минуты на минуту рассветет- это, в сущности, Небо. Прекрасная мысль!

— Неужели ты не знаешь, где ты был?

— Сейчас, когда мы об этом заговорили, я припоминаю, что мы никак не называли этот город. А вы его как зовете?

— Адом.

— Ну, зачем же так грубо!.. Быть может, в твоём смысле слова я не очень правоверен. Но о некоторых вещах я привык говорить почтительно.

— Это об аде почтительно говорить? Ты был в преисподней. Но если ты останешься здесь, можешь называть ее чистилищем.

— Прекрасно, дорогой, прекрасно! Ты все тот же. А не скажешь ли ты мне, за что я попал в ад? Не бойся, я не обижусь.

— Как за что? За то, что ты отступник.

— Ты это серьезно?

— Спорить некогда, — перебил его Дух. — Все это позади. Мы больше не играем. Я говорил о нашем прошлом только для того, чтобы ты от него отказался. Начни с самого начала. Бог дал мне власть очистить тебя. Ты был в аду; ты в преддверии рая. Неужели ты и теперь не покаешься и не поверишь?

— Дорогой мой, я и так верю. Мы не во всем согласны, но ты ничего во мне не понял, если тебе кажется, что я не дорожу моей верой.

— Ладно, — сказал Дух. — поверь в меня. Пойди со мной. Поначалу будет больно. Истина причиняет боль всему, что призрачно. Но потом у тебя окрепнут ноги. Идем?

Призрак подумал.

— Да, кстати, чуть не забыл! Не могу я с тобой идти, у меня же в пятницу доклад. У нас ведь есть богословский кружок. Как же, как же... интеллектуальная жизнь, я бы сказал, бьет ключом, быть может, не самого высокого уровня... Изменились все, плохо соотносятся. И склоны у них вечно... Что поделаешь, слаб человек! Но пользы я могу принести много. Куда же ты? Ну что ж, пойду и я. Очень был рад тебя встретить. Интересно поговорили... Будит мысль... Всего хорошего, дорогой, всего хорошего, всего хорошего!

...

— Ах, все это пропаганда! — сказал он. — Никто и не думал, что мы останемся. Яблоки эти не укусишь, воды не выпьешь, по траве не пройдешь. Человек тут жить не может. Все одна реклама.

— Зачем же вы ехали?

— Сам не знаю. Так, поглядеть. Люблю, знаете ли, сам все увидеть. Когда путешествовал по Востоку, специально заехал в Пекин...

— Какой же он?

— Ах, ерунда! Ловушка для туристов.

— А там... Э-э... В городе... вы жили?

— В так называемом аду? Жил. То же самое, голову морочат. Расписали: огонь, черти, знаменитые люди жарятся, какой-нибудь Генрих VIII... А прибудешь туда — город как город...

...

— Сынок, — сказал он. — Мы сбережем время, если я тебе скажу, что я все это знаю, лучше спроси меня, о чем хотел.

— Скажите, хоть кто-нибудь остался? Могут они остаться? Есть у них выбор? Зачем они едут сюда?

— Неужели ты не слышал? У погибших душ бывают каникулы, перемены, экскурсии, если хочешь...

— Экскурсия в рай?

— Да. Для желающих. Конечно, они, по глупости, редко того желают. Их больше тянет на землю. Там они морочат голову бедным дурачкам, которых вы зовете медиумами, или подглядывают за своими детьми, или таскаются по библиотекам, смотрят, есть ли спрос на их книги.

— А здесь они могут остаться?

— Могут. Вот император Траян остался у нас.

— Как же так? Разве приговор не окончательный? Разве из ада можно перейти в рай?

— Это зависит от того, что ты вкладываешь в это слово. Если душа покидает серый город, значит, он был для нее не адом, а чистилищем. Да и здесь, где мы сидим, еще не рай, не самый рай, понимаешь? Это, скорее, преддверие жизни, но для тех, кто останется, это уже рай. А серый город — преддверие смерти, но для тех, кто не ушел оттуда, это — ад, и ничто другое.

Видимо, он понял, что я озадачен, и заговорил снова.

— Сынок, тебе сейчас не понять вечности. Не только эта долина — вся прошлая жизнь — рай для спасенных. Не только тот город, но и вся жизнь — ад для погибших. Люди на земле этого не понимают. И то, и это начинается в земной жизни. Прошное святого преображается — раскаянный грех и ушедшая скорбь окрашиваются красками рая. Прошное нечестивца уходит во мрак. Вот почему, когда здесь взойдет солнце, а там, внизу, настанет ночь, блаженные скажут «мы всегда были в раю», погибшие — «мы всегда были в аду». И никто не солжет.

— Разве это не жестоко?

— Погибшие скажут не точно так, слова будут иные. Один скажет, что он служил своей стране, права она была или нет, другой — что он все отдал искусству... третий, прости его, Господи, — что он слушался начальства, и все — что они были верны себе.

— А блаженные?

— Ну, блаженные... У них все наоборот. Они думали, что идут пустыней, юдолюю скорби, и вдруг видят, что это был сад, где бьет животворный родник.

— Значит, правы те, кто говорит, что рай и ад существуют лишь в сознании?

— Что ты! Не кощунствуй. Ад, оно верно — сознание, верней не скажешь. И если мы сосредоточимся на том, что в сознании, то скорей всего очутимся в аду. Но рай не в сознании. Рай реальней реального. Все, что реально — от рая. Все тленное — истлеет, осыпется, только сущее пребудет.

— Неужели можно выбирать после смерти?

— Не мучай себя такими мыслями. Ты не поймешь соотношения между временем и выбором, пока не выйдешь за их пределы. Не для того ты послан

сюда. Тебе нужно понять, как происходит выбор, а это ты поймешь, если будешь смотреть.

— Мне и тут не все ясно, — сказал я. — Что именно выбирают те, кто не остался. Честно говоря, я других пока не видел.

— Мильтон был прав, — сказал мой учитель. — Всякая погибшая душа предпочтет власть в аду служению в раю. Она что-нибудь да хочет сохранить ценою гибели, что-нибудь да ценит больше радости, то есть, больше правды. Вспомни — испорченный ребенок скорее останется без обеда, чем попросит прощения. У детей это зовется капризами, у взрослых этому есть сотни имен — достоинство, уважение к себе.

— Значит, никто не погиб из-за низких грехов? Скажем, из-за похоти?

— Нет, бывает... Человек чувственный гонится поначалу за ничтожным, и все же реальным наслаждением. Его грех — самый простительный. Но время идет, наслаждается он все меньше, а стремится к этому все больше. Он знает, что надеяться не на что, и все-таки жертвует покоем и радостью, чтобы кормить ненасытную похоть. Понимаешь, он вцепился в нее мертвой хваткой.

Учитель помолчал немного, потом опять заговорил.

— Был у нас недавно один ученый человек. Там, в земной жизни, его интересовала только жизнь загробная. Поначалу он размышлял, потом подался к спиритам. Он бегал на эти сеансы, читал лекции, издавал журнал. И ездил — выспрашивал тибетских лам, проходил какие-то посвящения в глубинах Африки. Он все искал доказательств, он ими насытиться не мог. Наконец, он умер и пришел сюда. Думаешь, он успокоился? Ничуть. Здесь все просто жили загробной жизнью, никто ею не занимался. Доказывать было нечего. Он остался не у дел. Конечно, признай он, что спутал средство с целью, посмейся он над самим собой — все бы уладилось. Но он не хотел. Он ушел в тот город.

— Как странно!.. — сказал я.

— Ты думаешь? — и учитель зорко посмотрел на меня. — А ведь это есть и в тебе. Немало на свете людей, которым так важно доказать бытие Божие, что они забывают о Боге. Словно Богу только и дела, что быть! Немало людей так усердно насаждало христианство, что они и не вспомнили о словах Христа. Да что там. Так бывает и в мелочах. Ты видел книголюбов, которым некогда читать, и филантропов, которым не до бедных. Это — самая незаметная из всех ловушек.

Мне захотелось поговорить о чем-нибудь другом, и я спросил, почему здешние люди, если они такие добрые, не пойдут в тот город спасти призраков. Почему они просто выходят навстречу? Казалось бы, от них можно ожидать более деятельной любви?

— Ты и это потом поймешь, — отвечал он. — Пока что скажу, что они и так прошли навстречу призракам гораздо больше, чем ты думаешь. Мы прерываем странствие и возвращаемся ради одной надежды на их спасение. Конечно, это нам в радость, но дальше идти бесполезно. Здоровый человек не спасет безумца, если сойдет с ума.

— А как же те, кто в автобус не влез?

Каждый, кто хочет, влезает. Не бойся. Есть только два вида людей — те, кто говорит Богу: «Да будет воля Твоя», и те, кому Бог говорит: «Да будет твоя воля».

Все, кто в аду, сами его выбрали. Ни одна душа, упорно и честно жаждущая радости, туда не попадет. Алчущие насытятся. Стучите и отворят вам.

...

Учитель странно улыбнулся.

— Смотри, — сказал он и опустил на четвереньки. Я опустил тоже и увидел, что он сорвал травинку и кончиком ее показал мне крохотную трещину в земле.

— Точно не скажу, — проговорил он, — та ли это трещина, или нет. Но та, через которую прошел ваш автобус, никак не больше.

— Да я же видел бездну! — воскликнул я. — Высокие скалы!

— Верно, — отвечал он. — Но ты не только двигался, ты увеличивался.

— Значит, ад... и все это пустое пространство... помещаются в такой трещине?

— Да. Ад меньше земного камешка, меньше райского атома. Взгляни на бабочку в нашем, истинном мире. Если бы она проглотила весь ад, она бы и не заметила.

— Там, в аду, он кажется очень большим.

— Вся злоба его, вся зависть, все одиночество, вся похоть — ничто перед единым мигом райской радости. Зло даже злом не может быть в той полноте, в которой добро есть добро. Погибшая душа бесконечно мала, ее почти нет, она совсем усохла, замкнулась в себе. Бог бьется об нее, как звуковая волна об уши глухого. Она сжала зубы, сжала кулаки, крепко зажмурилась. Она не хочет, а потом — не может давать, вкушать, видеть.

— Значит, никому до нее не достучаться?

— Только Высший из всех может так умалиться, чтобы войти в ад. Чем ты выше, тем ниже можешь спуститься: человек способен привязаться к лошади, но лошадь не привяжешь к мыши. Один Христос спустился туда, к ним.

— Спустится ли Он снова?

— Время здесь не такое, как на земле. Те дни, когда Он был в аду, обнимали все минуты, которые были, есть и будут. В темнице нет никого, кому бы Он не проповедывал.

— Кто-нибудь услышал Его?

— Да.

— Вы писали, — сказал я, — что спасутся все, и апостол Павел так пишет.

— Наверное, все и будет хорошо, как сказал Спаситель святой Юлиании Норчской, но нам с тобой не стоит толковать о таких вещах.

— Потому что они слишком страшны?

— Нет. Потому что ответ обманет. Ты на распутье и ни один из путей не закрыт для тебя. Человек волен избрать вечную смерть, кто выберет ее — ее и получит. Но если ты пытаешься выйти в вечность и увидеть, как все *будет* (иначе сказать ты не сумеешь), тогда, когда все возможности сменяются единственно-сущим, ты спрашиваешь о том, чего тебе не понять. Тебе не понять вечности, пока ты во времени. Господь сказал, что мы — боги. Долго ли можешь ты без линзы смотреть на безмерность собственной души и вечную реальность ее выбора?.. Ну, вот лучше я описать ад не могу. Ад — это личный выбор каждого, это персональное решение. Бог говорит: «Да будет твоя воля». По мнению Николая

Бердяева, *«Ад, как субъективная сфера, как погружение души в её собственную тьму, есть имманентный результат греховного существования, а совсем не трансцендентное наказание за грех. Ад и есть невозможность перейти к трансцендентному, есть погруженность в имманентное.»* По сути это то же самое, только умными словами.

А как же мучения? Они есть – представьте себе жизнь в городе, где нет хороших людей! Конечно, в любом человеке есть и благое, и дурное, но благое в отрыве, отказе от Блага хиреет и усыхает, пока не исчезает совсем. Еще одно мучение – постоянная неуспокоенность, неудовлетворенность, ненасыщаемость, нехватка всего – в первую очередь солнца, света, радости, дружбы... Помните прекрасную песню Альбано «Счастье»?

Счастье –
Это за руки держась,
идти вдаль,
Твой наивный взгляд
Среди толпы.
Это подушка из пуха,
речная вода,
Что течет куда-то всегда,
Это падающий дождик
За занавеской окна.
Потушить свет,
Чтобы помириться -
Счастье, счастье!

Счастье –
Бокал вина
С кусочком хлеба,
Оставить тебе записку
В ящике стола,
Петь вдвоем о том,
как мне нравится
Счастье, счастье!

Чувствуешь, уже в воздухе
Песня наша о любви парит,
как мысль, знающая счастье.
Чувствуешь, уже в воздухе
Солнца луч, теплый,
Как улыбка, познавшая счастье.

Счастье –
Вечер, как сюрприз,
Яркая луна,
Звонок телефонный,

Столь неожиданный -
Счастье, счастье!

Вот всего этого будет нехватать...

И еще о вечности мучений, вечности пребывания в аду. Об этом тоже говорится в «Расторжении брака» - пока все благое в душе не усохло и не отмерло, надежда на возвращение в чистилище есть, тогда ад окажется как бы этапом чистилища. Потом такой надежды нет...

В уже упоминавшемся фильме «Куда приводят мечты» ад – если не страшный (хотя и страшный), то очень противный. Но интересные наблюдения в нем (в фильме) есть:

Нам предстоит сейчас очень трудное испытание. Я с тобой. Ты не один. Крис, Энни умерла. Покончила с собой.

Эй, но с ней всё в порядке. Потому что её страдания позади.

- Ты не понимаешь.

- Когда я её увижу?

- Никогда. Ты никогда её не увидишь. Она самоубийца, самоубийцы попадают в другое место.

- За что её наказывать?

- Нет, это не наказание.

- Она столько мучилась, что ещё...

- Здесь нет ни судей, ни преступлений. Все равны. Это просто реальность, и так всё устроено!

- Что самоубийцы отправляются в ад? Разве это, чёрт возьми, не приговор?

- Можешь прятаться от этого, или можешь понять это. То, что ты называешь адом – когда человек не знает, что умер. Они не могут осознать, что сделали, что стало с ними. Настолько поглощены собой в жизни, что они строят этот мир... Самоубийцы другие. Самоубийцы не идут в ад, потому что они аморальны или эгоистичны. Они попадают туда по совсем другой причине. У каждого из нас есть инстинкт, что есть естественный порядок нашего пути. А Энни его нарушила. Но она не готова это понять. Она не может осознать и принять, что она сделала. И она проведёт вечность, играя в эту игру.

- Значит, она всё же в аду.

У каждого свой ад. Это не всё огонь и боль. Настоящий ад - это жизнь впустую.

Но пора и в рай наконец!

Рай — состояние (место) вечной совершенной жизни (существования, бытия) в блаженстве, в гармонии с Богом и природой (мирозданием), нетронутой временем и смертью:

Подразумевает две категории:

1. Рай изначальный — первозданное состояние людей во Эдеме, подобное состоянию невинности новорождённых младенцев, утраченное вследствие грехопадения людей;

2. Рай — состояние людей (праведников), восстановивших единение с Богом, частично в этой земной жизни, а в полноте — после своей смерти, конца мира (в каббале — в конце эволюции).

Рай в начале есть первоначальная цельность, не знающая отравы сознания, отравы различения и познания добра и зла. В этот рай нет возврата. И этот рай не знает свободы, которой мы так дорожим как высшим своим достоинством. Рай в конце предполагает, что человек уже прошел через обострение и раздвоение сознания, через свободу, через различение и познание добра и зла. Этот рай означает новую цельность и полноту после раздвоения и раздробленности.

— Николай Бердяев

Представление о рае есть в языческих традициях, в христианстве, исламе, многих школах буддизма, в трансгуманизме (концепция «paradise engineering»), например, Иару — рай Осириса, расположенный на западе, конечная цель души после смерти, достичь которой можно лишь после путешествия в солнечной ладье и после прохождения испытания в зале суда Осириса.

Рай в Ветхом Завете

При сотворении мира Бог устроил в нём особое место для людей — Рай:

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат. И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. (Быт. 2:8—17)

Некоторые источники (Библейская энциклопедия) предполагают географическое месторасположение рая:

«... в первые дни сотворения мира есть некоторые косвенные указания на Индию. Так, некоторые не без основания видят в названиях райских рек Геон и Фисон Индийские реки Инд и Ганг».

В Раю Бог даёт человеку власть над всеми стихиями и живыми существами:

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте

землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

(Быт. 2:26—28)

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым;

(Быт. 2:19—20)

Обитающие в нём первые люди: Адам и Ева имели непосредственное общение с Богом и были, согласно традиционному представлению, бессмертны, имея доступ к Дереву жизни (Быт. 3:22) и безгрешны.

Однако очень быстро люди нарушили Божий запрет, вкусили плоды запрещённого дерева и, вместо раскаяния, стали оправдывать свои греховные деяния (Быт. 3:1—13). В результате между животными и людьми установились жестокие звериные отношения (Быт. 3:14—15). Люди потеряли возможность непосредственного общения с Богом, вечную жизнь в совершенной природе, стали подвержены греху, болезням, страданиям и смерти

Рай обретённый

В христианстве раскрывается новый смысл рая, уготованного от начала мира, утраченного из-за грехопадения людей, и вновь открытого всем людям в результате победы Иисуса Христа над адом. Изначальное прошлое и конечное будущее соединяются в идее рая. На первоначальном, утерянном райском состоянии нельзя остаться — рай в конце мирового процесса есть несколько иной. Это рай после познания греха, страданий и испытаний, в которых раскрываются бесконечная милость Бога и немощь человека. Можно даже сказать, что это рай после ада, после опыта зла и свободного отвержения ада. Святые наследуют рай после земной смерти и воскресения в новом мироздании, не зная ни болезней, ни печалей, ни воздыхания, ощущая непрестанную радость и блаженство.

Диалектика о рае и свободе раскрыта Достоевским, ей он посвятил «Сон смешного человека», «Сон Версилова» и «Легенду о Великом Инквизиторе». Достоевский здесь выражает мнение некоторых людей своего времени, полагавших, что в Раю нет места человеческой свободе, и что свобода якобы возможна в грехе и отпадении от Бога. Литературный персонаж не может примириться ни с тем раем, который ещё не знает испытания свободы, не прошёл ещё через свободу, ни с тем раем, который после всех испытаний будет организован принудительно, без свободы человеческого духа. Для него приемлем только рай, прошедший через свободу, которого свобода возжелала. Принудительный рай в прошлом и принудительный рай в будущем был предметом ужаса Достоевского, был для него соблазном антихриста. Ибо Христос есть, прежде всего, свобода.

Далее Новый завет даёт о рае следующие сведения:

- Иисус Христос говорил апостолам: «*в доме Отца Моего обителей много... иду приготовить место вам*» (Ин. 14:2), а апостол замечал: «*когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный*» (2Кор. 5:1). Исторические церкви считают, что данные стихи о рае, но слово «рай» в них не упоминается.

Небесный Иерусалим — видение будущего рая, описанное в Откровении Иоанна Богослова: "И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста для мужа своего. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов... Улицы города — чистое золото, как прозрачное стекло. Ворота его не будут запираются днём, а ночи там не будет. Среди улицы его и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов. И ничего не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нём, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лицо Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков. (Апок. 21:2;21;25; 22:2-5).

В понимании церкви небесный рай, в котором обитают души праведников, есть ближайшая к земле небесная обитель или «первое небо»; за ним, выше, есть ещё небеса (Откр. 6:9; 7:9; 4:4).

В учении Отцов Церкви души святых в небесных райских обителях не в одинаковой степени пользуются их блаженствами, но различно, соответственно их достоинству; некоторые (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и др.) прибавляют, что святые, находящиеся в небесном раю, молятся как об умерших, не достигших праведности, так и о живущих ещё на земле.

К наиболее древним сказаниям о рае относится мученичество святой Перпетуи (ум. в 203 году). В нём рай небесный в первый раз описывается как обширный прекрасный сад, наполненный дивными деревьями, благоухающими цветами и чудно поющими птицами. В дальнейших, более подробных описаниях рая ему приписываются все характеристики прекрасного, что мог найти человек в природе.

Образ рая у Данте

- 1 небо (Луна) — обитель соблюдающих долг.
- 2 небо (Меркурий) — обитель реформаторов и невинно пострадавших.
- 3 небо (Венера) — обитель влюблённых.
- 4 небо (Солнце) — обитель мудрецов и великих учёных.
- 5 небо (Марс) — обитель воителей за веру.
- 6 небо (Юпитер) — обитель справедливых правителей.
- 7 небо (Сатурн) — обитель богословов и монахов.
- 8 небо (сфера звезд).
- 9 небо (Перводвигатель).
- 10 небо (Эмпирей) — Лучезарная Река и Пламенеющая Роза — обитель Божества.

Рай в исламе

Сура Ар-Рад 13:69-73 (переводАль-Азхар)

Тем, которые уверовали в знамения Аллаха, повиновались Ему и предались Ему, будет сказано в День воскресения почтительно: "Войдите в рай, ликуя, вы и ваши жёны, где ваши лица будут сияющими от счастья". Когда они войдут в рай, их будут обносить золотыми блюдами и чашами с разной едой и напитками. Им в раю уготовано всё, что пожелают души и что усладит очи. И чтобы их радость была полной, им будет сказано: "В этом блаженстве вы пребудете вечно!" И чтобы они чувствовали полную милость, им скажут: "Это и есть рай, в который вы вошли в воздаяние за ваши добрые деяния в земной жизни. В раю для вас – изобилие фруктов разных видов и сортов, которыми вы будете наслаждаться".

Согласно исламской догматике, после Судного дня верующие попадут в рай, а грешники будут вечно гореть в аду. В раю люди будут вечно наслаждаться благами, уготованными им Аллахом. Главной наградой для обитателей рая будет созерцание Господа. Аллах создал рай и ад до сотворения творений, и они не будут уничтожены. Рай охраняют ангелы во главе с ангелом, которого зовут Ридван.

Рай имеет огромные размеры и несколько уровней для различных категорий праведников. В нём будет ни холодно и ни жарко. Он создан из серебряных и золотых кирпичей с ароматным запахом мускуса. В хадисах упоминается райское дерево Туба и множество других деревьев, стволы которых состоят из золота. В Коране упоминаются деревья «тальх» (акация), «увешанное плодами» и «сидр» без обычных для них шипов. Венчает рай дерево «сидрат аль-мунтаха» (лотос крайнего предела).

Коранический рай — это тенистые сады с многочисленными источниками, каналами и прудами. В раю имеются 4 сада и 4 реки. На самом верхнем уровне находится Фирдаус, выше которого уже начинается Трон Аллаха. В райских реках текут вода, молоко, райское вино и мёд. Среди водоемов особо выделяется Каусар, предназначенный специально для пророка Мухаммада, и в который стекаются все райские реки.

В исламском предании имеются сведения о том, что все обитатели рая получают то, что невозможно себе представить и описать словами.

В Коране также упоминается лицезрение Аллаха: «Лица в тот день сияющие, на Господа их вззирающие». «Вы будете видеть вашего Господа так, как вы видите луну, и никаких затруднений вам в этом не будет. И не будет никаких преград между Ним и вами». Возможность лицезрения Аллаха будет вершиной райских благ. В раю будут пребывать праведники в возрасте 33 лет, которые не будут испытывать никаких проблем и трудностей. Они не будут пустословить и грешить.

Согласно распространившемуся суннитскому представлению, рай сотворён и существует, но основная часть райских наслаждений будет дарована только после Судного дня.

Приведу еще и очень интересную статью, в которой много важных наблюдений, хотя они и сделаны в полемике, на мой взгляд, бессмысленной: как и ад, рай у каждого свой.

ОБРАЗ РАЯ В ХРИСТИАНСТВЕ И ИСЛАМЕ

Для богобоязненных есть место спасения - сады и виноградники, и

полногрудые сверстницы, и кубок полный. Не услышат они там ни болтовни, ни обвинения во лжи... В садах благодати - толпа первых и немного последних, на ложах расшитых, облокотившись на них друг против друга. Обходят их мальчики вечно юные с чашами, сосудами и кубками из текучего источника - от него не страдают головной болью и ослаблением... среди лотоса, лишённого шипов, и талха, увешанного плодами, и тени протянутой, и воды текучей, и плодов обильных, не истощаемых и не запретных, и ковров разостланных, Мы ведь создали их творением и сделали их девственницами, мужа любящими, сверстницами... (Коран 78.31-35; 56.12-19; 28-37).

И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста для мужа своего. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов... Улица города - чистое золото, как прозрачное стекло. Ворота его не будут запираются днём, а ночи там не будет. Среди улицы его и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева - для исцеления народов. И ничего не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нём, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лицо Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков (Апок. 21:2;12;21;25; 22:2-5).

Даже при беглом взгляде сразу бросается в глаза кардинальное различие этих двух образов - в противовес коранической вечноцветущей идиллии - апокалиптический образ града. Причём этот образ свойственен не только Апокалипсису, но и всему Новому Завету - в доме Отца Моего обителей много (Ин. 14:2), говорит Господь, и апостолу Павлу, "знавшему человека, восхищенного в Рай" (2 Кор. 12:2), пришлось обмолвиться: *они стремились к лучшему, то есть, к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город (Евр. 11:16).*

И этот новозаветный образ "града Божия" в свою очередь восходит к некоторым архетипам Завета Ветхого: Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего (Пс. 45:5), и др.; особенно яркие параллели описание апостола Иоанна Богослова имеет с 60-й главой книги пророка Исайи, где Господь, обращаясь к Иерусалиму, говорит: *И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днём ни ночью... И назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева. Не зайдёт уже солнце твоё, и луна твоя не сокроется; ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего (Ис. 60:11;14;19).* Основная причина различия двух этих образов, заключается в том, что для мусульманина Рай - возвращение в состояние Адама до грехопадения, отсюда и образ садов Эдема: "первозданный Рай тождественен будущему Раю"; тогда как для христианина достижение Рая не является возвращением в Эдем, Боговоплощение подняло

человеческую природу на несравненно более высшую ступень близости к Богу, чем была у прародителей - "одесную Отца": *первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Первый человек - из земли, перстный; второй человек - Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные; и как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного* (1 Кор. 15:45;47-49), потому христианин не стремиться вернуться в состояние Адама, но чаёт соединиться со Христом, преображённый во Христе человек входит в преображённый Рай. И единственный "предмет" Рая ветхого, Эдема, перешедший в Рай новый, Небесный Иерусалим, - древо жизни (Быт. 2:9; Апок. 22:2), только подчёркивает превосходство Нового Рая: Адам был изгнан, чтобы не есть плоды его, жителям же Небесного Иерусалима они вполне доступны, впрочем не для наслаждения или утоления голода, а для исцеления. По христианской традиции "древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам" (прп. Исаак Сирий), а "листья древа жизни означают тончайшие, превысшие и пресветлые разумения божественных судеб. Эти листья будут во исцеление или во очищение неведения тех народов, которые стоят низшими в делании добродетелей (св. Андрей Кесарийский)".

Не считая параллелей с Эдемом, мусульманский образ Рая в целом чужд эсхатологии как Ветхого, так и Нового Завета, и скорее в этом пункте имеет своим источником не христианство, а зороастризм, сходным образом описывающий участь праведных: "У них стоят их ложа разубраны, душисты, подушками полны... у них сидят девицы, украшены браслетами, перепоясан стан, прекрасны, длиннопалы, и так красивы телом, что сладостно смотреть (Авеста. Ард-яшт II.9;11)". На подобную связь указывали и византийские полемисты, в частности, автор послания императора Льва Исавра халифу Омару II (720 г.), писавший дословно следующее: "Мы знаем, что Коран составили Омар, Абу Талиб и Солман Перс, даже если и слух прошёл вокруг тебя, что он послан с небес Богом". Солман Перс - зороастриец, обратившийся в ислам ещё при Мухаммеде.

Чтобы перейти к дальнейшему, необходимо разобраться, что означает образ города: какое значение он имеет для Библии и почему для изображения Царствия Небесного взят именно он.

Первый город построен Каином (Быт 4:17). Это - подчёркнуто изобретение человека, причём человека падшего. Данный факт как бы подталкивает к негативной оценке самого изобретения: "градостроительство, скотоводство, музыкальное искусство... - всё это принесли человечеству потомки Каина как некий суррогат утраченного райского блаженства"(иером. Иларион Алфеев. Введение в догматическое богословие)

Но только ли блаженства? Скорее это всё-таки попытка как-то возместить утраченное единение с Творцом, бывшее в Раю. Тот факт, что люди не живут поодиночке или кланами нельзя объяснить только лишь

соображениями экономического характера. Люди стремятся жить вместе, чтобы восполнить то чувство одиночества, которое постигает каждого, кто в следствие греха прекращает общение с Богом.

В возникновении городов виден не отход от Бога, но напротив, попытка вернуться к Нему. Первый город построен Каином, но назван он в честь Еноха, который ходил пред Богом; *и не стало его, потому что Бог взял его* (Быт 5:24).

И археологический материал указывает, прежде всего, на религиозные причины возникновения первых городов. В пользу этого говорит то, что в древнейших городах большинство построек имеют явно религиозное назначение; так, например, в древнем городе Лепеньски Вир (нач. VII тыс. до Р.Х.) из 147 построек около 50 были святилищами...

Города возникают словно некое признание собственной падшести и невозможности жить, бытийствовать одному, безусловно, они несут в себе некий покаянный оттенок, связанный с переживанием греха, содеянного предками...

Именно поэтому Бог, воспрепятствовав постройке Вавилонской башни (изобретения человека не просто падшего, но и восставшего против Творца), не воспрепятствовал возведению человеком городов.

Человек создаёт дом, город, используя и обрабатывая тот материал, который дан ему от Бога, и в этом смысле употребление этого образа в Библии применительно к людям - *приступая к Нему, камню живому... и сами как живые камни, устрояйте из себя дом духовный* (1 Пет. 2:4;5), скорее всего обозначает, как и в притче о талантах, реализацию человеком Божьего замысла о нём.

Возвращаясь к представлению о Рае, можно сказать, что если сад есть по существу целиком творение Божие, то образ города как создания человеческого в описании Царствия Небесного означает, что человечество соучаствует в спасении: "сей город, имеющий краеугольным камнем Христа, составляется из святых (св. Андрей Кесарийский)".

В исламе же такое соучастие немыслимо, поэтому вполне естественно употребление флористичного образа - настолько, что в Коране вообще для обозначения Рая обычно употребляется слово "ал-Джанна" (Сад).

Рай, как место наслаждения и покоя или, как место общения с Богом

Другое, менее заметное, но не менее принципиальное различие заключается в представлении о том, что есть райское состояние по отношению к человеку.

Собственно мусульманский Рай напоминает пансион, где отдыхают выслужившиеся солдаты - всё, чем наполнено их райское существование - это наслаждение всяческими удовольствиями, телесными и эстетическими. В одном из хадтсов, возводимых к самому "пророку", он так расписывает райский день верующего: "Посреди садов вечности дворцы из жемчуга. В таком дворце семьдесят помещений из красного

яхонта, в каждом помещении семьдесят комнат из зелёных изумрудов, в каждой комнате ложе, на каждом ложе постелены семьдесят постелей всех цветов, на каждой постели жена из большеглазых чернооких. В каждой комнате накрыт стол, на каждом столе семьдесят видов еды. В каждой комнате семьдесят слуг и служанок. И каждое утро верующему даётся такая сила, что он может справиться со всем этим". Это именно образ того, что Рай есть удовольствие (в том числе и телесное!), превышающее всякий ум.

Данное представление также не является самостоятельным и произвольным, оно тесно связано с кораническим представлением о том, чем было наполнено райское существование первых людей: И Мы сказали: "О Адам! Поселись ты и твоя жена в Раю, и питайтесь оттуда на удовольствие, где пожелаете" (Коран 2:35).

Кораническое представление о Рае как о чувственном наслаждении удовольствиями также имеет параллели с зороастризмом: "Спросил Заратустра Ахура-Мазду: "Ахура-Мазда, Дух Святейший, Творец миров телесных, праведный! Когда умирает праведник, где в ту ночь находится душа его?" И сказал Ахура-Мазда: "Около головы она восседает... В эту ночь столько удовольствия испытывает душа, сколько всё удовольствие, испытываемое живым миром" (Авеста, Яшт 22.1-2)".

Библия же и о том и о другом учит совершенно иначе. Ни о каком вечном отдыхе, сопряжённом с получением тех или иных удовольствий нет и речи. Господь поселяет Адама в саду Эдемском чтобы *возделывать его и хранить его* (Быт. 2:15), а о жителях небесного Иерусалима сказано, что *будут служить Ему* (Апок. 22:3). Пребывание в Раю по Библии неизменно связано с некой деятельностью со стороны человека, и изображается не как статика блаженного безделья, а как постоянная динамика восхождения от славы к славе. Эта деятельность не тождественна нынешнему земному труду любого смертного, в отличии от него, "она не является принудительной обязанностью, необходимой для выживания, но представляет собой органичное продолжение Божественного творческого акта, раскрытие творческой способности, присущей человеку как образу Божию и, следовательно, как личности" (Яннарас Христос. Вера Церкви).

Наслаждение или любовь: в чем смысл жизни человека?

Можно сказать, что кораническое представление о Рае решительно отвергается Новым Заветом. Однако было бы неверным считать, что создание именно такого представления являлось не более чем политическим приёмом: "блаженства эти выдумал сам Мухаммед, чтобы привлечь к себе невежественных арабов". Неверной или, во всяком случае неполной также, на наш взгляд, является и та трактовка, согласно которой это описание Рая рассматривается только лишь как стимул к благочестию: "вера и праведность стимулируются в Коране яркими описаниями грядущих наград, изображаемых в виде чувственных

наслаждений, что придаёт всему исламскому учению черты утилитаризма".

Нет, в создании именно такого описания имеется вполне определённая внутренняя логика - все эти смущающие христианина образы являются оправданием воскресения плоти с точки зрения ислама. Человек христианской культуры неотступно помнит, что в повседневной жизни он имеет дело с испорченной грехопадением человеческой природой, весьма далеко отстоящей от идеального состояния, тогда как для мусульманина ничего подобного нет: для него его природа идентична природе первозданного Адама, в следствии чего те явления, которые в христианстве рассматриваются как имеющие на себе печать грехопадения, в исламе воспринимаются как естественные атрибуты созданной Богом человеческой природы, поэтому перенесение их на райское состояние кажется вполне естественным. В богословии ислама нет учения о первородном грехе - каждый отвечает лишь за собственные грехи.

Первым на эту связь указал уже прп. Максим Грек: "он (Магомет) дозволил им всякое вообще наслаждение и всё то, что может услаждать гортань, чрево и подчревное, говоря, что на то мы и сначала были созданы от общего всех Создателя".

Это различие также проистекает из различного понимания назначения человека (в том числе и его плоти) в христианстве и исламе - в Коране от лица Бога говорится: Я ведь создал... людей только для того, чтобы они Мне поклонялись (Коран 51:56); тогда как по Библии Бог создаёт людей, чтобы они Его любили: Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всею крепостию твоею и всем разумением твоим (Лк 10:27; Втор 6:5), и чтобы Он их любил: *ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16); и в этой божественной любви целый человек (т.е. во плоти) должен *соделаться причастником Божеского естества* (2 Пет. 1:4); в связи с чем и Рай воспринимается как достижение этой духовной мистической цели.

Ничего подобного в исламе нет, "Законоведческий ислам в полемике с суфизмом даже осуждал идею любви к Богу. Крупный мусульманский богослов XIII в. Ибн Тамийа писал, что любовь предполагает, прежде всего, соотнесённость, пропорциональность, которых нет и не может быть между Творцом и Его творением. Поэтому совершенная вера должна выражаться в любви к закону, к установлениям Божьим, а не к Самому Богу" (Журавский А.В. Представления о человеке в Коране и в Новом Завете.), отсюда и соответствующее понимание Рая.

Любопытно, что половой акт в этой системе образов появляется именно как вид физического наслаждения, а не как проявление любви одной личности к другой. Гурии безличностны. Даже суфии - мусульманские мистики, - не говорили о том, что мир был сотворён по любви. Среди них

была более распространена древняя гностическая идея, согласно которой Бог создал всё потому, что из сокровенного восхотел стать явленным...

Усыновление человека Богом в христианстве

При дальнейшем рассмотрении привлекает внимание тот странный на первый взгляд факт, что в такой теоцентричной религии как ислам, имеет место столь антропоцентричное представление о Рае. Бог в таком Рае как бы вынесен за скобки, наслаждающиеся предоставлены друг другу и своим наслаждениям; если Бог и появляется, то только затем, чтобы поприветствовать отдыхающих (Коран 36:58) и спросить, не желают ли они чего-нибудь ещё. Их отношения хорошо выражены в неоднократно проходящей через весь Коран фразе: Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом. Это - великая прибыль! (Коран. 5.19; 59.22; 98.8).

Христианский же Рай, несмотря на то, что, как мы говорили выше, подразумевает в себе формообразующее участие человечества, строго и подчёркнуто теоцентричен: *имею желание разрешиться и быть со Христом* (Флп 1:23); *желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа* (2 Кор. 5:8); весь смысл будущей блаженной жизни для христианина заключается в бытии с любимым и любящим Богом, созерцании Его: *и узрят лицо Его* (Апок. 22:4) и причащении Его естеству: *дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы через них соделались причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1:4).

Это различие вытекает из различия дистанции между человеком и Богом с точки зрения ислама и с точки зрения христианства. Ислам в целом высоко ставит человека: "человек является самым лучшим и совершенным созданием. Человек назначен наместником Бога на земле. Человек - пророк и друг Божий. Человек - сущность Вселенной".

Но несмотря на это, дистанция между человеком и Богом в исламе несоизмеримо больше, и качество отношений принципиально другое, чем в христианстве: и сказал Сидящий на престоле: *...побеждающий наследует всё, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном* (Апок. 21:5;7). Бог для христианина - Отец по благодати, Отче наш, Иже еси на небесах - взывают каждый день христиане, в то время, как мусульмане произносят: "О Аллах! Ты мой господин, а я твой раб". Ислам утверждает радикальную недоступность Бога для человека... (и потому) отношение человека к Богу мыслится преимущественно в категории "раб Божий". Конечно, и мусульманин может сказать, что "метафорически мы все дети Божии", но для христианина это не метафора: мы действительно приобрели усыновление от Бога через соединение с Единородным Его Сыном, ставшим человеком: *посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа* (Гал. 4:7). Слова "сын Бога" в устах мусульманина не имеют конкретного богословского наполнения, тогда как для христианина выражение "сын Бога по благодати", применимое ко многим, имеет вполне определённое значение именно благодаря тому,

что христианин знает об одном-единственном "Сыне Бога по естеству".

Поэтому для христианина, переживающего опыт личного соединения с Богом, немыслимо никакое иное счастье, кроме как вечное бытие с Ним и в Нём: "скушает душа моя о Господе, и слёзно ищу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня и дал мне насладиться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя (прп. Силуан Афонский)".

Следующее различие затрагивает вопрос о пространственно-временном соотношении Рая. Если в исламе праведники достигают Рая строго после Воскресения и Суда (хотя он существует и сейчас), то в христианстве близость человека к Раю обусловлена скорее не хронологически, а личностно: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17:21); *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23:43). Таким образом "Рай есть не столько место, сколько состояние души" (иером. Иларион (Алфеев), и не только души, но и тела.

В качестве примера более сложного отношения к Раю в исламе можно привести одну суфийскую молитву IX в.: "О Аллах, если я служу Тебе из страха перед адом, покарай меня адом; если я служу Тебе из стремления попасть в Рай, лиши меня этой возможности, но если я служу Тебе из чистой любви, тогда делай мне, что Тебе угодно". Этот мотив встречался у многих суфиев.

Юрий Максимов

Вы наверняка заметили, что рай (да и ад, собственно) разных религий имеет много общих черт. И мой – не исключение. Во-первых, он, конечно же, город, а не сад. Вернее все же сказать, наверное, что это страна, состоящая из городков, или же мегаполис с кварталами. Во-вторых, он многоуровневый, многоярусный. В описаниях говорится о двух, семи и десяти уровнях, в моем – явно больше трех, но, по-моему, все же меньше десяти. Точно не знаю. Дело в том, что если для первых уровней я понимаю то, что «вижу», хотя с трудом нахожу слова, чтобы описать, следующие уровни я уже и не понимаю, есть только ощущения, восприятия, некие образы. А дальше и этого нет, только знание того, что это не последний уровень. Как гора, вершина которой укрыта облаками...

Попробую описать то, что знаю, хотя очень прошу постоянно помнить, что я по необходимости описываю ассоциативный ряд, поскольку точных слов для этой иной реальности не знаю.

Первый уровень – как страна, состоящая из разных городков, по преимуществу довольно маленьких. Или как городки-спутники вокруг столицы. Или как кварталы новостроек. В общем, ассоциация понятна. В кварталы люди объединяются в основном по принципу родства, а поскольку родственников находится довольно много, это получается уже целый городок.

В каждом квартале есть свои бар, променады, кино, магазины и даже церковь. Такой обычный маленький городок, вполне земной.

На первый ярус попадают сначала почти все. Дело в том, что подавляющему большинству трудно сразу не только научиться управлять своим новым телом,

но даже воспринимать его. Здесь люди еще вполне телесны – внешне. В цитируемом фильме сын героя говорит: «Ты видишь своё тело, потому что тебе нравится его видеть.» Нам уютнее в том, к чему мы привыкли.

Телесная оболочка может быть любой – цитата из того же фильма: «Знаете, во плоти я выглядела не так. Однажды мы летели в Сингапур. И мой папа улыбнулся стюардессе, которая... выглядела вот так и носила значок с именем Леона. Он сказал, что азиатки такие... симпатичные... изящные... умные. И я подумала, когда вырасту большой, хочу стать вот такой.» Однако в том же фильме есть существенная ошибка, когда сын героя является к последнему в образе его друга и называется его именем: вот это недопустимо! Помните, в Евангелии? «Он знает их по имени, и они слушаются голоса Его». Имя – это очень важно.

Андрей

Десницкий

Пока элементы мира не названы, мир еще и не сотворен. Вызвать из небытия – только половина дела, вторая половина – дать имя. Вот как описывает это Библия:

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1:4,5). В библейском рассказе о сотворении мира наречение имени служит последним штрихом, которым Бог завершает Свое творение. С момента сотворения человек тоже включается в этот процесс: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19). Творец в определенном смысле слова уступает здесь человеку Свое право нарекать имя, приобщая его тем самым к Своему творчеству и Своей власти над сотворенным миром.

Можно принять внешность Аллы Пугачевой (если кому хочется), но нельзя назваться Аллой Пугачевой. Впрочем, это имеет особое значение только на первом уровне, пока не открылось духовное зрение.

Но на самом деле местные жители редко меняют свой земной облик, разве что омолаживаются.

Хотя это не совсем верно. Дело в том, что жителей можно разделить на две группы (это разделение условно, человек может свободно переходить из одной в другую). В первой группе те, кто хочет научиться обходиться без этой телесной оболочки. Они пробуют, экспериментируют, им помогают «старшие товарищи» с других ярусов, есть даже специальная школа. Вот члены этой группы довольно часто меняют свой земной облик. Но они вскоре покидают первый уровень (слово «вскоре» не имеет никакого временного наполнения, оно измеряется количеством усилий, приложенных для достижения цели).

Вторая группа – это местные жители. Им хорошо в их телах и они совсем не рвутся от них избавляться. А что? Тепло, светло, и мухи не кусают... В принципе, они похожи на тех, кто попадает в преддверье ада – теплостудные, – но хорошие, верующие... Они не лишены возможности общения с Богом, но они с

Ним не общаются. Согласитесь, чтобы общаться, нужно иметь, что сказать или хотя бы спросить... Бог здесь – что-то вроде президента: Он, конечно, есть, но зачем с ним встречаться? Разве что из любопытства... Жители ходят в местную церковь, где служит такой же местный батюшка, и этого им вполне хватает.

Они живут привычной жизнью – едят, пьют, ходят в кино, по вечерам мужчины сидят в баре, а женщины прогуливаются по центральной улице (да, кстати, здесь есть день и ночь и даже смена времен года). Многие работают – так же, как на земле. Многие заводят приусадебные участки. Многие заводят животных – в основном, кошек и собак, но есть и птицы и даже коровы и лошади (животные попадают в человеческий рай силой нашей любви к ним; существует и животный рай, но он в другой плоскости, потом расскажу). Такая милая ностальгическая жизнь...

В моем описании есть кажущееся противоречие: а как же личная свобода? И если я хочу в кино смотреть комедию, а дедушка – фильм о войне, мы пойдем в одно и то же кино? Или кинотеатров будет два? Это кажущееся противоречие, потому что вся эта телесная жизнь – только порождение наших желаний: каждый видит свой фильм, каждый ходит в свой храм, он же костел, он же кирха, он же синагога, он же мечеть. «Мы видим то, что хотим видеть. Теперь это твой мир. Мысль реальна. Материя - иллюзорна. Забавно, да?

- А где Господь Бог во всём этом?

- Он наверху. Где-то там... Кричит, что любит нас. Удивляется, почему мы его не слышим.»

Еще один важный вопрос – есть ли семья. Когда как - ведь не все сюда попадают и не все здесь остаются: и не все, состоявшие на земле в баре, - настоящая семья... Но в принципе есть. Если нужна.

А вот сексуальные отношения – это иное. Я уверена, что их на этом уровне нет, хотя точно не знаю (не знаю, потому что не спрашивала, а не спрашивала, потому что этот уровень меня не особо интересовал, я не собиралась на нем задерживаться; Его можно спрашивать обо всем, но Он отвечает только на те вопросы, которые для тебя важны, которые продуманы и отработаны, что ли, которые для тебя имеют важное значение).

Дело в том, что секс не относится к числу естественных потребностей организма, как пища, питье, воздух, без которых нельзя обойтись. Секс был задуман Богом совсем для другого, не для поддержания жизнедеятельности организма.

Что такое секс в своем чистом, даже физиологическом смысле? Слияние двух существ для порождения третьего.

Когда Бог напутствовал людей: «Идите, плодитесь и размножайтесь» (И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. (Быт.1:28)), Он включил это в состав человеческой миссии (мы еще поговорим о других обязанностях) – соучастие в божественном творении, в реализации божьего замысла, в каком-то (весьма ограниченном, естественно, смысле) уподобление человека Богу именно в создании новой жизни, нового существа. Понятно, что

по замыслу это не должно было быть слиянием только двух тел для порождения третьего тела...

Но потом – грехопадение, непосредственным следствием которого стало то, что

“открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания. (Быт. 3:7)”

В жизнь человеческую вошла похоть. И результатом грехопадения явилось то, что слиянием чисто телесным, иногда с некоторым присутствием душевного, но практически никогда – духовного. А главное – разрушилась связь между процессом и результатом, порождением новой жизни.

Уже на ранних стадиях исторического процесса эта человеческая миссия полностью извратилась, секс стал источником удовольствия, но никак не выполнением людской миссии. Более того, зачатие стало «неприятной неожиданностью», которую всеми способами надо постараться избежать, в том числе и сливаясь с теми, кто заведомо не мог породить человека – скотоложеством и гомосексуализмом.

Именно поэтому мне кажется, что половой жизни на первом – телесном – уровне нет. Человек на этом уровне еще не способен порождать новую жизнь в соответствии с замыслом, а дальнейшее извращение миссии в раю невозможно. Может быть, есть нежность, ласка, но вне сексуального контекста.

Но пора уже нам на второй ярус.

Некоторые попадают сразу сюда, минуя первый уровень. Прежде всего мистики, опытные в медитации и созерцании – у них ослабление связи человека со своим телом и душевное общение уже входит в земной опыт. Зачастую они недолго остаются и на втором уровне – им надо только отшлифовать свои умения.

Я уже говорила в другой главе, что смерть – это исчезновение из одной реальности и появление в другой, что человек, умирая, что-то берет в новую реальность, а что-то оставляет в старой, и что смертей – много. Переход с одного яруса на другой тоже подобен смерти: она наступает, когда человек готов (созрел) для преодоления пространственной ограниченности своего тела. Уже на первом уровне он умеет (если хочет) ходить по воде и летать, но он это делает в теле, имеющем форму.

Второй ярус – последний, на котором человек не работает. Для того, чтобы стать истинным соработником Бога, нужно многое уметь и знать.

Этот ярус похож... Ой, нет, не похож, а состоит из вилл, назовем это так, из маленьких мирков – жилища и окружающей природы. Это может быть приморская вилла, горная сакля, домик в лесу... Это отдельные, но не отдаленные мирки, потому что пространство начинает восприниматься иначе. Человек создает свой мир сам. Если на первом уровне, как мы уже говорили, каждый видит свой фильм, то на втором этот фильм видят и все его гости.

«- Какая тут у тебя красота.

- О, нет, нет, нет, нет, нет, это у тебя тут красота.

- У меня?

- Конечно, ты всё это творишь. Все мы рисуем своё окружение, Крис. Теперь ты сам творишь здесь целый мир. Из своего воображения, любимых картин, всего, что угодно...

- Почему она (птица) не движется?

- Будет двигаться, когда захочешь. Теперь ты художник! Это твой мир. Смотри, как пошло!

- Как насчёт бирюзовых крыльев? (Птица какает) Я этого не делал.

- Нет, это я. Видишь ли, когда мы вместе, это как бы двойное управление.»

В этом упражнении (потому что это не просто развлечение, но и приобретение определенных навыков) человек начинает реально понимать процесс творения и смысл гармонии. Я хочу поселить в моем мире жирафов. Но тогда надо посадить им те деревья, листву которых они едят. А эти деревья растут на определенном типе почвы. А еще им нужна вода... Когда я попробовала это сделать первый раз (именно с жирафами), Бог стал вызывать у меня искреннее восхищение: я и раньше понимала, конечно, что Он всемогущ, но это было какое-то умозрительное понимание, а вот промучавшись с парой жирафов кучу времени, мое восхищение наполнилось конкретным содержанием.

Но основной смысл этого уровня в другом: в отказе от пространственных ограничений и границ, от формы и протяженности.

«- А я... я в самом деле здесь?

- Что ты подразумеваешь под "Я"? Ты - это твоя рука или нога?

- Отчасти.

- Правда? А без рук, без ног уже был бы не ты?

- Всё равно был бы я.

- Тогда что такое "Я"?

- Видимо, мой мозг.

- Твой мозг? Твой мозг - это часть тела. Как ноготь или сердце. Почему именно эта часть - это "ты"?

- Потому что... "Я" - это как голос в голове. Часть меня, которая думает, чувствует. Которая знает, что я вообще существую.

- Итак, если ты знаешь, что существуешь... тогда так и есть. Поэтому ты тут. Слушай. Твой мозг - это плоть. Она гниёт и исчезает. Ты в самом деле считаешь, что это всё, чем ты был? Например, ты сейчас у себя дома. Ты в твоём доме, это не значит, что ты и есть твой дом. Дом рушится, ты встаёшь и уходишь.»

Это очень трудно описать. Если я, находясь в доме, хочу сорвать яблоко в саду на пригорке – я его срываю. Я никуда не иду, никуда не перемещаюсь, просто пространство искривляется как-то так, что на мгновение яблоня оказывается в доме. Но это в моем мире. В мир моего соседа я перемещаюсь, но не в форме. Ой-ой-ой... Как же объяснить?... В нашем теле сегодня все клетки довольно тесно связаны и расположены близко друг к другу. Представим себе, что мы умеем увеличивать и уменьшать расстояние между этими клетками. Тогда наше тело может стать огромным, но потеряет плотность, оно станет как облако. А может стать маленьким и плотным, как камень. Это отдаленная схожесть, ассоциация, но, надеюсь, самое общее представление передает... Человеческое тело может иметь форму, но может ее и не иметь. Приведу другую параллель: пока у

человека растут волосы, он может их стричь, причесывать, красить. Когда их нет, он может надеть парик, но может и не одевать. Так же обстоит дело и с формой.

В овладении этими навыками состоит второе упражнение.

На этом уровне человек живет один. Он должен сосредоточиться на себе, познать себя, изменить себя. Это не означает, что он ни с кем не общается.

Вспомним опять фильм:

«- Мари! Эй, смотри, это Тигра! Моей дочки! Она здесь, правильно? Где она?

- Крис, здесь каждому хватает места для своего собственного мира.

- Я хочу видеть детей, Альберт!

- Когда захочешь - увидишь.»

Здесь одна неточность: пока мое желание касается только меня, я свободна видеть и создавать то, что хочу, но в общении с другими людьми наши желания должны совпадать. Мало захотеть увидеть Петю, надо, чтобы и Петя захотел увидеть меня. Поэтому встреч на самом деле не так много... Особенно со знакомыми по прошлой жизни. Многие наши земные связи иллюзорны, определены тем, что мы живем рядом, работаем вместе, являемся родственниками. С исчезновением этих условий выясняется, что на самом деле сущностных связей и не существовало... Это бывает горько... Многими любимый и уважаемый человек, к которому постоянно обращались и хотели видеть люди, может вдруг оказаться совершенно одиноким... Хорошо бы нам еще при жизни начать понимать реальную ценность наших связей...

Но возникают новые знакомства, новая дружба – с соседями, с теми, кто приходит с третьего уровня помочь нам освоиться и выполнить упражнения. В этих новых отношениях вырабатывается и новое восприятие другого человека. Во-первых, мы узнаем его не по внешности (которой нет), а... Нет, не могу объяснить, по каким признакам. Просто узнаем. Как узнаем по запаху, что подъезжаем к морю. Как узнаем приближение весны... Но для этих признаков есть в языке названия, для тех – нету...

Поэтому не получается лгать, лицемерить, скрывать свои мысли и чувства. В результате начинает терять свою ценность слово: во-первых, оно уже многое не может выразить, а во-вторых, оно зачастую ненужно, тот, с кем я общаюсь, и так знает, люблю я его или нет, нравится мне его сад или как...

И этот новый вид общения тоже требует навыка. Он совсем не прост. Попробуйте сами! Представьте себе, что ваш собеседник знает все ваши чувства, желания, направления мыслей. Неуютно, да?..

Приходится дрессировать свою душу, насаждать в ней благое и искоренять дурное. Это первое. Второе – терпимо и спокойно воспринимать другого.

То есть в конечном итоге на этом уровне мы приводим тело в полное соответствие с душой, а душу начинаем гармонизировать с духом. Когда эти три элемента станут триединством, мы уйдем для второго уровня.

И еще немножко – про естественные потребности. Их нет. Остается то, что радует душу. Но радовать душу может и еда и питье – и в этих границах они существуют.

Есть любимые звери, которых мы «очеловечили» в нашей земной жизни. Если

таких не было, но очень хотелось их иметь, можно отправиться в заповедник, где живут такие очеловеченные животные, не востребованные их земными хозяевами. Там вы встретите вашу зверушку. Это будет взаимный выбор.

И про секс – потому что это важно, плодиться и размножаться – одна из задач существования человека. В общении возникает некое касание душ и даже их слияние... Это уже приближение к замыслу... Но описать это невозможно, вернее, возможно, но использование слов придает восхитительному моменту налет чего-то пошлого, похотливого... В земной жизни у некоторых счастливиц в краткие мгновенья бывает слабое отражение этого опыта, остальным придется подождать... Могу только сказать, что для переживших его все оргазмы этого мира – как гурману обед в дешевой забегаловке...

На втором уровне тоже некоторые остаются, не идут дальше. Это опять же те, кому здесь хорошо настолько, что ничего больше не нужно, в основном, художники, композиторы, писатели, многие исследователи. Я забыла сказать, что человек здесь получает доступ к любому фактическому знанию о земных вещах и событиях, причем к знанию истинному. Может показаться, что в таком случае исследователям делать нечего, но это не так: знание фактов не включает их интерпретацию, последовательность событий – еще не история, существуют причины, следствия, взаимосвязи...

Но перейдем к третьему ярусу. И опять вспомним цитируемый фильм:

«- До сих пор Вы видели Ваш мир, а это мой. Наш город за рекой мы создаем все вместе»

Да, на этом уровне возникает вновь совместное творчество, со-творение мира, в котором хорошо каждому. Этот мир в постоянном развитии, изменении, поэтому его трудно описать, он зыбкий, можно сказать, как мечта, включает в себя очень много всего, рассказать о нем – все равно, что вкратце рассказать о Земле.

«- Итак, здесь работают? Я бы тоже...»

- Альберт, например, он вроде миссионера. Спасает потерянные души. Я лично занимаюсь животными.»

Работа здесь связана, в основном, с помощью и обучением людей и животных на других уровнях, в чистилище, в лимбе. Надо сказать, что, поскольку с переходом с уровня на уровень численность жителей уменьшается (из 100 “умерших” кто-то остается в аду, в чистилище, на первом ярусе, на втором...), то работы довольно много, это, пожалуй, самый очевидно деятельный мир (не то, чтоб на более высоких уровнях не было активной деятельности, но там она протекает вне этого города и поэтому жителям не так заметна, что ли).

Человек может свободно спускаться и даже иногда подниматься с уровня на уровень, но жить может только здесь. Основная характеристика – именно сотворчество, гармонизация личного и общего. Мы все знаем, как трудно не только сделать что-то вместе, но даже решить, что именно делать: я хочу на выходных поехать на дачу, сын хочет пойти на футбол, дочь – в кино, муж – поваляться на диване перед телевизором... Но большие, серьезные вещи не сделаешь в одиночку (даже Бог, и тот втроем). А мир – пусть мир этого яруса – большая и серьезная задача. Это не растворение личности, не усреднение,

наоборот – взаимное обогащение и личное развитие и совершенствование. В очень слабой форме на третий уровень похож “мозговой шторм”, но только когда мы говорим о совместных деяниях.

С описанием четвертого уровня у меня возникают серьезные сложности. Видимо, я еще недостаточно духовный человек, слишком привязанный к своим органам чувств, мне нужны цветы, зверушки, солнце, запах кофе... А там...

1Кор.2:9. “Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.”

Естественно, не видел: в мире, теряющем формы, глазу просто нечего видеть. Естественно, ухо не слышало, его же просто нет...

Понятно, что появляется (или скорее проявляется) иное зрение, иной слух, иные возможности восприятия. Но есть ли то, что воспринимать?

(Он на все мои вопросы отшучивается: «Ты же знаешь, что я умею дарить цветы! Будут у тебя и цветы, и бабочки, и твои псинки»)

Я вот что думаю: мы знаем, что у животных есть душа, что им есть, что сказать. Вот ее мы, наверное, и будем воспринимать, «видеть». Я уверена, что душа есть и у растений, просто у них очень ограниченные возможности проявить ее понятным для нас способом (многим, любящим растения, известно, что если с ними разговаривать, хвалить их, восхищаться ими даже молча, они растут, цветут и плодоносят лучше, что они воспринимают нашу любовь). Вот с их душами мы наконец и «поговорим».

Что же касается запаха кофе... Будут другие ощущения, настолько прекрасные, что запах кофе покажется нам... ну, чем-то совсем ненужным.

Но перейдем к тому, что я знаю лучше.

Здесь жители занимаются землянами. Есть ангелы-хранители – это ангелы. А есть святые покровители – это жители четвертого и следующих уровней. Ну, о святых покровителях написано много, и многое верно.

Дальше мои знания становятся совсем обрывочными - не доросла я еще... На каком-то уровне женятся и выходят замуж и дети от этих браков становятся душами новорожденных в земной жизни. На каком-то уровне (совсем не обязательно на другом) занимаются природными явлениями, не только в земном масштабе.

Но вот тема, которую я почти не затронула: общение с Богом. Оно есть всегда – в тех формах, которые доступны человеку на данном уровне. Он никогда не навязывает Своего общения, но всегда открыт для него. Он всегда присутствует в том, в чем мы хотели бы Его присутствия – в наших действиях, желаниях, мыслях, чувствах. Когда-то в одном споре было высказано утверждение: «Я люблю в человеке Бога», а я возразила: «Я люблю человека вместе с Богом!» Прикосновение к божественной любви – не к себе, к другому, к другим – для меня есть смысл высшего уровня.

Наверное, нет человека, который не задумывался бы о том, что такое смерть, что будет после нее и будет ли. Но только две небольшие группы решили для себя этот вопрос. В одной – люди, пережившие клиническую смерть и точно знающие, что загробная жизнь есть. Во второй – те, кто уверен в ее отсутствии. Аргументы у последних весьма спорные, а о причинах такой позиции о. Александр Мень как-то говорил, что некоторым людям проще смириться со смертью, чем представить себе,

что за все, сделанное в этой жизни, придется отвечать. А большинство же находится в состоянии, которое можно определить одним словом – “надежда”: надежда на то, что загробный мир есть, и на то, что в нем не так уж плохо. И тогда смерть – это только переход, только начало новой жизни. Недаром у святых день смерти празднуется как день рождения – рождения окончательного. И святая Тереза Младенца Иисуса говорила: “Я не умираю, я вступаю в жизнь”.
Счастливой вам жизни!